

Н.Б. Виноградов

*Моим родителям Ангелине Сергеевне
и Борису Михайловичу посвящается*

**СТЕПИ ЮЖНОГО УРАЛА И КАЗАХСТАНА
В ПЕРВЫЕ ВЕКА II ТЫС. ДО Н.Э.
(ПАМЯТНИКИ СИНТАШТИНСКОГО
И ПЕТРОВСКОГО ТИПА)**

Монография

Челябинск
2011

УДК 902.6
ББК 63.4(2Р36)
В 49

Виноградов, Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа) : монография / Н.Б. Виноградов. – Челябинск : Абрис, 2011. – 175 с. : ил.

ISBN 978-5-91744-003-3

Монография посвящена анализу культурно-исторических процессов, протекавших в степях Южного Урала и сопредельных районах Казахстана на рубеже III–II и в первые века II тыс. до н.э. В ней изложено авторское видение содержания, роли памятников синташтинского и петровского типов в Южном Зауралье и Северном Казахстане в культурно-исторических процессах этого времени. Впервые синташтинские и отчасти петровские памятники рассматриваются как отражение существования обществ, специфика возникновения и функционирования которых в значительной степени определялась металлопроизводством.

Издание может быть полезно как для специалистов-археологов, так и для всех, кто интересуется древней историей Южного Урала и сопредельных территорий.

УДК 902.6
ББК 63.4(2Р36)

Научный редактор – кандидат исторических наук А.В. Епимахов

Рецензенты: доктор исторических наук Е.Е. Кузьмина,
кандидат исторических наук С.В. Кузьминых

ISBN 978-5-91744-003-3

© Виноградов Н.Б., 2011
© ООО «Абрис», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора.....	4
Введение	5
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В СТЕПЯХ ЮЖНОГО УРАЛА И КАЗАХСТАНА В ПЕРВЫЕ ВЕКА II тыс. до н.э. В РАБОТАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XX – НАЧАЛА XXI вв.	9
ГЛАВА 2. ПАМЯТНИКИ СИНТАШТИНСКОГО ТИПА. ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРОБЛЕМЫ	25
2.1. История изучения и территориальная локализация памятников синташтинского типа	25
2.2. Основные характеристики памятников синташтинского типа	28
2.3. Хронология памятников синташтинского типа	75
2.4. Проблема происхождения синташтинского населения	78
2.5. Металлопроизводство и таксономическая атрибуция синташтинских памятников	83
2.6. Колесничие и колесницы в памятниках синташтинского типа	90
2.7. Историческая судьба синташтинского населения	92
ГЛАВА 3. ПАМЯТНИКИ ПЕТРОВСКОГО ТИПА. ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРОБЛЕМЫ	95
3.1. История изучения и территориальные пределы распространения памятников петровского типа	95
3.2. Материальный мир памятников петровского типа	96
3.3. Проблема хронологии памятников петровского типа	138
3.4. Проблема содержания памятников петровского типа	139
3.5. Происхождение памятников петровского типа	141
3.6. Таксономическая атрибуция памятников петровского типа	143
Заключение	147
Библиографический список	149
Условные обозначения и сокращения	173
Summary	174

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Сложилось так, что вся научная жизнь автора этой книги связана, главным образом, с обсуждаемым на ее страницах блоком проблем.

Будучи начинающим археологом, в 1971 г., работая в составе экспедиции В.С. Стоколоса на раскопках Кизильского поселения в одноименном районе Челябинской области, впервые наблюдал руины укреплений этого памятника, как впоследствии выяснилось, синташтинского времени. В течение трех сезонов (1974–1976 гг.) был активным участником исследования Синташтинского комплекса памятников (Синташтинского поселения и связанных с ним могильников) на крайнем юге Челябинской области. Во второй половине 1970-х – на рубеже 1980-х гг. в составе различных отрядов Урало-Казахстанской археологической экспедиции довелось участвовать в раскопках целого ряда памятников петровского типа в Северном Казахстане (поселение Петровка II, могильники Улубай, Бектениз, Графские Развалины), а также в открытии и разведочном обследовании новых памятников петровского типа в степной части Челябинской области. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. совместно с Г.Б. Здановичем исследовал первый памятник петровского типа на Южном Урале – поселение Кулевчи III (Виноградов, 1982; 1984).

В 1980-х – начале 1990-х гг. отрядами экспедиции ЧГПИ были проведены масштабные археологические работы на укрепленном поселении Устье I (Виноградов, 1995; 2004) и могильниках Кулевчи VI (Виноградов, 1984; 1998; 2000) и Кривое Озеро (Виноградов, 2003).

Обследование в 1980-х гг. археологами ЧГПИ берегов рек и озер на территории Курганской области с целью составления «Археологической карты Курганской области» (1993) позволило выявить целую серию новых памятников петровского типа.

Следовательно, данная монография может считаться итогом авторского осмысления синташтинской и петровской проблематики на протяжении нескольких десятилетий.

* * *

Археология – наука коллективная. И, несмотря на то, что на обложке лишь одна фамилия, в процесс получения первичной информации «в поле» на протяжении десятилетий были вовлечены сотни школьников, студентов и разнообразных любителей древности. В камеральной обработке материалов участвовали десятки по-своему талантливых людей, сопереживавших вместе с автором удачи и потери. Всем им я искренне признателен.

Низкий поклон моим Учителям, уроки которых я, правда, воспринял с различной степенью тщания и результативности.

Отдельная благодарность моим друзьям и коллегам – А.В. Епимахову и В.П. Костюкову. Их бескорыстными советами и замечаниями эта книга обогатилась.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение культурогенетических процессов в степной части Южного Урала, в Северном и отчасти в Центральном Казахстане на рубеже среднего и позднего бронзового века, роли степного населения Южного Урала этого времени в формировании культур «срубно-андроновского мира» позднего бронзового века составляет один из основных блоков проблем отечественной археологии.

Возможности продвижения вперед в их осмыслении созданы, в первую очередь, работами нескольких поколений исследователей андроновской и срубной культурно-исторических общностей. В значительной степени изучение блока обсуждаемых проблем было стимулировано открытием и началом исследования памятников петровского типа в Северном Казахстане и памятников синташтинского (новокумакского) типа на Южном Урале, а также предшествовавших им по времени ботайской и терсекской культур энеолитического периода в Северном Казахстане, углублением общих представлений об энеолите Южного Урала.

Рубеж III–II тыс. до н.э. и первые века II тыс. до н.э. без преувеличения можно определить как время свершения событий, определивших направленность внутреннего развития и внешних связей обществ в исследуемых регионах на длительный период.

Прежде чем приступить к изложению и анализу заявленных проблем, имеет смысл обратиться к общей картине локализации археологических культур на исследуемой территории в предшествующее, III тыс. до н.э. В горно-лесистой части Урала, в прилегающих к ней с востока лесных районах Западной Сибири, а также на территории современных степей Южного Урала и Северного Казахстана в это время протекала история нескольких аборигенных культур (аятская, суртандинско-кысыкульская, терсекская, ботайская и ряд других), объединенных в Зауральско-Казахстанскую КИО (Шорин, 1999), или Зауральскую энеолитическую общность Урало-Иртышского междуречья (Мосин, 2003. С. 75, 81), или ряд тесно связанных «сообщинностей» (Мосин, 2009).

Их близость определяется исследователями по следующим признакам: прежде всего, сходство «формулы декора» керамики (сложные геометрические гребенчатые орнаментальные композиции), затем наличию изображений водоплавающих птиц на керамике и присутствию в керамических комплексах сосудов с веревочной орнаментацией (Мосин, 2003. С. 91).

Носители этих культур являлись, по общему мнению, восточной периферией протофинно-угорской общности, территория которой простиралась в ту пору от Прибалтики до Западной Сибири и Северного Казахстана (Мосин, 2003. С. 102).

В начале III тыс. до н.э. западными соседями охотников терсекской культуры Северного Казахстана и охотников-рыболовов суртандинско-кысыкульской культуры Южного Урала стали переместившиеся в Южное Приуралье из Поволжья скотоводческие племена древнейших индоевропейцев – носители древнеямной культуры (Богданов, 2004).

Они принесли в степи Оренбуржья не только подвижное скотоводство. Древнейшие на Урале шахты для добычи медной руды, в первую очередь известные Каргалинские рудники, были также сооружены ямными горняками (Черных, 2007, 2008). Они же воздвигли древнейшие в этих степях курганы над погребениями соплеменников, причем, масштаб надмогильных сооружений, богатство погребального инвентаря и сложность внутримогильных конструкций явились основой для представлений ученых о наличии социальной иерархии внутри ямного общества (Моргунова, 1992).

Что более всего интригует, так это то, что между аборигенным населением и ямным, как кажется, почти не было никаких контактов. Точнее сказать, археологическими методами они отслеживаются плохо. Исключение составляет лишь стоянка Бурли II на р. Тогузак на севере Республики Казахстан (Мосин, 1996. С. 48–61), но и здесь керамическая серия, связываемая автором раскопок с ямным миром, невелика.

Редкие погребальные памятники ямной культуры и находки отдельных предметов, ассоциируемых с древнейшими скотоводами Южного Урала, встречаются порой много восточнее меридиана Оренбурга: Мало-Кизильский II могильник (Сальников, 1962. С. 16–59); могильник Александровский – IV (Мосин, 1996. С. 48–61; Зданович, Гаврилюк, Малютина, 2006. С. 41–47; Малютина, Зданович, Гаврилюк, 2010. С. 179–206); энеолитические погребения могильника Бестамак (Логвин, Шевнина, Колбина, 2009. С. 104–110); ряд погребений могильника Верхняя Алабуга и могильника Убаган I (Потемкина, 1982. С. 159–172; Потемкина, Дегтярева, 2007. С. 18–39); случайная находка боевого топора ямной культуры у с. Княженское на р. Камысты-Аят в Брединском районе Челябинской области (Виноградов, Дегтярева, Кузьминых, 2008. С. 111–114). По данным М.П. Вохменцева, керамика, близкая ямной, в небольшом количестве встречена им на нескольких поселениях близ устья р. Убаган в Курганской области (Вохменцев, 1995. С. 55).

Новейшие данные по радиоуглеродному датированию для ямных памятников Оренбуржья таковы, что между позднейшими ямными памятниками и синташтинскими зияет хронологическая лагуна протяженностью в несколько веков (Епимахов, 2007. С. 408), а древности аборигенных культур зауральской энеолитической общности Урало-Иртышского междуречья, согласно тому же радиоуглеродному датированию, также отделены от синташтинских по меньшей мере четырьмя столетиями (Епимахов, 2007. С. 408).

Кроме ямных, для периода, непосредственно предшествовавшего синташтинскому времени, в Оренбуржье зафиксированы отдельные памятники финально-катакомбного облика (Ткачев, 2006. С. 88–94).

Таким образом, возможны два сценария начальной фазы синташтинского проникновения в Южное Зауралье. Первый – население, оставившее памятники синташтинского типа, занимает безлюдный и свободный для новых насельников ландшафт в зоне Зауральского пенеplена. По второму, синташтинские общины все-таки столкнулись здесь с потомками носителей аборигенных энеолитических культур – суртандинско-кысыкульской и терсекской. Несмотря на приведенные выше данные радиоуглеродного датирования, первую модель автор данного исследования считает маловероятной, и, опираясь в своих построениях на разнообразные косвенные аргументы, имеет смелость считать более вероятной реализацию второго сценария.

Территория распространения памятников синташтинского и петровского типа в основном приходится на юг Челябинской, Курганской области, Оренбургскую область и юг Республики Башкортостан Российской Федерации, северные и, отчасти, центральные области Республики Казахстан. В орографическом аспекте синташтинские и петровские памятники приурочены к территории Зауральского плато (Советский Союз. Географическое описание. Урал, 1969. С. 31, 67–68; Николаев, 1972. С. 10. Рис. 2) и частично к югу Западно-Сибирской равнины с ее локальными частями: Кустанайской и Ишимской равнинами (Николаев, 1972. С. 10–11, 14; Чупахин, 1970. С. 6, 24, 30). Частично они связаны с Казахской складчатой страной и Тургайской низменностью.

Несмотря на то, что памятники синташтинского и петровского типов были основными объектами внимания целых археологических коллективов практически в течение сорока лет, количество проблем, связанных с их изучением, к настоящему времени лишь увеличилось.

Вот лишь некоторые из них:

- Происхождение. Обсуждение в 2005 г. на «круглом столе» в Челябинске (ЧелГУ) проблемы происхождения населения, оставившего памятники синташтинского типа (Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Ч. 2., 2010) показало фактически неубедительность существующих и отсутствие новых концепций по обозначенной проблеме.

Яркой иллюстрацией к высказанному выше утверждению может послужить обсуждение вопроса об участии в сложении синташтинских общин представителей энеолитических аборигенных культур Южного Урала и Северного Казахстана. В литературе наметилась па-

радоксальная ситуация. С одной стороны, в большинстве авторы солидарны в том, что материальные черты синташтинского образа жизни, материализованные черты идеологии синташтинского общества, не могут быть выведены и поняты из контекста памятников круга энеолитических культур «геометрической керамики» Урала и Казахстана. С другой стороны, ряд авторов (С.С. Калиева, В.Н. Логвин и др.) убеждены в активной роли групп позднейшего местного энеолитического населения в формировании культуры населения, оставившего памятники синташтинского типа.

- Материальный мир памятников синташтинского и петровского типов. Исследователи до сих пор либо наделяют различными комплексами признаков одну и ту же совокупность памятников (синташтинскую или петровскую), либо объединяют в одну культурно-хронологическую группу явно разновременные объекты, что было замечено уже сравнительно давно (Матвеев, 1998. С. 338). Причину этого можно видеть в отсутствии развернутых публикаций, именно публикаций основных поселенческих памятников синташтинского и петровского типа.

- Локализация поселенческих памятников синташтинского типа вдоль восточного макросклона Южного Урала и в зоне Зауральского пенеблена. Проблема очевидна даже при беглом взгляде на карту территориального размещения поселенческих синташтинских памятников, но в литературе эта «связка» объяснения не получила. Причины подобной локализации могут быть связаны как с пограничным положением этих территорий, так и с особенностями организации хозяйственно-экономической жизни, вытекающими из специфики минерально-сырьевых ресурсов указанных районов.

- Таксономический статус синташтинских и петровских памятников. Единодушия не наблюдается и здесь. «Синташтинская культура», «памятники синташтинского типа», «петровская культура», «памятники петровского типа» или «синташтинско-петровские памятники». Безусловно, эти разночтения в определенной степени вытекают из методологической неопределенности. Но нельзя сбрасывать со счетов и, как это ни парадоксально, дефицит источников.

- Хронология и ареал культурных взаимодействий населения, оставившего памятники синташтинского и петровского типов. Удивляют попытки полной синхронизации синташтинских и петровских памятников при наличии однозначной стратиграфической картины на масштабном исследованных поселениях Южного Зауралья, при полном отсутствии «ранних» петровских поселенческих комплексов в Северном Казахстане и признании явных связей петровских общин с раннесрубными.

- Взаимосвязь синташтинских и абашевских общин на Южном Урале. Часть керамики абашевской культуры Южного Урала и частично металлокомплекс ассоциируются с синташтинскими комплексами, однако развернутого и принятого всеми исследователями объяснения этот вопрос не получил.

Приведенным перечнем список проблем, связанных с памятниками синташтинского и петровского типа, не исчерпывается.

Весьма важна и природно-климатическая составляющая культурогенетических процессов в исследуемый период (Таиров, 2003).

Хронологические рамки работы (первые века II тыс. до н.э. в рамках калиброванной радиоуглеродной шкалы) определены по конкретным основаниям: от начального периода функционирования памятников синташтинского типа в Южном Зауралье до времени трансформации памятников петровского типа в памятники с керамикой типа Алакульского могильника (по К.В. Сальникову).

Современные опыты радиоуглеродного датирования памятников синташтинского типа в Южном Зауралье указывают на XXI–XVIII вв. до н.э. (Епимахов, 2007). Что касается памятников петровского типа, то, принимая во внимание их незначительное хронологическое совпадение с позднейшими синташтинскими, они должны датироваться, в основном, XIX–XVIII вв. до н.э. в системе радиоуглеродной калиброванной хронологии.

В степях Южного Урала и Северного Казахстана с памятниками синташтинского и петровского типов автором связываются конец среднего бронзового века и начальная фаза позднего бронзового века. Как принадлежащие к заключительному этапу среднего бронзового века рассматривают синташтинские памятники А.В. Матвеев (Матвеев, 1998. С. 359), С.А. Григорьев (Григорьев, 1999), В.В. Евдокимов (Евдокимов, 2000), А.В. Епимахов (Епимахов, 2005) и др. История алакульской культурно-исторической общности, включая ее ранний (петровский) этап, открывает период поздней бронзы в Южном Зауралье.

Поскольку настоящее исследование было выполнено в основном до 2007 г., более поздние материалы, публикации по обозначенному кругу проблем и связанные с ним идеи в рамках данной книги детально не рассматривались.

Следует особо подчеркнуть роль и место изученных автором в Южном Зауралье синташтинских и петровских памятников как опорных для исследования обозначенного круга проблем: укрепленного поселения Устье I и могильника Кривое Озеро, поселения Кулевчи III и могильника Кулевчи VI. Под «опорными памятниками» здесь понимаются археологические объекты, материальный мир и стратиграфическая колонка которых несут либо принципиально новое знание по кругу рассматриваемых проблем, либо позволяют структурировать во времени и пространстве уже имеющиеся факты в пределах неких совокупностей. Исследование в течение целого ряда лет упомянутых выше памятников значительными по площади раскопами позволило получить не только обширные коллекции, но и убедительную стратиграфию, причем как поселенческую, так и курганную.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В СТЕПЯХ ЮЖНОГО УРАЛА И КАЗАХСТАНА В ПЕРВЫЕ ВЕКА II ТЫС. ДО Н.Э. В РАБОТАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Впервые синташтинская проблематика была обозначена, пусть и без дефиниций, исследованиями О.А. Кривцовой-Граковой Алексеевского комплекса памятников в Верхнем Притоболье в 1930-е гг. (Кривцова-Гракова, 1948). Именно она отметила наличие в керамической коллекции из раскопок Алексеевского поселения сосудов, вызывавших живые ассоциации с керамикой абашевской культуры Среднего Поволжья (Кривцова-Гракова, 1948. С. 119. Рис. 43). Среди опубликованных О.А. Кривцовой-Граковой рисунков керамики из раскопок Алексеевского поселения сейчас можно уверенно указать на фрагменты синташтинских сосудов (Кривцова-Гракова, 1948. С. 133. Рис. 55, 10–11; С. 141). Но, это сейчас...

Проблема культуругенеза в степях Южного Урала и Казахстана в бронзовом веке заняла главенствующее место в трудах исследователей, по существу, со времени появления первой периодизации и хронологии бронзового века Южного Урала, выполненной К.В. Сальниковым в конце 1940-х – начале 1950-х гг. (Сальников, 1948. С. 21–26; Сальников, 1951. С. 109–120).

По К.В. Сальникову, в первые века II тыс. до н.э. степное Зауралье, степи Центрального и Северного Казахстана были заняты охотничье-рыболовецким населением с культурой неолитического облика. Именно с ним, а также с «наиболее южными раннешигирскими племенами» и скотоводческими племенами энеолитической афанасьевской культуры первоначально и связывал исследователь формирование андроновской культуры в этих районах (Сальников, 1951. С. 98–100, 145). Позднее к этому перечню добавилось и полтавкинское население, которое, благодаря большому опыту скотоводства, появившись в Южном Зауралье, сыграло «немалую роль в сложении андроновской культуры» (Сальников, 1967. С. 327–328). Надо признать, что К.В. Сальников остался до конца верен концепции в целом автохтонного происхождения андроновской культуры на базе местного неолитического и энеолитического населения как в степях – лесостепях Зауралья, Западной Сибири, так и в Северном Казахстане (Сальников, 1967. С. 340). Характерно, что «приводными ремнями» оформления андроновской культуры он считал бурное развитие скотоводства, земледелия и, что важно, металлопроизводства. Именно хозяйственно-экономические новации способствовали быстрой интеграции разнородных компонентов в единую культуру (Сальников, 1951. С. 145).

Поражает глубина научной интуиции К.В. Сальникова, наметившего на крайне небольшом порой материале фактически все основные блоки проблем, связанных с андроновским культуругенезом.

Уже в начале 1950-х гг. К.В. Сальников утверждал, что с самого начала своей истории андроновские племена по культурным признакам не были монолитны. Активно шел процесс оформления территориальных вариантов. Во всяком случае, именно К.В. Сальников одним из первых указал на теснейшие связи андроновского населения Зауралья и срубного Волго-Уралья, которые вылились на алакульском (по К.В. Сальникову) этапе в оформление срубно-алакульской контактной зоны (Сальников, 1967. С. 258); с абашевской, андреевской и шигирской культурами (Сальников, 1951. С. 146; Сальников, 1967, С. 258). Причем К.В. Сальников подчеркивал участие в сложении алакульского культурного комплекса именно «раннесрубных родоплеменных групп» (Сальников, 1967. С. 307), предвосхищая выводы исследователей последующих десятилетий, сделанные на куда большем материале.

По К.В. Сальникову, андроновская культура прошла в своем развитии три стадии (в хронологической последовательности): федоровскую, алакульскую и замараевскую (Сальников, 1948. С. 21–26; Сальников, 1951 С. 109, 112, 119, 147; Сальников, 1967. С. 284–285). В интересующее нас время, т.е. в первые века II тыс. до н.э., по К.В. Сальникову, в Южном Зауралье

протекала история андроновского населения федоровского облика. В это время раннеандроновское (федоровское) население в Южном Зауралье соседствовало со срубно-полтавкинскими группами населения (Сальников, 1967. С. 343). Автохтонное происхождение федоровской культуры в Южном Зауралье и Северном Казахстане было для К.В. Сальникова несомненным. На следующей — алакульской стадии, как он считал, с одной стороны, резко усилились интеграционные процессы, приведшие к появлению срубно-алакульского и алакульско-абашевского пласта памятников (Сальников, 1967. С. 346), с другой — стали интенсивно оформляться территориальные варианты андроновской — алакульской культуры (Сальников, 1967. С. 344).

К.В. Сальников до конца остался последовательным сторонником тезиса своей концепции, касающегося единства андроновской культуры и атрибуции федоровских, алакульских и замараевских древностей как этапов истории одной и той же андроновской культуры. Он энергично противостоял попыткам ряда исследователей культурно обособить алакульские и федоровские памятники (Сальников, 1967. С. 288, 297–304).

Что касается территориальной распространенности андроновской (по К.В. Сальникову) культуры, то из приведенной в его статье карты (Сальников, 1951) явствует, что она занимала не только собственно степное и лесостепное Южное Зауралье, но и Притоболье, Приишимье и Оренбургское Приуралье.

Представления К.В. Сальникова о датировке андроновских древностей Южного Урала от рубежа 1940–1950-х гг. до середины 1960-х гг. вслед за накоплением фактов и их осмыслением претерпели значительные изменения. Если в начале 1950-х гг. исследователь связывал историю федоровского и алакульского населения со второй половиной II — началом I тыс. до н.э. (Сальников, 1951. С. 119–120), то позднее он счел возможным расширить хронологические рамки андроновской культуры до XVIII–VIII вв. до н.э. (Сальников, 1967. С. 311–325; 340–352), не отказавшись, однако, от утверждения о хронологическом приоритете федоровских древностей перед алакульскими.

Таким образом, именно с работ К.В. Сальникова в литературе по обсуждаемой проблеме оформились представления, согласно которым сложение культур андроновского круга на Южном Урале и в Казахстане необходимо связывать с местными культурами предшествующего времени. Процесс этот, по К.В. Сальникову, осложнялся внешними, преимущественно западными, влияниями (полтавкинским, абашевским, срубным).

Системное обоснование рассмотрения алакульских памятников Южного Урала и Казахстана как отдельной культуры впервые было выполнено В.С. Стоколосом (Стоколос, 1972) в развитие представлений М.Г. Мошковой и Э.А. Федоровой-Давыдовой о возможной различной культурной принадлежности федоровского и алакульского населения (Мошкова, Федорова-Давыдова, 1964). Именно В.С. Стоколос, основываясь, в частности, на ревизии стратиграфии известного поселения Кипель, выдвинул предположение о предшествовании в Южном Зауралье алакульской культуры федоровской.

Зауралье с частью Казахстана и Оренбуржьем — вот тот регион, где, согласно В.С. Стоколосу, и сформировалась на базе местного энеолитического субстрата и при отсутствии сколько-нибудь выраженных внешних влияний алакульская культура. Сам генезис алакульской культуры тем не менее представлялся исследователю как «постепенный и неравномерный процесс смешивания групп зауральского населения с пришлым» (Стоколос, 1972. С. 139–140). По В.С. Стоколосу, автохтонными здесь можно считать лишь алакульскую и черкаскую культуры. Под пришлым населением в Зауралье В.С. Стоколос понимает группы срубного и абашевского населения, следы контактов которых с алакульскими общинами были отмечены им при раскопках могильников у с. Степного и с. Спаского, а также федоровское население, за которым он и предложил закрепить термин «андроновская культура».

Историю алакульского населения в Зауралье В.С. Стоколос подразделяет на два этапа. Ранний этап представлен памятниками типа поселения Черняки III и Алакульского могильника (Стоколос, 1972. С. 132). Материальную культуру этих и им подобных памятников

В.С. Стоколос выводит исключительно из культуры населения предшествующего (энеолитического?) периода истории Зауралья (Стоколос, 1972. С. 136–139). Поздний этап истории алакульских племен определен В.С. Стоколосом как «замараевский» и связывается им с интенсивными миграционными процессами и формированием целого ряда групп смешанных культурно-памятников. Многочисленные инокультурные (срубные, абашевские и, наконец, федоровские (андроновские, по В.С. Стоколосу)) воздействия проявляются, согласно рассматриваемой концепции, именно на позднем этапе истории алакульской культуры в Зауралье и относительно одновременно (Стоколос, 1972. С. 132). Ранний этап истории алакульской культуры в Зауралье, согласно В.С. Стоколосу, связывается с третьей четвертью II тыс. до н.э. Поздний этап он датирует XII–XI вв. до н.э. (Стоколос, 1972. С. 130).

В начале 1980-х гг. В.С. Стоколос выступил с решительной критикой выделенного К.Ф. Смирновым и Е.Е. Кузьминой «новокумакского» хронологического горизонта (Стоколос, 1983. С. 257–264), продолжая настаивать как на отсутствии генетической связи между памятниками новокумакского типа и алакульскими, так и на том, что «новокумакские древности не предшествуют ранним алакульским и сами не могут считаться таковыми» (Стоколос, 1983. С. 260, 262). Западные и юго-западные (полтавкинские, абашевские, культуры многоваликовой керамики) влияния на культуру алакульского населения Зауралья не предшествовали формированию автохтонной по происхождению алакульской культуры, а были ей одновременны (Стоколос, 1983. С. 263). В.С. Стоколос сомневается в реальности «новокумакского хронологического горизонта» и его существенном влиянии на ход развития зауральских культур бронзового века.

Таким образом, по В.С. Стоколосу, в первой половине II тыс. до н.э. как в Южном Зауралье, так и в Северном Казахстане заканчивалась эпоха энеолита, а все интересующие нас события бронзового века, в частности история населения алакульской культуры, произошли позднее, во второй половине II тыс. до н.э. Если, по понятным причинам, отвлечься от внутренней хронологии бронзового века Южного Урала, принятой в 1960-е гг., то «в сухом остатке» будет следующее: В.С. Стоколос – сторонник «автохтонной» концепции происхождения культур бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана; несомненным его достижением является вывод о хронологическом приоритете в интересующем регионе алакульских древностей перед федоровскими; по В.С. Стоколосу, раннеалакульскими должны считаться памятники с керамикой типа Алакульского могильника; принципиальным моментом схемы В.С. Стоколоса является синхронность инокультурных (срубных, абашевских и федоровских) влияний в алакульской среде, которые проявились лишь на позднем этапе истории алакульской культуры.

Важное место в исследовании обозначенного блока проблем занимают работы Е.Е. Кузьминой (Смирнов, Кузьмина, 1977; Кузьмина, 1994). И речь здесь идет не только об известном «новокумакском хронологическом горизонте» (Смирнов, Кузьмина, 1977). Чрезвычайно продуктивно цивилизационное понимание механизма миграционных процессов в евразийских степях в бронзовом веке как своеобразных «ответов» (по А. Тойнби) степных обществ на различного происхождения «вызовы» (природно-климатические потрясения, принципиальные новации в культурно-хозяйственной жизни и т.п.) (Кузьмина, 1994. С. 226). Результатом действия как тех, так и других факторов было своеобразное циклическое течение жизни степных обществ, когда периоды массовых миграций приводили часто к кажущейся прерывистости культурных традиций и сменялись периодами эволюционного развития с прослеживаемыми археологическими методами чертами преемственности археологических культур.

По Е.Е. Кузьминой, во II тыс. до н.э. в истории степей Евразии четко выделяется два периода.

Первый (XVII–XVI вв. до н.э.) может быть определен как начальная фаза культурогенеза, связанная с распадом сообщества культур предшествующего времени ямно-катакомбно-полтавкинского облика и с формированием культур срубно-андроновского мира (Смирнов, Кузь-

мина, 1977. С. 51). При определенном значении местного субстрата, ведущую роль в этом процессе, по мнению Е.Е. Кузьминой, сыграл западный культурный импульс, представленный на Южном Урале полтавкинской и абашевской культурами и культурой многоваликовой керамики (Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 3, 51), а также катакомбной культурой (Кузьмина, 1994. С. 227), и с этим трудно не согласиться. Интересно то, что Е.Е. Кузьмина считает возможным определить исследованные под курганом 25 могильника Новый Кумак погребения двойным термином: новокумакские (петровские) (Кузьмина, 1994. С. 227), отделяя таким образом их от синташтинских. Выделенный Е.Е. Кузьминой новокумакский хронологический горизонт, как это сейчас очевидно, включал явно разновременные комплексы, например, синташтинские и петровские. Однако сам факт его выделения принципиален и, по сути, бесспорен. Именно Е.Е. Кузьмина положила начало трактовке новокумакского хронологического горизонта как периода формирования стереотипов срубно-алакульского мира, обращая внимание на новокумакские истоки особенностей алакульской погребальной обрядности, гончарства, металлокомплекса (Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 34–35, 38). Важно то, что, обсуждая хронологию вновь выделенного хронологического пласта, Е.Е. Кузьмина сочла возможным синхронизировать новокумакские и абашевские древности (Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 26–27. Рис. 8). Сами новокумакские памятники она рассматривает как отражение дальних миграций значительных по численности групп степного населения культуры многоваликовой керамики, культурно связанного со степями Подонья и Украины, а также полтавкинской и абашевской культур (Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 29, 32–33) и, в соответствии с представлениями о хронологии бронзового века степей Евразии на время создания монографии, датирует новокумакские памятники второй четвертью II тыс. до н.э. (Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 40, 50).

Второй (по Е.Е. Кузьминой) *период* (XV–XIII вв. до н.э.) — время стабилизации этнополитической обстановки в евразийских степях, эволюционного внутреннего развития культур, в том числе и алакульской, и их интеграции (Кузьмина, 1994. С. 277).

Третий этап истории андроновской культурной общности (по Е.Е. Кузьминой) относится к завершающему периоду бронзового века и на археологическом уровне представлен культурами валиковой керамики.

Последовательной сторонницей автохтонного происхождения алакульской культуры является Т.М. Потемкина. Она рассматривает синташтинские памятники как позднеабашевские (Потемкина, 1983. С. 29). Сложение алакульской культуры на местной энеолитической и раннебронзовой основе, по Т.М. Потемкиной, произошло в лесостепях Зауралья и степях Тоболо-Ишимского междуречья (Потемкина, 1983. С. 29; Потемкина, 1983. С. 19; Потемкина, 1985. С. 273; Потемкина, 1993. С. 164–165; Потемкина, 1995. С. 14–27). Как и В.С. Горбунов, она определяет памятники синташтинского типа как абашевские, а синташтинские, по сути, материалы из могильника Убаган I, — как «абашоидные» (Потемкина, 1985. С. 281). Многолетние исследования памятников бронзового века в Среднем Притоболье привели Т.М. Потемкину к заключению о том, что алакульская культура здесь, хотя и подвергалась в различные периоды своей истории разнообразным инокультурным воздействиям (Потемкина, 1985. С. 272–273), но сформировалась на местной основе при «определяющей роли местных предшествующих традиций» (Потемкина, 1982. С. 45). Как и В.С. Стоколос, Т.М. Потемкина, привлекая данные прослеженного ею стратиграфического соотношения поселения и могильника Камышное I, утверждает, что инокультурные воздействия (новокумакские, абашевские) прослеживаются лишь на позднем этапе раннеалакульского периода (Потемкина, 1982. С. 52–53; Потемкина, 1983. С. 19–20; Потемкина, 1985. С. 268–269; Потемкина, 1995. С. 14–27), в то время как керамика памятников раннего этапа обнаруживает явные черты преемственности с раннебронзовыми памятниками этой же территории (Потемкина, 1982. С. 45, 52). Т.М. Потемкина считает что новокумакские памятники оставлены абашевскими общинами, находившимися в инокультурном окружении. Именно по этой причине в их материальной культуре, прежде всего в керамике, фиксируются столь явные

отклонения от абашевских стандартов (Потемкина, 1983. С. 29). По ее мнению, автохтонные традиции, безусловно, были более сильны и немногочисленные группы пришлого (полтавкинского, абашевского) населения были интегрированы в местные зауральские алакульские общины, что обнаруживается по постепенному уменьшению доли острореберных сосудов в алакульских памятниках Среднего Притоболья (Потемкина, 1985. С. 268–269, 271, 282). Доминирование местных культурных традиций и привело в Среднем Притоболье к оформлению алакульской культуры. Но Т.М. Потемкина не игнорирует и роль полтавкинско-абашевского субстрата в этом процессе (Потемкина, 1985. С. 279).

Корреляция типов металлических изделий и других категорий инвентаря из памятников бронзового века Курганского Зауралья с аналогичными из более западных регионов привела Т.М. Потемкину к заключению о том, что история алакульской культуры в Среднем Притоболье началась во второй половине XVII в. до н.э. (Потемкина, 1985. С. 280), активные контакты с абашевским (по Т.М. Потемкиной) населением Южного Урала – в первой половине XVI в. до н.э. (Потемкина, 1985. С. 281), а с XV в. до н.э. начинается развитый этап истории алакульского населения в Среднем Притоболье (Потемкина, 1985. С. 275–287, 292).

В.С. Бочкаревым в 1990-х гг. была сформулирована концепция, согласно которой в первой трети II тыс. до н.э. в южной части Восточной Европы возникли два очага культурогенеза, в значительной степени повлиявших на формирование облика обществ Восточной Европы и Азии в эпоху поздней бронзы: Карпато-Дунайский и Волго-Уральский (Бочкарев, 1995. С. 18–28).

Формирование Волго-Уральского центра культурогенеза, согласно рассматриваемой концепции, было стимулировано, не в последнюю очередь, развитием металлургии и металлопроизводства на базе эксплуатации местных месторождений меди (Бочкарев, 1995. С. 19; Бочкарев, 2010 с. 98). Металлопроизводство здесь уже имело статус ремесла и выработало целый ряд технологических новаций (использование оловянистых бронз, освоение новых приемов литья и литейных форм из камня) (Бочкарев, 2010. С. 115–116). Правда, истоки новаций в синташтинском металлопроизводстве В.С. Бочкарев предпочитает видеть в сейминско-турбинской среде (Бочкарев, 2010. С. 116).

Важным элементом обсуждаемой концепции является мнение о том, что базой для формирования блока культур начального этапа позднего бронзового века в Волго-Уралье послужили «местные субстратные элементы» (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 298). В.С. Бочкарев разделяет мнение о хронологическом приоритете южноуральской абашевской культуры перед синташтинскими, потаповскими и покровскими памятниками Южного Урала, Волго-Уралья и Поволжья. Именно южноуральская абашевская культура, по его утверждению, и стала основой для их формирования (Бочкарев, 1995. С. 120).

Алакульская культура, по В.С. Бочкареву, возникла «на местной основе под воздействием внутренних или внешних импульсов» (Бочкарев, 1995. С. 118). Под «местной основой» понимается прежде всего «петровская культура». Уже около середины II тыс. до н.э., по В.С. Бочкареву, срубная и алакульская культуры на большинстве территорий прекращают существование.

В социально-политическом аспекте В.С. Бочкарев определяет предандроновские и предсрубные общества Урало-Поволжья как вождества, апеллируя для района Южного Урала к данным Г.Б. Здановича о имеющейся в памятниках синташтинского типа социальной ранжированности. Разделяет он и мнение о наличии и определяющей роли в синташтинском обществе колесничной аристократии.

Именно Волго-Уральский очаг культурогенеза, как полагает В.С. Бочкарев, заложил основу для формирования Евразийской металлургической провинции (Бочкарев, 1995. С. 123). Начальная фаза культурогенеза в Волго-Уралье, по В.С. Бочкареву, в рассматриваемое время представлена тремя культурами: покровской, синташтинской и петровской. Важна оговорка об аморфности структур каждой из них (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 11). При обсуждении проблемы происхождения самих этих культур указывается на предшествующий,

но уже трансформированный абашевский компонент как на основу формирования всего блока новых культур. Не забыты и местные культуры эпохи средней бронзы: катакомбная, полтавкинская, бабинская и вишневская, с оговоркой о сложности их вычленения и смутной их роли в формировании культур начальной поры позднего бронзового века (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 11).

Особо отмечена значительная роль сейминско-турбинского населения в этом процессе (металлопроизводство, социальный и военный аспект). По мнению В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева, именно сейминско-турбинский натиск привел к «дестабилизации волгоуральской культурной среды <...> и к отходу абашевцев из Среднего Поволжья к югу и юго-востоку». Едва сформировавшись, синташтинское население стало активно влиять на соседей и даже физически распространяться, результатом чего и стало формирование памятников потаповского типа (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 11).

Несколько десятилетий петровская, а позднее и синташтинская проблематика занимают одно из основных мест в работах Г.Б. Здановича. Будучи первооткрывателем памятников петровского типа в Северном Казахстане, на начальном этапе исследования он рассматривал их как отражение раннего этапа истории алакульского населения Северного Казахстана. Своим происхождением, как он тогда считал, указанные памятники обязаны культурам местного населения эпохи ранней бронзы, осложненным внешними (южноуральскими) культурными импульсами (Зданович, 1983. С. 48; Зданович, 1975). В начале 1980-х гг. Г.Б. Зданович счел возможным обособить памятники петровского типа в отдельную культуру с тремя этапами ее истории без конкретизации содержания каждого из этапов, аргументировав это выделение через шесть указанных им отличий материальной культуры памятников петровского типа от собственно алакульских (Зданович, 1983. С. 64–65). Исследователь определил позднепетровские или даже петровско-алакульские памятники как «кулевчинские» (Зданович, 1984. С. 18, 19. Рис. 4). По мнению Г.Б. Здановича, петровская культура сформировалась в лесостепях и степях Южного Зауралья и соседних с ним с востока и юго-востока районах Зауралья и Казахстана (Зданович, 1988. С. 139). Г.Б. Зданович, с одной стороны, оставляет, по причине недостаточного количества источников, открытым вопрос о происхождении населения, которому принадлежали памятники петровского типа в Северном Казахстане, с другой — указывает и на перспективные, по его мнению, направления поиска: земледельческие оазисы Средней Азии и поиски памятников раннебронзового периода в степях как Казахстана, так и Южного Урала (Зданович, 1983. С. 65–66).

Но именно местные культурные компоненты (ботайская культура Северного Казахстана, суртандинская Южного Урала) стали, по мнению Г.Б. Здановича, базой для формирования петровской культуры. Однако он упоминает о том, что возможно говорить и о тесных контактах населения ботайской и суртандинской культур с раннесрубной и абашевской, а также с лесостепными культурами Западной Сибири и земледельцами юга Средней Азии (Зданович, 1984. С. 19; Зданович, 1988. С. 139, 152). В поисках аргументов в пользу местных корней петровского населения Г.Б. Зданович в этот период обращается к особенностям петровского гончарства, которые, по его мнению, возможно вывести из местного гончарства эпохи энеолита и раннего бронзового века. Среди них — большой процент баночных сосудов и острореберность части сосудов (Зданович, 1988. С. 110).

Вплоть до конца 1980-х гг. Г.Б. Зданович рассматривал могильник Синташта и иные памятники этого круга как западную окраину массива петровских памятников Северного Казахстана. Материальный мир Синташтинского могильника, петровский по сути, отмечен, по мнению Г.Б. Здановича, некоторым, в сравнении с памятниками петровского типа, своеобразием (Зданович, 1983. С. 50, 56–57, 60; Зданович, 1988. С. 110).

В первой половине 1990-х гг. в связи с резким увеличением источниковой базы по обсуждаемой проблеме в Южном Зауралье (открытие и начало широких исследований памятников с материальной культурой типа Синташтинского могильника) Г.Б. Зданович был вынужден в значительной степени модернизировать свою концепцию. Прежде всего, речь идет

о выделении им для Южного Зауралья синташтинской или синташтинско-аркаимской археологической культуры «Страны городов» (по Г.Б. Здановичу), именуемой также «протоцивилизацией» или «протогородской цивилизацией» (Зданович, 1989. С. 179; Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 48). Как часть этой культуры понимает Г.Б. Зданович и петровские памятники Северного Казахстана.

Истоки ее, как считают Г.Б. и Д.Г. Здановичи, многокомпонентны (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 51–52). Среди культурных компонентов процесса сложения синташтинского населения находим: две группы ямного населения (уральскую и поволжскую «с полтавкинскими и катакомбными традициями»), абашевскую южноуральскую культуру, энеолитические культуры Южного Урала и Северного Казахстана (ботайская, терсекская, суртандинская), а также кротовские или вишневецкие памятники и ташковскую культуру Зауралья. Кажется, все известные культурные феномены Южного Урала и Западной Сибири рубежа III–II тыс. до н.э. так или иначе внесли свою лепту в формирование синташтинской, или синташтинско-петровской, или синташтинско-аркаимской культуры (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 51). Приоритет отдельных культурных компонентов в самом процессе сложения памятников синташтинского или синташтинско-петровского типа автором концепции не определен. Не случайно, вероятно, сам ранний период истории «Страны городов» прописан эскизно, без детализации. Обсуждая процесс формирования синташтинско-аркаимской культуры, Г.Б. Зданович и Т.С. Малютина считают возможным говорить о двух последовательных этапах проявления внешнего фактора в этом процессе. Первый этап они связывают с «кавказо-каспийскими ямно-катакомбными новациями и полтавкинским компонентом». Именно с ним связан начальный период истории синташтинско-аркаимской культуры. Позднее в синташтинско-аркаимских древностях проявляются и «собственно катакомбные воздействия» (Малютина, Зданович, 2002. С. 69). При всем этом Г.Б. Зданович отрицает саму возможность привнесения синташтинского культурного комплекса извне как результата миграций, подчеркивая доминанту саморазвития синташтинских традиций в Южном Зауралье (см. стенограмму выступления Г.Б. Здановича на семинаре, посвященном проблеме происхождения памятников синташтинского типа в Челябинске в сентябре 2005 г.) (Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала, 2010. С. 134).

При характеристике развитого («классического») этапа истории «Страны городов», представленного в рассматриваемой концепции памятниками синташтинского типа, указывается как на важный момент на трансформацию абашевской уральской культуры *в том же направлении, что и культура памятников синташтинского типа, а точнее, под ее влиянием* (курсив мой. – Н.В.) (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 53). Анализируя вклад абашевской южноуральской культуры в формирование синташтинского феномена Г.Б. и Д.Г. Здановичи подчеркивают, что это был «чрезвычайно сложный и неоднозначный процесс» (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 53). При этом предполагается, что трансформация южноуральской абашевской культуры произошла синхронно с ранним этапом истории «Страны городов». Г.Б. Зданович отрицает определяющее влияние абашевской культуры Южного Урала на формирование памятников синташтинского типа, считая, что этот процесс был, скорее, результатом саморазвития, нежели абашевского влияния. Важным элементом концепции культурогенеза в Волго-Уралье является тезис исследователей о крайней энергичности синташтинского населения Южного Зауралья в его экспансии в западном направлении (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 53–55).

Развитый этап истории «Страны городов» (согласно концепции Г.Б. Здановича) характеризует наличие нескольких типов поселений: круглоплановые укрепленные поселения; «небольшие по площади поселения без укреплений; сезонные стоянки» (Зданович, 2002. С. 44). Погребальные памятники представлены округлыми в плане «погребальными полями» с выраженным центром в виде крупных могильных ям, иногда содержащих остатки колесниц, костяки коней, и периферийными ямами вокруг центральной (центральных). Характерны надмогильные сооружения над отдельными ямами. К этому же времени отнесен и

Большой Синташтинский курган, определенный как уникальный храмово-погребальный комплекс. Для этого этапа характерны и т. н. «территориальные округа», центрами тяготения которых, по Г.Б. Здановичу и Д.Г. Здановичу, являются укрепленные поселения, а периферию радиусом до 30 км заполняют «иерархизированные неукрепленные поселения (вторичного или третичного порядка)» (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 55). Другая характерная черта этапа — развитая металлургия и металлообработка бронзы с инфраструктурой процесса производства (рудники), распределения (транспортные пути, торгово-обменная деятельность). Металл производился уже для поставки в степи и лесостепи Евразии (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 55). Социально-политическая система, присущая «классическому этапу» истории рассматриваемой совокупности памятников, по Г.Б. Здановичу и Д.Г. Здановичу, — вождество, протогосударственное образование. Именно с развитым этапом связывается автором (авторами) концепции военное распространение синташтинского населения как на восток (в Притоболье), так и на запад (в регионы Волги и Дона, вплоть до Украины). Результат — формирование потаповского населения в Среднем Поволжье и разнотипных комплексов с синташтинскими чертами на территории Подонья и степной Украины.

На позднем этапе истории «Страны городов», согласно концепции Г.Б. Здановича и Д.Г. Здановича, преобладают подпрямоугольные в плане укрепления. Авторы утверждают о деградации, в сравнении с предыдущим этапом, сложности и размеров всех основных архитектурных элементов (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 55–56). Уменьшается значение укрепленных поселений как культовых и «религиозно-астрономических» центров. Упрощается и погребальный обряд. Происходит стандартизация форм керамики, упрощение ее орнаментации. Авторы полагают, что возможно говорить об «осрубении» культуры «Страны городов» на позднем этапе ее истории (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 56–57).

С поздним этапом истории «Страны городов» связана вторая волна миграции синташтинского населения в западном направлении и формирование покровских памятников в Поволжье (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 57).

С одной стороны, именно население «Страны городов», согласно рассматриваемой концепции, сыграло выдающуюся роль в формировании целого ряда культурных образований Восточной Европы бронзового века.

С другой стороны, именно проникновение на позднем этапе истории «Страны городов» в Южное Зауралье с востока (из современного Курганского Зауралья и Северного Казахстана) масс петровского населения обуславливает расцвет петровской культуры и в Южном Зауралье. Симптоматично указание Г.Б. Здановича и Т.С. Малютиной на синташтинско-петровскую смешанность материалов памятников Южного Урала и Северного Казахстана, выраженную в различных пропорциях для разных памятников (Зданович, Малютина, 2004. С. 56).

Важной чертой обсуждаемой концепции следует считать возможность рассматривать синташтинские и петровские памятники «как разные аспекты или слои *одной* (курсив мой. — Н.В.) культуры» (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 57).

В качестве причин завершения истории «Страны городов» Г.Б. и Д.Г. Здановичи указывают на синташтинско-петровский конфликт, наложившийся на экологический кризис. Итог — массовый исход населения из «Страны городов» и прекращение ее истории. По их мнению, археологически фиксируется культурный разрыв между раннеалакульским и постсинташтинским населением Южного Зауралья (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 58).

Феномен «Страны городов» определен указанными авторами как «протоцивилизация», «протогородская цивилизация», «суперкультурное» образование <...>, надстроенное над археологическими культурами степной лесостепной Евразии <...> ступень, связанная с формированием сегментных обществ и протогосударственных образований», «одна из ранних индоевропейских цивилизаций» (Зданович, 1989. С. 48; Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995.

С. 59, 62). Несколько позднее Г.Б. Зданович определил синташтинское общество как «раннюю бесписьменную цивилизацию», «среднемасштабное комплексное общество», которое «значительно продвинулось в своем развитии и подошло к порогу цивилизации» (Зданович, 1999. С. 43). Сами же укрепленные поселения синташтинского типа понимаются им как «урбанизированные территории», «протогорода» (Зданович, 1999. С. 42).

В заключение приведем чрезвычайно важную, на наш взгляд, ремарку указанных авторов о том, что «...раннеалакульские группы [в Южном Зауралье. – Н.В.] занимают опустевшие, покинутые жителями территории и не вступают в широкие контакты с поздними или постсинташтинским населением...» (курсив мой. – Н.В.) (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 58).

Одним из ведущих специалистов по исследуемому блоку проблем является А.В. Епимахов. Около 20 лет он является активным участником исследования синташтинской проблемы. Под его руководством в 1990-е гг. в Южном Зауралье изучен целый ряд синташтинских памятников, в том числе исследована часть синташтинских погребальных сооружений могильника Солнце II, который связывается с обитателями укрепленного поселения Устье I (Епимахов, 1996). Совместно с В.П. Костюковым и Д.В. Нелиным он исследовал могильник Каменный Амбар-5 (Костюков, Епимахов, Нелин, 1995; Епимахов, 2005). В последние годы А.В. Епимахов совместно с Л.Н. Коряковой приступил к систематическому изучению укрепленного поселения Ольгино (Каменный Амбар). В концентрированном виде представления А.В. Епимахова о синташтинском культурогенезе изложены в его монографии, посвященной систематике представлений о синташтинских погребальных памятниках и погребальной обрядности (Епимахов, 2002). Обсуждая проблему генезиса населения, оставившего памятники синташтинского типа, А.В. Епимахов подчеркивает, что, несмотря на достаточно длительный период исследования, «не построено ни одной модели формирования синташтинского феномена».

По А.В. Епимахову, оформление синташтинского комплекса происходило при доминанте «пришлого населения» и представляло собой сложный процесс, который был лишь частью широких культурных трансформаций, происходивших в то время в степной части Восточной Европы (Епимахов, 2002. С. 71). Он солидарен с Е.Н. Черных в том, что «приводными ремнями» этих трансформаций были в первую очередь достаточно радикальные изменения в металлургии и металлообработке (Черных, 1989. С. 38–39). В данном случае речь должна идти о распаде Циркумпонтийской и формировании Евразийской металлургической провинции с присущими ей технологическими и иными стереотипами. В упомянутых выше трансформациях, приведших к формированию памятников синташтинского типа, по мнению А.В. Епимахова, определяющую роль играли группы позднейшего ямного, катакомбного населения, первоначально локализованные как в Поволжье и Приуралье, так и в Предкавказье (Епимахов, 2002. С. 72–73). В то же время исследователь считает, что окончательно синташтинский культурный комплекс сформировался именно в Южном Зауралье (Епимахов, 2002. С. 77). Указывая на явные катакомбные корни синташтинского населения, А.В. Епимахов относит синташтинские памятники к заключительной фазе среднего бронзового века Южного Урала (Епимахов, 2005. С. 164).

Что касается хозяйственно-экономической базы синташтинских общин, то А.В. Епимахов является сторонником сбалансированного соотношения в хозяйстве южно-зауральского синташтинского населения скотоводства и металлопроизводства. Однако он признает, что «металлургическая специализация синташтинского общества, контролировавшего, возможно, не только минеральные ресурсы, но и монополию на секреты технологии, во многом определила весь облик культуры...» (Епимахов, 2002. С. 77). Обсуждая материалы укрепленного поселения Ольгино (Каменный Амбар), ученый указывает на производство металла его обитателями как на одно из основных направлений хозяйственной деятельности (Епимахов, 2005. С. 167).

А.В. Епимахов полагает, что именно синташтинское население Южного Зауралья, в условиях продолжавшейся миграционной экспансии в Северный Казахстан, Зауралье и возвратного движения в Поволжье, дало культуuroобразующий импульс для оформления «петровской культуры» Северного Казахстана и памятников потаповского типа в Среднем Поволжье (Епимахов, 2002. С. 77). Важным представляется и указание исследователя на несоответствие масштабов укрепленного поселения Каменный Амбар и его некрополя (Епимахов, 2005. С. 167).

Автор раскопок Синташтинского могильника В.Ф. Генинг к рассмотрению проблемы происхождения населения, оставившего его, специально не обращался, хотя в своем докладе на Всесоюзном археологическом совещании в Киеве в 1975 г. особо подчеркнул, что материалы Синташтинского могильника свидетельствуют о культурной многокомпонентности населения, которому он принадлежал. Во всяком случае, им подчеркивалась близость конкретных групп керамики Синташтинского могильника керамике культуры многоваликовой керамики, абашевской культуры. Третья из выделенных исследователем групп была определена им как протоалакульская (Генинг, 1975. С. 95). В целом В.Ф. Генинг, по результатам анализа особенностей погребального обряда, определял население, оставившее Синташтинский могильник, как индоиранское по языковой принадлежности и культурно многокомпонентное (Генинг, 1977. С. 72–73).

Свой вклад в решение проблемы происхождения культур Южного Урала и Северного Казахстана рубежа среднего и позднего бронзового века сделал и И.Б. Васильев. Анализируя проблему «царских» курганов ямно-полтавкинское времени в Волго-Уралье, он отмечает, что именно «ямно-полтавкинские» общины Волго-Уралья, тесно контактировавшие с населением Предкавказья, Приазовья и Причерноморья, стали главным культурным компонентом сложения «культуры типа Новый Кумак – Синташта». Другим культурным компонентом этого процесса, по И.Б. Васильеву, была южноуральская абашевская культура. Третий компонент – местное население Южного Зауралья и Северного Казахстана (энеолитические культуры) (Васильев, 1999. С. 138).

Мысль о «ямно-полтавкинской» основе потаповско-синташтинского круга памятников звучит и в ряде коллективных работ с участием И.Б. Васильева (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1995. С. 34).

В.Н. Логвин, обращаясь к рассмотрению обсуждаемой проблемы, отмечает несомненный вклад в генезис синташтинского и петровского населения местных культур круга «геометрической керамики», финно-угорской, как он полагает, языковой принадлежности (Логвин, 1995. С. 88–95).

Авторская реконструкция событий, приведших к формированию «синташтинско-петровских древностей» (терминология В.Н. Логвина), предполагает участие в процессе культурогенеза также ямно-катакомбного субстрата с индоиранской языковой принадлежностью (Логвин, 1995. С. 94) и присущими ему особенностями организации хозяйственной жизни (в частности, наличием овцеводства), подкурганного обряда погребения, развитого колесного транспорта. Говоря о причинах массовых миграций скотоводческого ямно-катакомбного населения, В.Н. Логвин указывает на две главные из них. Первая – мощное хозяйственно-экономическое развитие скотоводческих культур Волго-Уралья в предшествующий период. Вторая причина – резкая аридизация степей в конце III – начале II тыс. до н.э. (Логвин, 1995. С. 94–95).

В итоге «степные регионы области геометрической керамики подверглись сильному воздействию индоевропейского в своей основе ямного населения» (Логвин, 1995. С. 95). Очень важно указание В.Н. Логвина на ассимиляционные процессы как на основную модель формирования «синташтинско-петровских древностей» (Логвин, 1995. С. 95). Что касается хронологического соотношения синташтинских и петровских древностей, то исследователь, по сути, основываясь на материалах погребальных памятников Северного Казахстана таких, как Бестамак, Токанай-1, синхронизирует их (Логвин, 1995. С. 194). Близ

ка позиции В.Н. Логвина и точка зрения С.С. Калиевой на степень участия аборигенного населения в формировании «петровско-синташтинских» древностей (Калиева, 1998; Калиева, 2005). Считая синхронными синташтинские и петровские памятники, С.С. Калиева и В.Н. Логвин определяют их как «синташтинско-петровские» и выделяют в их истории ранний этап, представленный, помимо эпонимного могильника у с. Петровка, могильниками Токанай и Бестамак (Калиева, Логвин, 2008. С. 55).

Как праургорские определяет культуры, объединенные им в «зауральско-северо-казахстанскую этнокультурную общность эпохи энеолита» В.С. Мосин (Мосин, 1995. С. 127). Он считает возможным говорить о сокращении в конце III тыс. до н.э. по причине резкой аридизации территории, занятой южными культурами указанной общности (Мосин, 1995. С. 128). Их место в некоторой степени было занято населением ямной культуры Волго-Уралья, однако, как считает исследователь, миграции групп ямных скотоводов не были массовыми и не получили здесь дальнейшего продолжения (Мосин, 1996. С. 60).

Материальный мир памятников синташтинского типа, как полагает В.С. Мосин, не имеет местных корней и обязан своим появлением лишь массовым миграциям с запада (Мосин, 1995. С. 129). В.С. Мосин, в отличие от В.Н. Логвина, не считает возможным говорить о сколько-нибудь значимом вкладе зауральских энеолитических культур в формирование культур бронзового века на Южном Урале (Мосин, 2003. С. 104).

А.Ф. Шорин полагает, что группы аборигенного населения, представленные кругом культур «геометрической керамики», в культурогенетическом соревновании с катакомбным миром явно проигрывали, будучи ориентированы на присваивающие отрасли экономики, позволявшие, достаточно эффективно строить жизнь на традиционных с мезолитической эпохи началах (Шорин, 2003. С. 194–196). Исследователь допускает сосуществование энеолитического населения в горно-лесной части Урала и андроновской культурно-исторической общности (Шорин, 1999. С. 94). Он убежден, что среди участников процесса формирования черт синташтинского комплекса аборигенное уральское население явно не доминировало (Шорин, 2002. С. 116). Дискуссионность проблемы происхождения населения, оставившего на Южном Урале памятники синташтинского типа, очевидна, но она не умаляет значения этого процесса, которое «выходило далеко за пределы степного Зауралья» (Шорин, 2002. С. 116). Что касается истоков населения алакульской культуры, то А.Ф. Шорин полагает, что алакульская линия развития восходит к местным (Урало-Казахстанским) культурам различных периодов: от неолита до раннего бронзового века включительно, на которые наложились различные миграционные процессы, приведшие к появлению в крае носителей «Синташтинского и Аркаимского культурного комплекса», полтавкинской, абашевской культур и культуры многоваликовой керамики (Шорин, 1999. С. 95).

Н.А. Аванесова, детально изучив металлопроизводство андроновского населения Южного Зауралья и Казахстана, пришла к выводу о хронологической последовательности и генетической преемственности петровской и алакульской культур (Аванесова, 1991. С. 87). Петровские комплексы для нее синхронны с абашевскими, многоваликовыми. Н.А. Аванесова, с учетом «катакомбно-многоваликовых реминисценций» в петровском гончарстве датирует петровские памятники в пределах XVII–XVI вв. до н.э. (Аванесова, 1991. С. 88). Указанный автор, на основании работы с немногочисленными аналогиями, синхронизировала петровские материалы, и памятники земледельческих культур юга Средней Азии времени Намазга V и предположила возможность «удревнения даты петровской культуры» (Аванесова, 1991. С. 89). Важно и введение ею в научный оборот материалов ряда погребений и поселения Тугайное, которые Н.А. Аванесова интерпретирует как «позднепетровские» (Аванесова, 1991. С. 88).

Одним из исследователей обозначенного круга проблем является В.В. Евдокимов, изучивший в Кустанайском Притоболье ряд памятников с петровскими материалами (пос. Семиозерное II, Конезавод III) (Евдокимов, Логвин, Бурнаева, 1975. С. 484–485; Евдокимов, 1977. С. 510).

В.В. Евдокимов и В.В. Варфоломеев датируют эпоху средней бронзы на территории Северного и Центрального Казахстана временем с XVIII по XIII в. до н.э. Культурно-хронологическая шкала здесь в этот период, по их мнению, представляет историю петровской, алакульской и федоровской культур (Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 17). В.В. Евдокимов и В.В. Варфоломеев полагают, что в Северном и Центральном Казахстане петровская культура — первая в истории этих регионов культура с производящим типом хозяйства. В качестве предшественников петровской культуры ими названы памятники «типа Синташты и Аркаима». Однако, уклоняясь от детального обсуждения проблемы происхождения населения, оставившего памятники петровской культуры, они не считают степи Казахстана территорией, где происходило формирование петровской культуры. Из контекста следует, что как исходный район формирования петровской культуры понимается Южный Урал (Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 18). Особо надо подчеркнуть тезис указанных авторов о массовой миграции в XVI в. до н.э. в степи Центрального Казахстана некоего федоровского населения из Восточного Казахстана (Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 86). С этого времени, по мнению этих исследователей, носители петровской и федоровской, а позднее алакульской и федоровской культур в степях Казахстана и на Южном Урале сосуществуют.

В.М. Массон в ряде работ указывает на несколько тенденций исторического развития степного населения Евразии в конце каменного века, которые явились предпосылками и определили содержание культурогенеза, его направленность, облик культур степей Евразии в последующие тысячелетия. Среди них развитие скотоводства, металлургии и формирование степного образа жизни в целом (Массон, 1995. С. 106–107).

Синташтинский феномен В.М. Массон понимает как надкультурное явление, как пик истории степных ранних комплексных обществ, в которых политически доминировала военная аристократия. Именно олигархическая власть синташтинской военной аристократии, по его мысли, и обусловила достижение уровня высокой культуры и его трансляцию на население прочих степных культур (Массон, 1995. С. 108). В частности, В.М. Массон считает возможным распространение степных культурных традиций в южном направлении со времени существования комплексов типа «Синташта» (Массон, 1999. С. 72).

В рамках истории абашевской культурно-исторической общности рассматривает функционирование «синташтинско-аркаимских» южноуральских укрепленных поселений и А.Д. Пряхин (Пряхин, 2003. С. 41). А.Д. Пряхин считает, что В.С. Бочкарев не прав, утверждая для рубежа среднего и позднего бронзового века исключительную культурогенетическую роль населения Волго-Уральских степей (Пряхин, 1995. С. 156). В свою очередь, А.Д. Пряхин полагает, что необходимо говорить для территории от Подонья до Зауралья о трех взаимосвязанных между собой культурно-исторических зонах, представленных конкретными археологическими культурами, которые во времени группируются в два хронологических горизонта: синташтинско-потаповско-кондрашкинский и мосоловский (Пряхин, 1995. С. 154–156). Более того, А.Д. Пряхин, В.И. Беседин считают более доказательной миграцию именно доно-волжского абашевского населения в восточном направлении, нежели синташтинского — в западном. Аргументирует он этот тезис, в частности, степенью сходства материального мира доно-волжских абашевских памятников и синташтинских памятников Южного Урала (Пряхин, Беседин, 1999. С. 152).

В.С. Горбунов синташтинские древности Южного Зауралья атрибутирует как «зауральский синташтинский вариант уральской абашевской культуры» (Горбунов, 1992. С. 144). Очень важным представляется картографическое распределение памятников абашевской культурно-исторической общности, приведенное ученым. Между абашевскими территориями на Средней Волге и на Южном Урале — Куйбышевское Заволжье, где нет абашевских памятников (Горбунов, 1992. С. 145). В.С. Горбунов, понимая необходимость объяснить отсутствие абашевских памятников в Куйбышевском Заволжье, обосновывает этот факт присутствием в этом районе в это время ямно-полтавкинского населения (Горбунов, 1992. С. 153). Рассматривая архитектуру поселений бронзового века в Волго-Уралье, В.С. Горбунов под-

черкивает, что каркасные строения в регион были привнесены абашевским населением и позднее идея была развита в срубно-андроновской архитектуре (Горбунов, 1992. С. 91).

Близка рассмотренной выше точке зрения относительно культурной атрибуции памятников синташтинского типа и позиция О.В. Кузьминой, которая уже в начале 1990-х гг. рассматривала синташтинские памятники в ранге культуры – наследницы абашевских традиций (Кузьмина, 1992. С. 74–76).

Обсуждая культуриногенетические процессы в степях Восточной Европы в первой половине II тыс. до н.э., В.В. Отрощенко считает возможным говорить о южноуральском очаге культуриногенеза и решающей роли населения, оставившего памятники синташтинского типа в формировании восточноевропейских степных культур позднего бронзового века (Отрощенко, 1996). Он выделяет так называемый «предсрубный период», к которому относит такие культурные феномены Восточноевропейской степи этого времени, как бабинская, доно-волжская абашевская культуры, памятники потаповского типа и памятники синташтинского типа («синташтинская культура», по В.В. Отрощенко) (Отрощенко, 2003. С. 75). Говоря о культурных компонентах формирования непосредственно синташтинской культуры, В.В. Отрощенко называет в их числе абашевский, позднекатакомбный и местный (Отрощенко, 2003. С. 75). Особое внимание он уделяет наличию в синташтинском обществе «субкультуры военизированной знати», или «харизматических кланов». Именно синташтинская военная элита и стала, как считает исследователь, той силой, которая руководила процессами культурной трансформации степей Восточной Европы в обсуждаемый период. Стремительное продвижение синташтинского населения (вместе с уральским абашевским) на запад привело, по мысли В.В. Отрощенко, к формированию целого ряда культур (доно-волжской абашевской, бабинской) и к оформлению «предсрубного горизонта» (Отрощенко, 2003. С. 76). Итогом деятельности последующих по времени военных элит и стало формирование срубной культурной общности (Отрощенко, 2002. С. 179).

По мнению Р.А. Литвиненко, на развалинах катакомбного мира возникло несколько очагов культуриногенеза, функционирование которых связано с меднорудными месторождениями Южного Урала, Волго-Уралья и Днепро-Донецкого региона (Литвиненко, 2003. С. 148–149).

Важным достижением южноуральской археологии в последние десятилетия XX в. явилось открытие группы позднекатакомбных памятников в степном Приуралье и обоснование их стратиграфического предшествования синташтинским, выполненное В.В. Ткачевым. Исследователь отмечает стратиграфическое следование в погребальных памятниках степного Приуралья позднекатакомбных погребений вслед за ямными (Ткачев, 2007. С. 242). Археолог связывает формирование синташтинского населения с юго-западным импульсом при участии групп, оставивших памятники вольско-лбищенского типа и культур позднекатакомбного круга (Ткачев, 2007. С. 261–269). Исследователь считает, что истоки синташтинской гончарной традиции, технологии, синташтинской металлургии и металлообработки, следует искать в памятниках уральской абашевской культуры и поздних культурах катакомбной общности (Ткачев, 2000. С. 49; Ткачев, 2002. С. 49–51; Ткачев, Хаванский, 2006. С. 110; Ткачев, 2007. С. 270).

Сама история «синташтинской культуры», по В.В. Ткачеву, состояла из двух этапов: собственно синташтинского и новокумакского (Ткачев, 2002. С. 50). Существенной представляется оговорка автора концепции о том, что «провести четкую границу между двумя этапами синташтинской культуры невозможно» (Ткачев, 2002. с. 53).

В работах В.В. Ткачева содержится обстоятельная критика позиций сторонников концепции автохтонного происхождения алакульской культуры (Ткачев, 1998. С. 38–39; Ткачев, 2003. С. 109–124). Сам же исследователь рассматривает памятники петровского типа как раннеалакульские (Ткачев, 2002. С. 53–54; Ткачев, 2003. С. 111), связывая их происхождение с трансформацией «синташтинской культуры» (Ткачев, 2003. С. 111). Что касается

места формирования раннеалакульского культурного комплекса, В.В. Ткачев ограничивает его синташтинской территорией на Южном Урале (Ткачев, 2003. С. 113).

Историю алакульской культуры В.В. Ткачев разделяет на петровском этапе на две последовательные хронологические фазы: собственно петровскую и кулевчинскую (Ткачев, 2002. С. 53; Ткачев, 2003. С. 123–124).

Согласно концепции А.А.Ткачева: «В XX–XVII в. до н.э. в Тоболо-Ишимской зоне складываются памятники синташтинской, петровской и нуртайской культур. Все они имеют местную подоснову, их образование инициировано внешними импульсами. Отличаются друг от друга элементами материальной культуры». Он считает возможным отнести памятники андроновской культурно-исторической общности к среднему бронзовому веку (Ткачев, 2002. С. 185). А.А. Ткачев определяет синташтинские, петровские и нуртайские комплексы как раннеалакульские (Ткачев, 2002. С. 212). Формирование федоровской (канайской) культуры, по его мнению, происходило параллельно истории синташтинцев и петровского населения на территории Казахстанского Прииртышья и Степного Алтая.

Также необходимо особо упомянуть точку зрения на происхождение синташтинского населения Н.И. Шишлиной и Ф.Т. Хиберта, согласно которой из земледельческих оазисов Средней Азии на Южный Урал мигрировала (по не вполне ясным причинам. – *Н.В.*) группа земледельческого населения, но не смогла вести в континентальном климате южноуральских степей привычное земледельческое хозяйство и «сыграла генерирующую роль в формировании андроновского и срубного круга памятников» (Шишлина, Хиберт, 1996. С. 90–92). С южным, в частности, импульсом связывает формирование памятников синташтинского типа и Т.С. Малютина (Малютина, 2009. С. 22–26).

С.А. Григорьев, утверждает, что сложение памятников синташтинского типа связано с продвижением сюда некоей относительно небольшой по численности, пассионарной и мобильной группы населения из района Северной Сирии и Анатолии (Григорьев, 1996. С. 58; Григорьев, 1996а. С. 92–93; Григорьев, 1999. С. 111–112; Григорьев, 2002. С. 27–28). Poleмизируя с оппонентами, он указывает на ряд черт синташтинских памятников (облик укрепленных поселений, колесничество, гончарство, металлопроизводство, погребальная обрядность, ряд специфических типов каменных предметов и др.), которые, по его мнению, невозможно вывести из абашевских культур Восточной Европы. Использование синташтинскими ремесленниками мышьяковистых бронз и в целом металлокомплекс синташтинских памятников исследователь увязывает со стереотипами Циркумпонтийской металлургической провинции, подчеркивая непричастность абашевских мастеров к появлению таких типов бронзовых орудий, как втульчатые топоры. Также категорично отвергается и возможность формирования синташтинских комплексов на местной энеолитической, ямной или полтавкинской основе. Частично продукты синташтинского гончарства С.А. Григорьев соотносит с полтавкинскими, ямно-катакомбными или катакомбными формами.

Безусловным событием последних лет в истории изучения памятников синташтинского типа стало появление монографии Д. Энтони, в которой подытожены результаты многолетней работы автора над целым кругом проблем древней истории степей Евразии. Один из разделов посвящен памятникам синташтинского типа и связанной с ними проблематике (Anthony, 2007. P. 371–413).

Таким образом, на сегодняшний день оформились две тенденции в понимании проблемы происхождения синташтинского населения Южного Зауралья. Первая – связывает появление синташтинских памятников в Южном Зауралье с абашевской культурой, предлагая рассматривать памятники синташтинского типа как позднейшую стадию развития абашевской культуры (Т.М. Потемкина, В.С. Горбунов, О.В. Кузьмина, В.С. Бочкарев и в определенной степени А.Д. Пряхин). С ними солидарен и Д. Энтони (Anthony, 2007. P. 382). Различия позиций сторонников этой гипотезы сводятся лишь к определению степени участия населения степей Волго-Уралья, или даже Доно-Волго-Уралья в сложении памятников синташтинского

типа. Здесь интересно отметить, что скрупулезное изучение материальной культуры памятников синташтинского типа привело-таки О.В. Кузьмину к признанию существенной роли степных групп населения в трансформации абашевской культуры после появления ее носителей в Приуралье (Кузьмина, 2000. С. 67). Однако перечисление изменившихся за короткое время под влиянием контактов с обитателями степей черт культуры приуральских абашевцев, включая погребальную обрядность и гончарство, приводит к мысли о том, что этих «абашевцев» скорее надо определять как новую культуру с некими абашевскими чертами. На это уже указывалось в литературе (Зданович, Малютина, 1996. С. 60). Кроме этого, не вполне понятны основания отнесения именно к абашевским целого ряда «кладов», обсужденных О.В. Кузьминой. Это доказал, в частности, А.В. Епимахов анализом содержания известного Верхне-Кизильского клада, который он считает не собственно абашевским, а «синкретическим», справедливо определив часть составляющих его предметов как синташтинские (Епимахов, 2003. С. 100–101). Показателен также и вывод П.Ф. Кузнецова о «туманной роли абашевской культуры в культурогенезе эпохи поздней бронзы» (Кузнецов, 1999. С. 88). Кавказские и даже переднеазиатские мотивы в керамическом производстве как абашевцев, так и синташтинцев, анализирует О.Д. Мочалов (Мочалов, 1996. С. 36–39).

Вторая тенденция в понимании проблемы происхождения памятников синташтинского типа может быть сведена к признанию степных корней синташтинского населения при различной степени присутствия абашевских элементов в материальной культуре. К настоящему времени большинство авторов, придерживающихся этого мнения, склоняется к тому, что истоки синташтинских традиций, как и синхронных культурных образований, следует искать в группах восточноевропейского степного населения времени распада культур «катакомбного» или «ямно-катакомбного» мира (Малов, Филипченко, 1995. С. 61; Епимахов, 1998. С. 34–35; Ткачев, Гуцалов, 2000. С. 35 и др.). Истоки памятников синташтинского типа связывают с мощным воздействием миграций с запада (абашевская, культура многоваликовой керамики, полтавкинская и, опосредованно, катакомбные культуры) (Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 51), «широкими культурными трансформациями» периода распада мира позднекатакомбных культур, одним из следствий которого и явилось формирование, в частности, памятников синташтинского типа (Епимахов, 1998. С. 34); с проникновением в Южное Зауралье позднеямных западных племен с полтавкинскими и катакомбными чертами в культуре и встречей их здесь с абашевским населением Южного Урала и носителями культур с геометрической орнаментацией керамики (ботайско-терсекского круга) (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 51; Зданович, Малютина, 1996. С. 60). В катакомбном мире видит Д.Г. Зданович и истоки синташтинской традиции погребально-поминальных жертвоприношений животных (Зданович, 2004. С. 63). Роль культур катакомбного круга в сложении памятников синташтинского типа стала более явственной после того, как оренбургским археологам удалось вычлнить группу позднекатакомбных погребений в степях Волго-Уралья (Моргунова, Гольева, Краева, 2003. С. 251).

Из приведенного неполного перечня вариантов интерпретации, в сущности, одних и тех же материалов можно сделать ряд выводов. Все авторы, за исключением В.С. Мосина, признают участие в культурогенезе рубежа среднего и позднего бронзового века на Южном Урале и в Казахстане как местного, так и пришлого (в основном, с запада или юго-запада относительно Южного Урала) населения. Вопрос лишь в степени значимости, которая, в свою очередь, определяется по степени проявленности в археологических источниках того и другого культурогенетического слагаемого.

* * *

Историю изучения заявленного блока проблем, как следует из сказанного выше, можно представить в виде двух последовательных этапов. Первый — продолжался с начала 1950-х до начала 1970-х гг., т.е. до времени появления в составе объектов внимания и ис-

следования памятников синташтинского и петровского типов. За это время исследователями накоплена солидная, но весьма неравноценная по представленности элементов, источниковая база для реконструкции культурогенетических процессов в Южном Зауралье и Северном Казахстане в первой половине II тыс. до н.э. Имевшиеся в распоряжении исследователей накопленные с начала XX в. материалы по обозначенному блоку проблем, казалось, свидетельствовали об автохтонном генезисе алакульской культуры, осложненном внешними (абашевскими, полтавкинскими) влияниями.

Как выяснилось позднее, ключевыми для решения проблемы алакульского культурогенеза являются территории, прилегавшие с востока к горным хребтам Южного Урала. Именно они стали основным исследовательским полигоном для археологов на втором этапе истории изучения заявленной проблемы – в 1970-е – 1990-е гг. Следует подчеркнуть качественное отличие этого этапа от предшествующего, прежде всего, по собственно полевой методике (раскопки поселенческих памятников широкими площадями) и по невиданному доселе в отечественной науке применению методов естественных наук при анализе археологических материалов.

Как результат комплексного исследования серии ярких памятников синташтинского типа в Южном Зауралье и в Степном Приуралье (в Оренбуржье) появились концепции, сочетающие в различных пропорциях автохтонную и миграционную модели алакульского культурогенеза. Для обсуждения обозначенной темы важно и то, что ряд авторов (В.С. Бочкарев, Р.А. Литвиненко, В.В. Отрошенко, А.Д. Пряхин) в 1990-е гг. выступили с оригинальными концепциями «очагов культурогенеза» для степей и лесостепей рубежа среднего и позднего бронзового века Восточной Европы.

ГЛАВА 2. ПАМЯТНИКИ СИНТАШТИНСКОГО ТИПА. ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРОБЛЕМЫ

2.1. История изучения и территориальная локализация памятников синташтинского типа

Открытие в Северном Казахстане, Южном Зауралье, Поволжье и Подонье пласта памятников конца эпохи средней бронзы — начала позднего бронзового века, предшествовавшего собственно срубно-алакульскому «миру», уже сейчас с полным основанием можно считать одним из самых значительных достижений отечественной археологической науки XX в. На Южном Урале путь к этому открытию был намечен еще в 1930–1940-х гг. открытием К.В. Сальниковым памятников южноуральской абашевской культуры (Сальников, 1954. С. 52–94), в частности, широко известного Мало-Кизильского селища в районе г. Магнитогорска (Сальников, 1950. С. 91–97) и исследованием О.А. Кривцовой-Граковой Алексеевского комплекса в Верхнем Притоболье у г. Кустаная (Кривцова-Гракова, 1948).

В русле изучения абашевской и, как тогда понималось, андроновской культур Южного Урала были поняты и материалы двух групп курганов, изученных В.С. Стоколосом у с. Степного Троицкого района в конце 1950-х гг. (Стоколос, 1962. С. 3–20).

Исследование собственно синташтинского феномена началось лишь в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Можно лишь удивляться тому, насколько одновременно в Южном Зауралье и Северном Казахстане ученые приступили к изучению памятников, позднее получивших название синташтинских и петровских. В 1968 г. В.С. Стоколос открыл Кизильское укрепленное поселение на берегу старицы р. Урал — Худолаз в окрестностях с. Кизильского, центра одноименного района Челябинской области. В 1971 и 1981 гг. им была вскрыта часть внутренней застройки памятника, сделан разрез руинированных оборонительных сооружений (Стоколос, 1983. С. 174–175; Стоколос, 2004. С. 207–236).

На рубеже 1960–1970-х гг. учеными Уральской археологической экспедиции было начато исследование ставшего позднее эпонимным комплекса археологических памятников на р. Синташта у с. Рымникское в Брединском районе Челябинской области (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 9–12). Однако, ради справедливости, необходимо заметить, что исследование Синташтинского I как укрепленного поселения началось лишь в 1983 г., когда Г.Б. Зданович и В.В. Генинг приступили к изучению участка оборонительного рва и стены поселения (Зданович, Генинг, 1983. С. 147–148).

В 1973 г. К.Ф. Смирновым был раскопан курган 25 Ново-Кумакского могильника, материалы одной из групп погребений которого легли в основу выделенного им и Е.Е. Кузьминой новокумакского хронологического горизонта в степях Евразии (Смирнов, Кузьмина, 1977).

В 1975 г. А.Х. Пшеничнюком был исследован I Альмухаметовский могильник на р. Большой Кизыл в Абзелиловском районе республики Башкортостан. Один из курганов здесь дал материалы, практически идентичные синташтинским (Васюткин, Горбунов, Пшеничнюк, 1985. С. 83–87. Рис. 9).

В 1977–1978 гг. Т.М. Потемкина исследовала полуразрушенный могильник Убаган I при впадении р. Убаган в р. Тобол в Притобольном районе Курганской области. Здесь были произведены подъемные сборы, а также вскрыто детское погребение с синташтинскими материалами (Потемкина, 1985. С. 201–203).

В начале 1980-х гг. список памятников бронзового века в Южном Зауралье, содержащих материалы, близкие по облику синташтинским, существенно увеличился. В 1982 г. разведочным отрядом археологической экспедиции ЧГПИ был найден могильник Кривое Озеро при слиянии рек Уй и Черная в Троицком районе Челябинской области (М.А. Мухина). В 1983 г. разведочный отряд той же экспедиции (С.В. Вершинина) обнаружил укрепленное

поселение Устье I на р. Нижний Тогузак в Карталинском районе Челябинской области, а в 1984 г. было начато его исследование.

Масштабы распространения синташтинских укрепленных поселений стали более понятными лишь зимой 1986/1987 г. Тогда для уточнения конфигурации оборонительных сооружений укрепленного поселения Устье I археологи ЧГПИ обратились к И.М. Батаниной и Н.В. Левит — специалистам по дешифрированию аэрофотоснимков Челябинской комплексной геологической экспедиции. После консультаций с археологами ЧГПИ И.М. Батаниной уже тогда удалось локализовать в пределах степной части Челябинской области около полутора десятков укрепленных поселений бронзового века (Батанина, 1995). Тогда же отряды экспедиции Челябинского государственного педагогического института приступили к их наземному обследованию (Виноградов, отчет 1988; Виноградов, отчет 1990). Археологи ЧГПИ обследовали и документировали как укрепленные поселения такие памятники, как Ольгино (Каменный Амбар), Журумбай I, Родники, Ягодный Дол (Берсуат), Чернореченское III. К обследованию вновь открытых с помощью дешифровки аэрофотоснимков поселений подключились и археологи ЧелГУ. В 1987 г. было начато исследование укрепленного поселения Аркаим. За все годы исследования на Аркаиме вскрыто 8055 кв. м (Малютина, Зданович, 2004. С. 67). На всех перечисленных памятниках имеется синташтинский слой. К 1992 г. подобных памятников было известно уже 18 (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 9. Рис. 1). На сегодняшний день в южной (степной) части Челябинской и на севере Оренбургской областей, на востоке Башкортостана, на северо-западе Костанайской области республики Казахстан уже известно 23 укрепленных поселения рубежа среднего и позднего бронзового века. Для части из них известны и могильники. Яркие материалы получены при исследовании синташтинских курганов могильника Солнце II (Епимахов, 1996. С. 22–42), Большекараганского могильника (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996. С. 64–88), могильника Каменный Амбар-5 (Епимахов, 2005). Надо заметить, что возможности открытия новых синташтинских памятников в Южном Зауралье не исчерпаны. Это доказывается как введением в научный оборот материалов из новых погребальных памятников таких, как курганы у с. Княженское на р. Камысты-Аят в Брединском районе (материалы хранятся в ЛАИ ЧГПУ и ЛАИ ЧелГУ) (Зданович, 2010. С. 162–178), так и открытием в результате аэрофотодешифрирования новых укрепленных поселений на территории как Карталинского, так и Нагайбакского районов Челябинской области (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 2005; Зданович, Батанина, 2007. С. 24).

1990-е гг. принесли открытие целой серии синташтинских погребений в бассейне р. Илек в пределах Актюбинской области Казахстана и в Оренбуржье в могильниках Танаберген II, Ишкиновка I, II, Герасимовский и др. (Ткачев, 2000. С. 46–50; Ткачев, 2004. С. 7–13; Ткачев, 2007. С. 16–72; Порохова, 1992. С. 92–107; Ткачев, 2007. С. 56). В начале 1990-х гг. Ф.А. Сунгатов и Ф.Ф. Сафин провели охранные работы на разрушающемся синташтинском кургане у дер. Ново-Петровка в Хайбуллинском районе Башкортостана (Сунгатов, Сафин, 1991). Ярким открытием в этой серии стал могильник у горы Березовой (Булановский) в Оренбургской области (Халяпин, 2001. С. 417–425). Курган Халвай 3, исследованный А.В. Логвиным и И.А. Шевниной в 2009–2010 гг. на берегу Каратомарского водохранилища в Костанайской области Северного Казахстана, значительно пополнил представления специалистов о погребальном обряде и материальном мире синташтинского населения (Дмитриев А.В., 2011. С. 59–61). Есть сведения и о новом могильнике в Среднем Притоболье — Озерное I, исследованном С.Н. Шиловым в 2006–2007, 2009 гг. Центральные погребения нескольких курганов этого памятника содержали синташтинские материалы (Гилева, Худобородова, 2011. С. 73–75).

Всего автором данного исследования на Южном Урале и в Зауралье учтено около 50 синташтинских памятников, в равной степени представленных как поселениями, так и могильниками.

К настоящему времени территория, занятая памятниками синташтинского типа, достаточно хорошо очерчена (рис. 1). Самый северный из них на сегодняшний день —

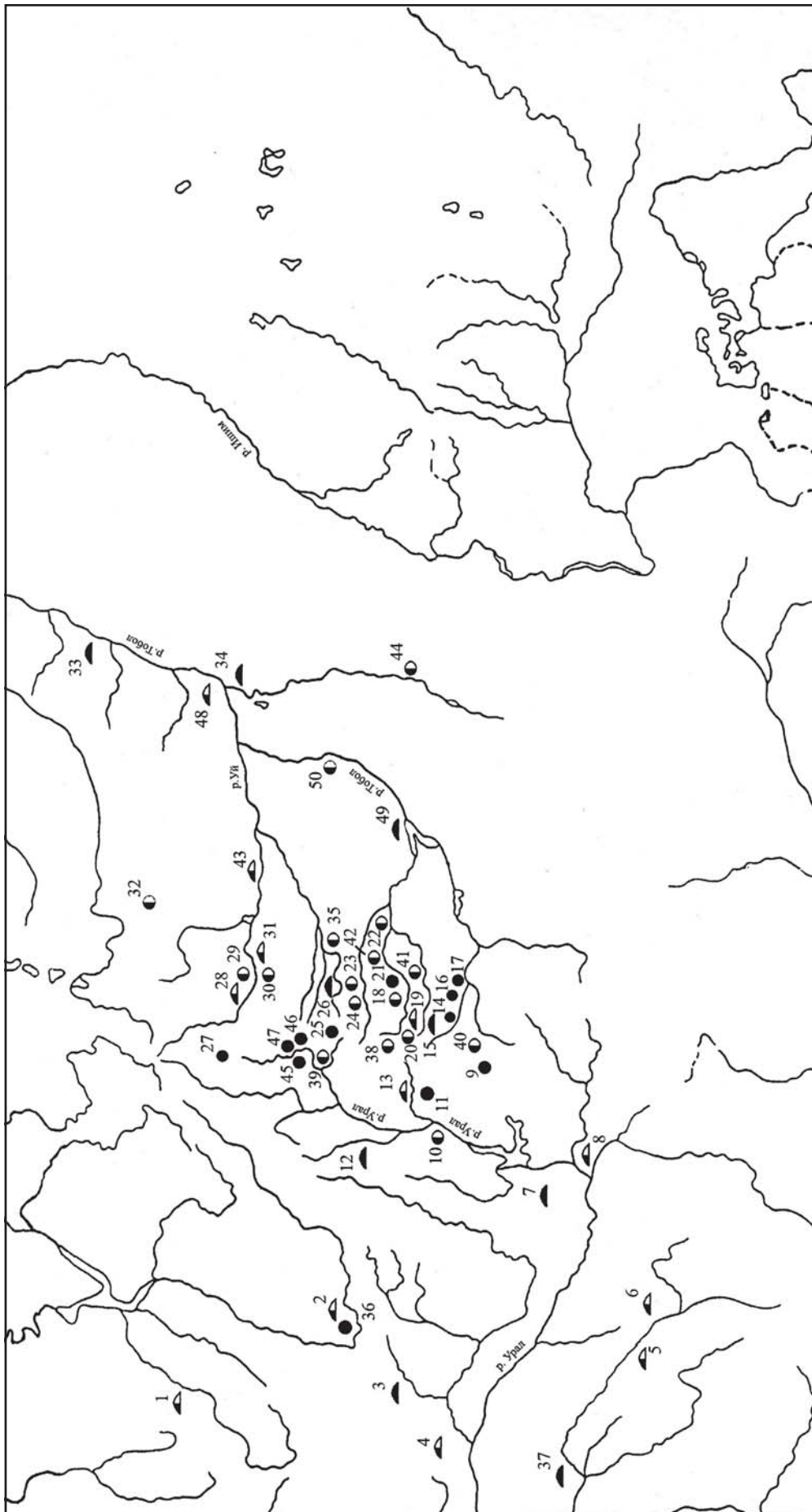

Рис. 1. Карта-схема распространения памятников синташтинского типа

● — синташтинские поселения; ● — поселения с синташтинскими и петровскими материалами; ▲ — могильники с синташтинскими и петровскими материалами; ▲ — могильники с синташтинскими материалами; ▲ — синташтинские могильники; 1 — мог. Старо-Ябалаклинский; 2 — мог. Береговский; 3 — мог. «У горы Березовой»; 4 — мог. Герасимовский II; 5 — мог. Танаберген II; 6 — мог. Восточно-Курайли I; 7 — мог. Ишкиновка II; 8 — мог. Новый Кумак; 9 — пос. Аландское; 10 — пос. Кизильское; 11 — пос. Аркаим; 12 — мог. Альмухамбетовский I; 13 — мог. Большекараганский; 14, 15 — пос. и мог. Синташта; 16 — пос. Селенташ (Синташта II); 17 — пос. Кривой Дол (Андреевское); 18 — пос. Ольгино (Каменный Амбар); 19 — мог. Каменный Амбар-5; 20 — пос. Журумбай; 21 — пос. Сухой Дол; 22 — пос. Исиной; 23 — пос. Устье I; 24 — пос. Родники; 25 — пос. Сарым-Сагла; 26 — мог. Солнце II; 27 — местонахождение на оз. Карагайское; 28 — мог. Степное; 29 — пос. Степное; 30 — пос. Чернореченское III; 31 — мог. Кривое Озеро; 32 — пос. Шибаво I; 33 — Царев Курган; 34 — пос. Убаган I; 35 — пос. Чекогай; 36 — пос. I Береговское; 37 — мог. Ветлянка; 38 — пос. Коноплянка; 39 — пос. Куйсак I; 40 — пос. Ягодный Дол (Берсуат); 41 — курганы у с. Княженское; 42 — пос. Елизаветпольское — VII; 43 — мог. Березовский; 44 — пос. Семиозерное II; 45 — пос. Шикургау; 46 — пос. Бахта; 47 — пос. Париж; 48 — мог. Озерное I; 49 — курган Халвай 3; 50 — пос. Алексеевское

поселение Шибаево I в Еткульском районе Челябинской области (Нелин, 2000. С. 120–121). Восточная и юго-восточная границы представлены материалами, полученными К.В. Сальниковым при изучении площадки под Царевым курганом на р. Тобол (Сальников, 1967. С. 33–34. Рис. 13, 9), а также синташтоидным в своей ранней части могильником у с. Петровка в Северо-Казахстанской области республики Казахстан (Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 1980. С. 183–193). Наиболее южные поселения и могильники с синташтинскими материалами изучены в степях восточного Оренбуржья и в Костанайской и Актюбинской областях Казахстана (Кривцова-Гракова, 1948. С. 133. Рис. 55, 10, 11; Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 8–18; Ткачев, 1998. С. 49–50. Рис. 1–2). Западная граница маркирована пока могильником у горы Березовой в Оренбуржье (Халяпин, 2001. С. 417–425).

Упоминание в числе синташтинских таких памятников, как Старо-Ябалаклинский могильник и целого ряда прочих, не случайно. Применительно к этим памятникам речь, конечно, может идти лишь об отдельных погребениях с синташтинскими проявлениями, прежде всего, в керамике или о небольшом количестве подобной же керамики в культурном слое поселений. В восточном направлении отдельные синташтинские погребения распространены до среднего течения р. Тобол (Сальников, 1967. С. 33–34. Рис. 13, 9; Потемкина, 1985. С. 127. Рис. 47).

Основной исследователь абашевских древностей Южного Урала В.С. Горбунов и сам не отрицает наличие синташтинских проявлений в керамике абашевских памятников Южного Урала и связи: «покровско-раннесрубно-петровские» в терминологии того времени. Мы расходимся с ним лишь в вопросе интерпретации этого явления. Если говорить о могильнике Старые Ябалаклы, то речь идет о сосуде из погребения 2 кургана 59, рисунок которого опубликован В.С. Горбуновым (Горбунов, 1992. С. 125. Рис. 18, 2). На карте синташтинских памятников не случайны и такие памятники, как III Юмаковское поселение, IV Тартышевский могильник, курган 3, погр. 3, Береговское I поселение (Горбунов, 1985. С. 14. Рис. 7), II Нурдавлетовский курган (Горбунов, Пшеничнюк, Акбулатов, 1989. С. 30. Рис. 6). Перечень примеров можно продолжить (Горбунов, 1992; Ткачев, 2003). Проблема синташтинских проявлений в абашевских памятниках Южного Урала нуждается в углубленном исследовании. Исследователи уже обращали на это внимание (Мочалов, 2008. С. 104. Рис. 42; С. 105. Рис. 43). Подобные факты, по мысли автора данной работы, скорее всего, отражают процесс абашевско-синташтинского взаимодействия, итогом которого стала энергичная интеграция южноуральских абашевских групп в состав синташтинских общин.

Территория, занятая памятниками синташтинского типа, может быть подразделена на основную, где пока известны как поселенческие, так и погребальные памятники (предгорья восточного макросклона Южного Урала и к Зауральский пенеппен) (Иванов, Плеханова, Чичагова, 2001. С. 376), и на «периферию», где представлены лишь могильники или даже отдельные погребения с синташтинскими проявлениями в керамике или с некоторым количеством синташтинской или синташтоидной посуды в составе керамических коллекций из раскопок поселений. Подобное территориальное распределение типов синташтинских памятников, на наш взгляд, отражает как специфику функционирования самих синташтинских общин, так и особенности взаимосвязей синташтинского населения с аборигенным.

2.2. Основные характеристики памятников синташтинского типа

Поселенческие памятники синташтинского типа пока представлены лишь укрепленными поселениями. Данные об иных типах синташтинских поселений в этой части синташтинского ареала фрагментарны и нуждаются в уточнении. В частности, из пяти заявленных неукрепленных синташтинских поселений первоначальные сведения обнародованы лишь об одном – о поселении Каменный Брод, частично исследованном Т.С. Малютиной и рас-

положенном в 1,0 км от Аркаима. Из всего керамического комплекса этого многослойного памятника, основу которого составляет петровская керамика, лишь несколько фрагментов могут быть соотнесены с «классической синташтинско-аркаимской керамикой» (Велитченко, 2007. С. 51).

Любые суждения об иерархичности поселенческих синташтинских памятников и, тем более, объединении их в некие «территориальные округа» (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 54) пока преждевременны.

Синташтинские укрепленные поселения (их известно 23) строились явно по заранее разработанным планам и локализовались на приречных площадках или пойменных возвышенностях высотой от 1,5 м до 4,5 м от современного уровня воды, обычно в пределах широких долин рядом с глубокими речными плесами (Виноградов, 1995. С. 17; Иванов, Чернянский, 2000. С. 8; Зданович, Батанина, 2007. С. 184–189). Лишь поселения Исиной I, II занимают площадку, поднятую от воды на 5–6 м (Зданович, Батанина, 2007. С. 88).

Площадки, ограниченные оборонительными сооружениями, для синташтинских поселений известны как округлой, овальной, так и неправильной формы (Малютина, Усачук, 2004. С. 111, 112. Рис. 1, 1). Площадь синташтинских укрепленных поселений достигает 25000 кв. м (Григорьев, 1999. С. 21).

Оборонительные сооружения синташтинских укрепленных поселений представляли сочетание обводных стен и рвов. В ряде случаев помимо обводных стен имелись и радиальные, делившие внутреннюю площадку поселения на отдельные секторы. Как правило, стены имели сложную конструкцию. Авторы исследования Синташтинского I укрепленного поселения реконструируют внешнюю оборонительную стену как состоящую из бревенчатых клеток с суглинистым заполнением, обложенных с внешней стороны кладкой из «гумусированных пластов», с глиняной внешней и внутренней облицовкой (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 33). Оборонительные стены укрепленных поселений Ягодный Дол (Берсуат) и Аркаим выводилась из глиняных «кирпичей», дерновых и глиняных блоков (Зданович, Малютина, 2001. С. 75; Иванов, Чернянский, 2000. С. 8; Зданович, Батанина, 2007. С. 72); на поселении Куйсак – из глиняных блоков, камня, суглинка (Малютина, Зданович, 1995. С. 102). Наиболее выраженное использование каменных плит для облицовки стен зафиксировано при исследовании укрепленного поселения Аландское (Зданович, Малютина, 2004. С. 57–58; Зданович, Батанина, 2007. С. 59) и Ольгино (Каменный Амбар) (Епимахов, 2005). Причем авторы раскопок настаивают на том, что обводная стена Аландского укрепленного поселения, скорее всего, была полой (Зданович, Малютина, 2004. С. 58). На поселении Куйсак, помимо двух линий обводных стен, имелась и система сопряженных с ними радиальных стен (Малютина, Усачук, 2004. С. 112. Рис. 1, 1). Надо заметить, что оборонительные сооружения синташтинских укрепленных поселений в различной степени руинированы и характеризуются разной степенью выраженности в рельефе (Зданович, Батанина, 2007. С. 45–47, 55–57, 60, 62–64, 72–74 и др.). Синташтинские строители использовали различные строительные материалы и приемы: бревна, плахи, жерди (Устье I), земляная и зольная засыпка каркасных стен, выведение стен глиняными блоками и заливкой. Также применялась глинисто-известковая штукатурка, фиксирующие составы с добавкой извести (?). На поселении Устье I каркас оборонительной стены синташтинского этапа истории памятника составляли сосновые бревна диаметром 0,4–0,5 м, врытые вертикально через равные промежутки в дно специальной канавы, сооруженной для этого вдоль внутреннего края рва. Для предотвращения обрушения конструкции в ров и повышения ее надежности, канава после вкапывания бревен была залита фиксирующим глинисто-песчано-известковым раствором с гравием. Для равномерного распределения тяжести конструкции поперек канавы через равные промежутки были уложены горизонтальные плахи (Виноградов, 2004. С. 264–265. Рис. 2). Обводные стены описываемых укрепленных поселений сочетались с различными по глубине и ширине рвами. Так, внешний ров Синташтинского поселения по ширине достигал 2,5–

5,0 м при глубине 1,2–1,5 м (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 32); ров шириной до 3,5 м, глубиной «от уровня жилой площадки» до 1,3 м исследован на поселении Ягодный Дол (Берсуат) (Зданович, Малютина, 2004. С. 75). Ров «А» на поселении Куйсак шириной 2,5 м, глубиной 1,2 м (Малютина, Зданович, 1995. С. 102). «Синташтинско-аркаимский» ров укрепленного поселения Аландское, по сведениям авторов раскопок, имел ширину по верхнему краю до 3,0 м и глубину до 3,5 м от современной поверхности (Зданович, Малютина, 2004. С. 59). На поселении Устье I синташтинский ров на исследованных участках имел глубину до 3,0 м от современной поверхности и ширину по верхнему краю до 4,5 м.

Внутренняя застройка синташтинских укрепленных поселений наиболее полно изучена на Синташтинском поселении, (Генинг, Зданович, Генинг, 1992), на поселении Аркаим (Зданович, 1997. С. 47–50); Куйсак и Аландское (Зданович, Малютина, 2004. С. 59). Она жестко увязана с оборонительными сооружениями.

В настоящее время известно две модели организации внутреннего пространства для синташтинских укрепленных поселений. Для первой (поселения с овальной или округлой в плане форма внутренней площадки) типично строительство помещений сплошным массивом под одной крышей. Их торцевые стены одновременно служили и внутренней стороной засыпной оборонительной стены. Для поселения Аркаим установлено наличие второго — внутреннего круга помещений. Сами помещения наземные или слабо углубленные в материк. В зависимости от формы площадки, ограниченной оборонительными сооружениями, помещения могли быть прямоугольными, либо трапециевидными. В пределах одного поселения они относительно стандартны. К примеру, для укрепленного поселения Синташта I их площадь колебалась от 90 до 140 кв. м (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 378).

Согласно второй модели (для поселений с подпрямоугольной внутренней площадкой) помещения на внутренней площадке располагались несколькими массивами параллельно друг другу. Такая модель внутренней застройки реализована, в частности, для укрепленного поселения Степное (Зданович, Батанина, 2007. С. 156–164), укрепленного поселения Ольгино (Каменный Амбар) (Корякова и др. 2010. С. 145–148).

Автор данного исследования считает, что помещения синташтинских укрепленных поселений имели каркасную систему организации разделявших их стен. Каркас был представлен вертикальными столбами, вкопанными в дно неглубоких котлованов вдоль бортов. Собственно стены «набирались» из горизонтальных бревен (бруса?), уложенных на материковый останец между длинными сторонами котлованов соседних помещений вплотную к вертикальным столбам каркаса. Вероятнее всего, фиксация единого расстояния между горизонтальными бревнами осуществлялась с помощью горизонтальных же распорок. Скорее всего, стены, разделявшие помещения, первоначально были полами, а по мере функционирования помещений пространство между стенами заполнялось золой из очагов и бытовыми отходами. Это предположение аргументируется наличием и составом зольников, которые зафиксированы в котлованах помещений в ходе исследования синташтинских укрепленных поселений. Кровля массивов помещений реконструируется как плоская, со свето-дымовыми проемами и с небольшим уклоном в сторону внутренней площадки. К некоторым из них со стороны внутренней площадки пристраивались хозяйственные пристройки или навесы. Внутреннее пространство каждого из помещений делилось деревянными перегородками на две части: жилую и хозяйственную. Организующим центром хозяйственной части помещений являлся колодец. У краев колодцев размещались глинобитные (пос. Синташта I) печи нескольких типов. Значительная площадь помещений позволяет предположить существование перемещаемых жаровен, предназначенных для обогрева воздуха. Как аргумент в пользу рассмотрения этого предположения можно рассматривать большое количество камней небольших размеров со следами температурного воздействия в культурном слое, в частности, в зольниках. Выходы из помещений на внутреннюю площадку оформлялись наклонными пандусами с утопанными поверхностями. В центральной части внутренних площадок синташтинских укрепленных поселений — свободная от застройки

площадка, или магистральная «улица», также свободная от застройки. Входов во внутреннее пространство укрепленных поселений могло быть несколько. Их ширина, зафиксированная по окончаниям рвов, позволяла и передвижение транспортных средств.

На поселении Устье I синташтинская застройка (два строительных горизонта) сильно пострадала после пожара и перепланировки на петровском этапе его истории. Но ряд деталей, в частности, система колодцев, очаги, различного назначения ямы и углубления, указывают, помимо остатков оборонительной системы, на строгую планировку памятника и в синташтинское время его существования (Виноградов, 2004. С. 266. Рис. 3).

В качестве промежуточного вывода необходимо заметить, что как сложность и завершенность архитектурно-планировочных решений, примененных при строительстве синташтинских укрепленных поселений, так и совокупность методов и приемов строительства не оставляют сомнения в том, что перед нами результаты сложившегося разностороннего опыта строительной деятельности.

Синташтинские могильники, как правило, занимают невысокие площадки возвышенностей у берегов рек. Лишь могильник Солнце II находится на высоте 14–16 м от уровня русла. По В.В. Ткачеву, синташтинские могильники в Южном Приуралье приурочены к местам слияния рек, либо к небольшим притокам р. Урал, где занимают поверхность останцов в пойме, либо возвышенности у слияния рек (Ткачев, 2002. С. 50; Ткачев, 2007. С. 75–76).

В ряде случаев могильники и поселения располагаются на противоположных берегах (поселение Устье I – могильник Солнце II; поселение Чернореченское III – могильник Кривое Озеро; поселение Ольгино (Каменный Амбар) – могильник Каменный Амбар-5; поселение Аркаим – Большекараганский могильник). При этом на берегу, занятом поселением, площадок для размещения могильника более чем достаточно. Возможно, во взаиморасположении поселений и могильников отразились представления о наличии преграды между миром живых и мертвых. Замеченная особенность взаиморасположения относится преимущественно к синташтинским памятникам.

В абсолютном большинстве синташтинские могильники в Южном Зауралье курганные. Лишь в нескольких случаях исследователи считают их грунтовыми. В статье, написанной буквально по завершении исследования погребальных объектов Синташтинского комплекса, В.Ф. Генинг реконструирует надмогильные сооружения «не в виде курганной насыпи» (Генинг, 1977. С. 56). В монографическом издании материалов Синташтинского комплекса авторы определяют «большой грунтовый могильник» – СМ (в авторской редакции) как грунтовый, а «памятник СI» (авторское название) как «курганно-грунтовый» (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 376). Однако, во-первых, так и не снят вопрос о том, не были ли сnivelированы остатки надмогильных конструкций «большого грунтового могильника» при сооружении Большого Синташтинского кургана (СБ в авторской редакции). Во-вторых, в повторной публикации материалов раскопок Синташтинского III (малого) кургана находим следующие строки: *«в ходе разведочного обследования на территории СМ были выделены не менее 5 насыпей, которые не были упомянуты в монографической публикации, поскольку вскрытие велось сплошным раскопом. В этой связи мы полагаем, что критерий бескурганности не может быть решающим аргументом в системе относительной хронологии Синташты»* (курсив мой. – Н.В.) (Стефанов, Епимахов, 2006. С. 271). Как грунтовый определяет М.В. Халяпин могильник с синташтинскими материалами у г. Березовой (Халяпин, 2001. С. 417–425). Еще одним примером бескурганного (по нашему мнению, синташтоидного в основе своей. – Н.В.) могильника считается мог. Петровка в Северном Казахстане (Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 1980. С. 183–193; Зданович, 1983. С. 53). Однако планиграфическое распределение керамики показало четкую группировку сосудов синташтоидного облика и малых ям, в которых они находились, вокруг четырех крупных ям (№ 8, 9, 12, 30). Не исключено, что могильник Петровка, погребальные сооружения которого воздвигались из сильно опесчаненного грунта, был сильно разрушен распашкой, карьером и первоначально состоял из нескольких вытянутых в цепочку с севера на юг курганных насыпей. Грунтовыми, с надмогильными конструкциями

ми, представленными «небольшими холмиками», кольцевыми рвами и валиками вокруг них, считают «синташтинско-петровские» могильники Бестамак и Токанай-1 С.С. Калиева и В.Н. Логвин (Калиева, 2005; Логвин, 2005; Калиева, Логвин, 2008).

Мы полагаем, что надмогильные сооружения, сложенные сильно опесчаненными наносными грунтами местностей, где расположены упомянутые могильники (это утверждение относится к могильникам у с. Петровка, Бестамак, Верхняя Алабуга и подобным) вполне могли легко деформироваться в силу самых различных причин. Утверждение о «широком использовании бескурганного обряда погребения» для синташтинского населения (Калиева, 2005. С. 177), по нашему мнению, пока лишено достаточных оснований. Все примеры «грунтовых» могильников должны быть тщательным образом проанализированы.

Исследователи практически единодушны в том, что как синташтинские, так и петровские, а позднее и собственно алакульские курганы насыпались не одномоментно. Насыпи формировались постепенно, путем подзахоронений. Впервые эта мысль была высказана авторами исследования Синташтинского могильника (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 243–252). С.А. Григорьев присоединился к этой гипотезе (Григорьев, 1999. С. 40). А.В. Епимахов придерживается сходного мнения, полагая, что в процессе функционирования погребального комплекса над крупными могильными ямами возводились отдельные надмогильные сооружения, которые после разрушения образовывали, казалось бы, единый курган (Епимахов, 2005. С. 145). Скорее всего, надмогильные сооружения над отдельными погребениями возводились из дерновых блоков и гумуса. Синташтинские и петровские курганы имеют сходные характеристики насыпей. Они земляные, диаметром в среднем 20–30 м, высотой до 0,5–1,0 м.

Особо необходимо отметить диспропорцию между масштабными укрепленными поселениями и относящимися к ним достаточно скромными по количеству погребенных в них людей могильниками. Исследователи уже задаются поисками причин (Епимахов, 1996. С. 58–60; Епимахов, 2005. С. 149). Представляется, что причину этой диспропорции логичнее искать в механизме функционирования общин, обживавших поселения, нежели в специфических особенностях погребальной обрядности, не оставившей материальных следов в веках.

Количество погребений под одной насыпью порой достигает десятков. Часть периферийных погребений иногда выходит за пределы визуально наблюдаемой насыпи. В этом смысле синташтинские, а позднее алакульские, включая и петровские, курганы вполне уместно определять как «погребальные поля» (по Д.Г. Здановичу) или «погребальные площадки», функционирование которых, по мнению автора данной работы, явно отражает жизнь отдельных большесемейных общин. Косвенно эту гипотезу подтверждают единичные, правда, примеры резервирования места на подкурганной площадке для конкретных персон из состава общины (Епимахов, 2005. С. 146).

Необходимо отметить сосуществование в могильниках интересующего нас хронологического диапазона на Южном Урале двух традиций функционирования некрополей (Григорьев, 1999. С. 40). Первая – предполагала более поздние подзахоронения на периферии, у подножия первоначального надмогильного сооружения. В результате в целом ряде могильников, например, в могильниках Каменный Амбар-5, Степное I и др. по периферии синташтинских курганов располагались могилы с явными петровскими чертами в керамике (Костюков, Епимахов, Нелин, 1995. С. 171–174; Стоколос, 1962). Именно эта традиция позднее в раннеалакульский (петровский) период и в комплексах с керамикой, представленной сосудами с уступчатым плечом, становится ведущей. Другую традицию иллюстрирует курган 10 могильника Кривое Озеро, где погребения с керамикой петровского облика впущены в насыпь синташтинского кургана 10. Имеющиеся данные позволяют утверждать, что этот обычай в петровское время, в период формирования комплекса алакульских культурных традиций, исчезает в Южном Зауралье окончательно. Справедливости ради необходимо упомянуть о том, что в могильнике Танаберген II зафиксированы как впускные, так и периферийные

петровские могилы (Ткачев, 1998. С. 42). В.В. Ткачев связывает появление этой традиции в синташтинское время с этнокультурной нестабильностью (Ткачев, 1996. С. 65). В целом для синташтинских могильников степного Приуралья В.В. Ткачев также указывает на наличие в них двух вариантов формирования комплекса некрополя: за счет впускных погребений и путем постепенного расширения некрополя за счет новых погребений, которые пристраивались к уже существующим (Ткачев, 2002. С. 50). Необходимо обсудить и вопрос о планиграфии подкурганной площадки для синташтинских некрополей. Исследователи отмечают как ведущий вариант, когда в центре площадки располагалась одна или несколько (чаще две) крупных могильных ям (Епимахов, 1995; Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 2005. С. 112), в то время как периферийные — по кругу относительно центральных (Григорьев, 1999. С. 41; Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 2005. С. 112; Епимахов, 2005. С. 144).

В синташтинских могильниках абсолютно преобладают захоронения в ямах преимущественно прямоугольной формы. Остальные варианты (ямы с подбоями, катакомбы) единичны. В.В. Ткачев выделяет для синташтинских некрополей 6 типов могил, оговариваясь, что ведущей формой для степного Приуралья является прямоугольная (Ткачев, 2007. С. 81–82).

Особо следует остановиться на стандартах параметров синташтинских могильных ям. Для исследуемого периода эти параметры оригинальны. В качестве примера приведем могильник Кривое Озеро, в котором имеется 10 погребений с индивидуальными погребениями взрослых людей, а также двойными и коллективными погребениями, в том числе и взрослых людей. По форме ямы этой подгруппы прямоугольные. По значениям длины и ширины они варьируют от 1,95 ÷ 1,45 м до 2,3 ÷ 3,7 м. Все они достаточно глубоки. Соотношение параметров ям (длина, ширина и глубина) во взрослой подгруппе синташтинской группы погребений резко отличает ее как от петровских, так и от алакульских погребений, и в целом составляет в частях 4 : 3 : 4. В предшествующий период истории степей Южного Урала лишь погребальные памятники древнеямной культуры Оренбуржья демонстрируют определенную схожесть с синташтинскими. Необходимо отметить, что исключением из правила, что касается пропорций параметров могильных ям, является могильник Каменный Амбар-5, «погребальные площадки» которого демонстрируют удивительно единообразно неглубоко впущенные в материковый грунт ямы (Епимахов, 2005). Это явное нарушение традиции, требующее объяснения. Вполне возможно, что в период функционирования некрополя уровень грунтовых вод на площадке могильника был столь же высоким, как и в период его исследования (Епимахов, 2005. С. 9) и углубить могильные ямы до традиционных отметок обитатели укрепленного поселения Ольгино не могли. Они предпочли нарушить канон, но не сменили площадку некрополя. Для этого требовались серьезные основания, которые, на взгляд автора данного исследования, необходимо искать в сфере идеологии. Существуют и иные объяснения обсуждаемой аномалии (Костюков, Епимахов, Нелин, 1995. С. 171–172).

Обсуждая центральные ямы синташтинских могильников, С.А. Григорьев указывает, что их размеры варьировали от 3,5–4,5 ÷ 2,0–3,5 м (Григорьев, 1999. С. 42). Особенностью устройства больших синташтинских ям является объемная погребальная камера. Во всех синташтинских могильных ямах, содержащих погребения взрослых людей, были прослежены остатки внутримогильных деревянных конструкций (сруб или облицовка стен досками, остатки перекрытия) (Епимахов, 2005. С. 146). Конструктивные детали устройства погребальных камер в крупных могилах предполагали применение угловых и изредка центральных столбов (назначение последних пока не вполне понятно). Стенки погребальных камер выполнялись из плах или тесаных досок. Высота камеры могла достигать 1,0 м (Виноградов, 2003). Перекрытие устраивалось из бревен или плах, иногда в несколько слоев (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 379, 381). Необходимо особо подчеркнуть устойчивое бытование традиции сооружения двойного перекрытия на разных уровнях (Генинг, Зданович, Генинг, 1992; Григорьев, 1999. С. 42; Виноградов, 2003; Виноградов, 2004). Верхнее из них зачастую опиралось на уступы в верхней части высоты ямы. Необходимо оговориться,

что Д.Г. Зданович предпочитает говорить не о двойном перекрытии, а о двух погребальных камерах — верхней и нижней (Зданович, Гутков, Куприянова и др., 2002. С. 96). Полость ямы выше перекрытия погребальной камерой и пространство между стенками погребальной камеры и бортами ямы, где таковое имелось, заполнялись материковым грунтом. Близкие характеристики синташтинских погребальных камер для района степного Приуралья приводит В.В. Ткачев (Ткачев, 2002. С. 50). К сожалению, приемы сооружения погребальной камеры оказалось возможным определить лишь в немногих случаях. Так, например, в яме 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро угловые столбы погребальной камеры явно имели вертикальные пазы, в которые вставлялись доски, и, таким образом, дощатые стены погребальной камеры как бы «набиралась». Вероятно, схожую картину наблюдал В.В. Ткачев при исследовании экстраординарного, по его мнению, погребения 22 кургана 7 в могильнике Танаберген II (Ткачев, 2007. С. 96–97).

Особенностью погребального обряда синташтинского населения в Южном Зауралье является помещение рядом с могильными ямами, либо в них самих (на перекрытии, на дне или в специально устроенных в торцевой части погребальных камер отсеках) большого количества частей или целых туш домашних животных (Генинг, Зданович, Генинг, 1992; Григорьев, 1999. С. 44; Ткачев, 2007. С. 97). Исключение составляет лишь могильник Каменный Амбар-5 (Епимахов, 2005. С. 146). Жертвоприношения, как полагают исследователи, отражают пол, возрастные классы и социальное положение погребенных (Ткачев, 2007. С. 99).

По вопросу о существовании у синташтинского населения склепов с неоднократными в них захоронениями в литературе оформились две диаметрально противоположные точки зрения. Так, Г.Б. и Д.Г. Здановичи утверждают о наличии таких сооружений, как правило, в центральной части погребальных площадок (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 2005. С. 112). Скептически относится к этой идее А.В. Епимахов, обсуждая материалы могильника Каменный Амбар-5 (Епимахов, 2005. С. 146). Автор данного исследования также полагает, что на настоящий момент нет убедительных доказательств наличия у синташтинского населения традиции сооружения семейных склепов.

Достаточно широко распространены в синташтинских погребальных обрядах и следы использования огня (Генинг, Зданович, Генинг, 1992; Виноградов, 2003; Епимахов, 2005. С. 146; Ткачев, 2007. С. 100). Важным представляется заключение А.В. Епимахова об отсутствии для синташтинской погребальной обрядности «следов воздействия огня непосредственно на покойных» (Епимахов, 2005. С. 146).

Автор данного исследования применительно к синташтинским и петровским погребальным памятникам является убежденным сторонником отдельного анализа погребального обряда взрослых людей и детей. Нарушение этого правила всегда ведет к «размыванию» абсолютных значений показателей и к смещению оценочных характеристик. Так, благодаря отдельному анализу признаков синташтинского взрослого и детского погребальных обрядов, было установлено доминирование северной ориентировки взрослых погребенных и наличие группы погребений с широтной ориентировкой погребенных. Важно отметить, что синташтинские могильные ямы могли содержать как индивидуальные, так и коллективные захоронения. Так, в двух центральных могилах кургана 25 Большекараганского могильника были захоронены не менее 14 индивидов (Зданович, Гутков, Куприянова и др. 2002. С. 96).

Синташтинский обряд погребения взрослых людей предполагал по преимуществу захоронение, в скорченном положении (Григорьев, 1999. С. 45; Зданович, Гутков, Куприянова и др., 2002. С. 96; Виноградов, 2003. С. 222; Епимахов, 2005. С. 142), на левом боку. Степень скорченности для различных районов распространения синташтинских памятников различна. Для Южного Зауралья более типична слабая скорченность. В степном Приуралье более половины погребенных характеризуются средней степенью скорченности (Ткачев, 2007. С. 103). Лишь в Синташтинском могильнике имеется некоторое количество погребений, где умершие укладывались в положении на спине, с поднятыми в коленях ногами,

а также единичные «вторичные» погребения (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 379). Причем, В.В. Ткачев, отмечая единичность подобных примеров, скептически оценивает саму позу «на спине скорченно» (Ткачев, 2007. С. 108–109). В синташтинских погребениях взрослых людей в Южном Зауралье доминирует ориентировка погребенных головой на север или северо-запад (Епимахов, 2002. С. 42). Для приуральских погребальных памятников синташтинского типа В.В. Ткачев указывает на преобладание широтной ориентировки погребенных (Ткачев, 2007. С. 110). Нужно оговорить для могильника Каменный Амбар-5 преобладание как северного, так и западного – юго-западного направления ориентировки умерших головой (Епимахов, 2005. С. 146). В трех случаях в могильнике Кривое Озеро – курган 9 (ямы 1 и 3) и курган 10 (яма 13) – погребенные уложены на левый бок, но с практически вытянутыми ногами.

Мнение В.В. Ткачева о возможности хронологического расчленения синташтинских погребальных комплексов на ранние и поздние и, как следствие, его утверждение о преобладании в «раннесинташтинское время» слабо скорченного положения погребенных (Ткачев, 2002. С. 50) нуждаются в дополнительной аргументации.

Интересны наблюдения за положением рук погребенных во взрослой синташтинской подгруппе могильника Кривое Озеро. У погребенного в яме 1 кургана 9 взрослого мужчины в правую руку вложена рукоять тесла, в то время как кисть левой была прижата (?) к груди. Кисти рук погребенных в ямах 3 и 7 кургана 9, сложенные вместе, покоились у лица, а у погребенного в яме 3 кургана 10 кисти согнутых в локтях рук симметрично раскинуты в противоположные стороны перед лицом. Вызывает интерес положение рук погребенных в яме 6 кургана 10. Согнутая в локте правая рука уложена параллельно туловищу, а кисть левой руки явно преднамеренно приложена (?) ко рту. Нечто похожее наблюдалось и для погребенного в яме 13 кургана 10. Подобные наблюдения имеются и для других синташтинских погребальных памятников (Епимахов, 2005. С. 142). На взгляд автора, разнообразие положения рук взрослых погребенных в описываемой подгруппе, с одной стороны, косвенно подтверждает вероятность представления погребального обряда как макетной реализации некоего погребального мифа. С другой стороны, безусловное отсутствие здесь канона также косвенно может выступать и как свидетельство культурной многокомпонентности синташтинского социума. Единичные так называемые «вторичные» погребения из синташтинских могильников С.А. Григорьевым подразделены на два варианта: на полу погребальной камеры «пакетом» или на ее перекрытии (Григорьев, 1999. С. 44). Вторичные погребения единичны и в степном Приуралье (Ткачев, 2007. С. 107).

Изучение керамического производства у населения, оставившего памятники синташтинского типа, по-существу, лишь начато. Часть исследователей в результате анализа керамики из синташтинских памятников пришла к парадоксальному утверждению о невозможности типологического членения керамики памятников синташтинского типа (Малютина, Зданович, 1995. С. 105). Как представляется автору данной работы, причиной неудачи является, по большей части, игнорирование или преуменьшение роли технико-технологического аспекта при анализе синташтинского гончарства. Типология керамики из раскопок памятников синташтинского типа действительно представляет достаточную сложность, поскольку синташтинское гончарство и типологически и технологически представляется как соединение нескольких культурных традиций.

Нам известны три относительно небольших по объему статьи, посвященные общей характеристике керамики укрепленного поселения Аркаим (Петров, 1996. С. 57–59; Малютина, Зданович, 2002; Малютина, Зданович, 2004). Суммарно опубликована и керамическая коллекция из раскопок укрепленного поселения Синташта I (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 89–100).

Ф.Н. Петров выделил в коллекции из раскопок укрепленного поселения Аркаим четыре типа керамики (Петров, 1996. С. 59. Рис. 1). Необходимо заметить, что выделенный им тип 4 культурно диагностируется очень трудно, поскольку это банки – корчаги большого

объема, форма и, в меньшей степени, орнаментация которых сходна как для синташтинской, так и для более поздней – петровской гончарной традиции. Совершенно справедливо тип I Ф.Н. Петровым обозначен как культурно определяющий. То же мы можем отметить и для синташтинского керамического комплекса как укрепленного поселения Устье I, так и для могильника Кривое Озеро. Т.С. Малютина и Г.Б. Зданович определяют в керамическом комплексе укрепленного поселения Аркаим 8 типов сосудов (Малютина, Зданович, 2004. С. 69), однако указывают, что основу керамического комплекса составляют сосуды типа Г I и Б II.

Доминирующая, по нашим данным, технология формовки для синташтинского гончарства – это формовка на сосудах-основах, обтянутых влажной тканью. Однако технологическое изучение синташтинской керамики позволило А.И. Гуткову сделать вывод о наличии у синташтинцев нескольких гончарных традиций (Гутков, 1994. С. 66–69; Гутков, 1995. С. 143, 146).

Вышедшая в 2006 г. из печати монография В.В. Ткачева и А.И. Хаванского, по сути, открыла новый этап исследования керамики из раскопок синташтинских погребальных памятников Южного Урала, а также, особенно важно, степного Южного Приуралья и Южного Зауралья и по этой причине должна быть проанализирована подробно. Монография содержит анализ синташтинской керамики с позиций традиционной типологии. Авторы полагают, что именно корректное использование выводов по типологии керамики позволит создать «действенный механизм для выхода на уровень историко-культурных реконструкций» (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 4). В целом справедливость этого тезиса не вызывает сомнения. Хотя категоричность отрицания, в частности, технологических данных на основании «невозможности их формализации» озадачивает. Поскольку культурно-типологический комплекс, во всяком случае, применительно к признакам формы, на взгляд автора данной работы, в значительной степени обусловлен традиционной технологией, указывающей на генетическое и культурное предшествование. Не бесспорен и тезис В.В. Ткачева и А.И. Хаванского о «чистоте выборки», которую дают керамические материалы из синташтинских погребальных памятников, поскольку нет сомнения, что зачастую сосуды для погребальной церемонии изготавливались специально. Это не означает тотального отличия погребальной синташтинской керамики от поселенческой, однако отличия, конечно, присутствуют. Они могут быть обусловлены, в частности, предполагаемым использованием именно этих сосудов в погребальных обрядах как часть «повествования» погребального мифа. Методика типологической обработки синташтинской керамики, примененная В.В. Ткачевым и А.И. Хаванским, предполагает несколько стадий анализа по линии: класс – отдел – тип – подтип. Анализ проводился по трем классам: горшки, горшечно-баночные формы и банки (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 17), восьми отделам. Ключевым моментом вычленения типов и подтипов сосудов, по мнению авторов монографии, является так называемая «морфологическая формула», позволяющая объединять сосуды с соответствующими комплексами признаков в совокупности различного уровня (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 19). Как достоинство предлагаемой методики авторы рассматривают возможность привлечения для типологических процедур графических изображений сосудов при наличии масштаба. Система орнаментации синташтинской керамики анализировалась по уровням: элементы, мотивы, композиция, стиль (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 42). Авторы выделили в орнаментации синташтинской керамики 147 элементов (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 43–44. Рис. 17, 18). Столь значительное их количество обусловлено, в частности, технологией нанесения орнамента. Нужно заметить, что большая дробность его элементов на подварианты вряд ли обоснована, поскольку возникает опасность «размывания» статистической картины.

Статистическая выборка (525 сосудов), привлеченная авторами, выглядит вполне достоверной (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 24). Однако нельзя не отметить, что ряд синташтинских памятников остался вне поля зрения исследователей. В качестве примера можно упомянуть синташтинские погребения Альмухаметовского I могильника, материалы которого опубликованы и вполне доступны.

Синташтинская керамика сгруппирована В.В. Ткачевым и А.И. Хаванским по обсужденной выше авторской методике. В результате была создана типология, составленная из восьми типов сосудов (Ткачев, Хаванский, 2006. 26–28. Рис. 3–5). За исключением типа VIII, остальные из них имеют различное количество подтипов – от двух до четырех (тип I.1). В целом методика типологизации сомнений не вызывает. Такое решение проблемы вполне допустимо. Сомнение вызывает лишь ряд утверждений. Например, о том, что при изготовлении новых сосудов на перевернутых вверх дном старых «высота тулова выбиралась изначально и меньше всего была подвержена случайным изменениям». Проведенные археологами ЧГПУ опыты показали, что при этом способе формовки сосуда высота тулова не могла быть одинаковой. Что касается высоты плеча, то, поскольку для синташтинской посуды ребро (в любом его исполнении) находилось, как правило, на $2/3$ общей высоты сосуда, вопрос для гончаров заключался лишь в том, из скольких лент (одной или двух) компоновать верхнюю часть сосуда. Наблюдения показывают, что предпочтение отдавалось варианту с одной лентой, что обуславливало традиционную для синташтинской посуды относительно небольшую высоту плеча.

Заключение исследователей о преобладании в синташтинском керамическом комплексе острореберных сосудов с выраженным ребром в верхней трети высоты тулова и с «прямым» невысоким плечом полностью совпадает и с выводами автора данного исследования об облике керамического комплекса синташтинских памятников Южного Зауралья. Эта группа сосудов действительно составляет ядро анализируемой совокупности (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 51). Нет вопросов и к корреляции формы и орнамента этой группы сосудов. Однако не вполне доказательным выглядит утверждение о более поздней датировке группы сосудов (I, 2 – горшки со сглаженным ребром) (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 51–52). Горшки со сглаженным ребром, конечно, по правилам создания формальной типологии должны быть обособлены. Но очевидно, что в данном случае (при 4,5% от общего количества сосудов) они могут считаться всего лишь «технологическим вывихом» при «ручном» способе лепки, а «обедненность» орнаментальных композиций может быть и кажущейся, принимая во внимание небольшую и случайную выборку. Выделение «кубкообразной» группы синташтинской керамики, опять-таки, исключительно по формально-типологическим соображениям (соотношение диаметра по устью и по дну) должно, на наш взгляд, соотноситься с размышлениями о функциональном назначении этих сосудов. Во всяком случае, сосуды из Синташтинского могильника, отнесенные по формальным соображениям к «кубкам» имеют объем, близкий корчагам. Не вполне понятны основания для включения подобных сосудов в эту группу.

Анализ орнаментации синташтинской керамики на уровне композиций привел авторов к заключению о существовании здесь двух видов «классических» композиций как в «развернутом», так и в «сокращенном» варианте (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 63–64). Справедливо отмечена и динамичность, взаимозаменяемость значительной части орнаментальных мотивов этой керамики, существовавших, однако, в рамках каноничности. Обсуждая стиль синташтинской керамики, авторы обоснованно подчеркивают, что орнаментальные каноны здесь «оставляли простор для реализации художественного замысла». Авторами обсуждаемой монографии предпринято также и развернутое сравнение синташтинской керамики с керамикой памятников потаповского типа из Среднего Поволжья. Сравнение организовано по морфологическому и орнаментальному основаниям. В результате авторы приходят к вполне корректному, на наш взгляд, выводу о неприемлемости объяснения потаповского культурного типа как варианта синташтинской культуры. Однако признается их родственность (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 76). Ранее к подобному выводу пришли П.Ф. Кузнецов и О.Д. Мочалов (Кузнецов, Мочалов, 2001. С. 266–273).

На основании анализа керамического комплекса авторы подтверждают высказанную ранее В.В. Ткачевым гипотезу о Степном Приуралье как исходном центре зарождения керамической традиции синташтинской культуры (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 81) и Южном Зауралье как районе, где эта традиция позднее нашла свое развитие.

Однако различия в керамическом комплексе Приуралья и Зауралья могут вовсе и не иметь хронологического содержания. Они могут быть обусловлены и культурными компонентами, вступавшими относительно одновременно во взаимодействие.

Самые большие сомнения вызывает предпринятая авторами монографии попытка создания внутренней хронологии для памятников синташтинского типа. 98 сосудов из 46 могил синташтинских погребальных памятников Приуралья явно недостаточно для создания относительной хронологии приуральской группы памятников синташтинской культуры. Быстротечности культурных процессов в начальной фазе культурогенеза соответствует также и эволюционная многолинейность. Поэтому тенденция постепенного исчезновения «внутреннего ребра» в синташтинской керамике, по нашему мнению, не очевидна, поскольку не подтверждена стратиграфически или принципом взаимовстречаемости. Керамика из могильника Каменный Амбар-5 столь же синташтинская, как и в могильниках с сосудами с «внутренним ребром». Поскольку синташтинское население являлось поликультурным, то вполне возможно, что перед нами одна из (основных?) синхронно существовавших групп. Во всяком случае, археологические методы не позволяют говорить о их последовательности.

«Смазанность» эволюции типов синташтинской керамики в Южном Зауралье В.В. Ткачев и А.И. Хаванский объясняют долговременностью проживания синташтинского населения Южного Урала в укрепленных поселениях, что вызвало «постепенную эволюцию материального комплекса, в том числе и гончарства» (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 79). Однако исследователи уже неоднократно отмечали относительную непродолжительность истории памятников синташтинского типа. Материальная культура их пока не может быть убедительно расчленена на раннюю и позднюю фазы. Полагаю, что обнародованная в монографии В.В. Ткачева и А.И. Хаванского и основанная на анализе керамики внутренняя культурно-хронологическая шкала для синташтинских погребальных памятников Южного Зауралья еще будет поводом для дискуссии (Ткачев, Хаванский, 2006. С. 102).

Типологию синташтинской керамики убедительно иллюстрирует коллекция из раскопок укрепленного поселения Устье I. Синташтинскую группу керамики здесь представляют 288 сосудов. Они изготовлены на сосудах-основах с применением текстильной прокладки из глины с добавлением преимущественно измельченного талька и шамота, однако изредка встречается и примесь из раздробленных створок раковин речных моллюсков. Черепок в изломе – от темно-серого до черного оттенков. Поверхности хорошо заглажены. В абсолютном большинстве сосуды представлены лишь фрагментами верхних частей. Синташтинская керамика отличается гораздо большим разнообразием и вариативностью в сравнении с петровской. Ведущим типом здесь являются горшечно-баночные сосуды с резко отогнутым наружу венчиком, ребром или ребром-уступом при переходе от невысокого плеча к усеченно-коническому, либо слегка выпуклому тулову (рис. 2, 5; 3, 2; 4, 1, 3). Ребро располагается в верхней трети высоты сосуда. Достаточно многочисленны крупные баночные сосуды типа корчаг с массивным верхним краем и туловом, сплошь орнаментированным многорядным «пальцевым» зигзагом (рис. 5). Техника выполнения орнамента разнообразна: гребенчатый и гладкий штампы, прочерчивание. В орнаментации синташтинских сосудов из Устья I было задействовано более 20 элементов орнамента. В орнаментации сосудов синташтинской группы из раскопок этого памятника прослеживаются явные абашевские мотивы. Особое внимание при анализе этой части коллекции уделялось рельефным элементам орнамента – «шишечкам» по ребру и формованным валикам по плечу. Выяснено, что как те, так и другие в коллекции из Устья I встречаются не серийно, что объясняется вероятным особым функциональным назначением этих сосудов. То же необходимо отметить и по поводу миниатюрных керамических сосудов, традиционно определяемых как светильники. В коллекции из раскопок Устья I они единичны. Это обстоятельство (при практически полностью раскопанной серии помещений и значительной площади раскопа) позволяет скептически относиться к традиционному определению миниатюрных сосудов как светильников.

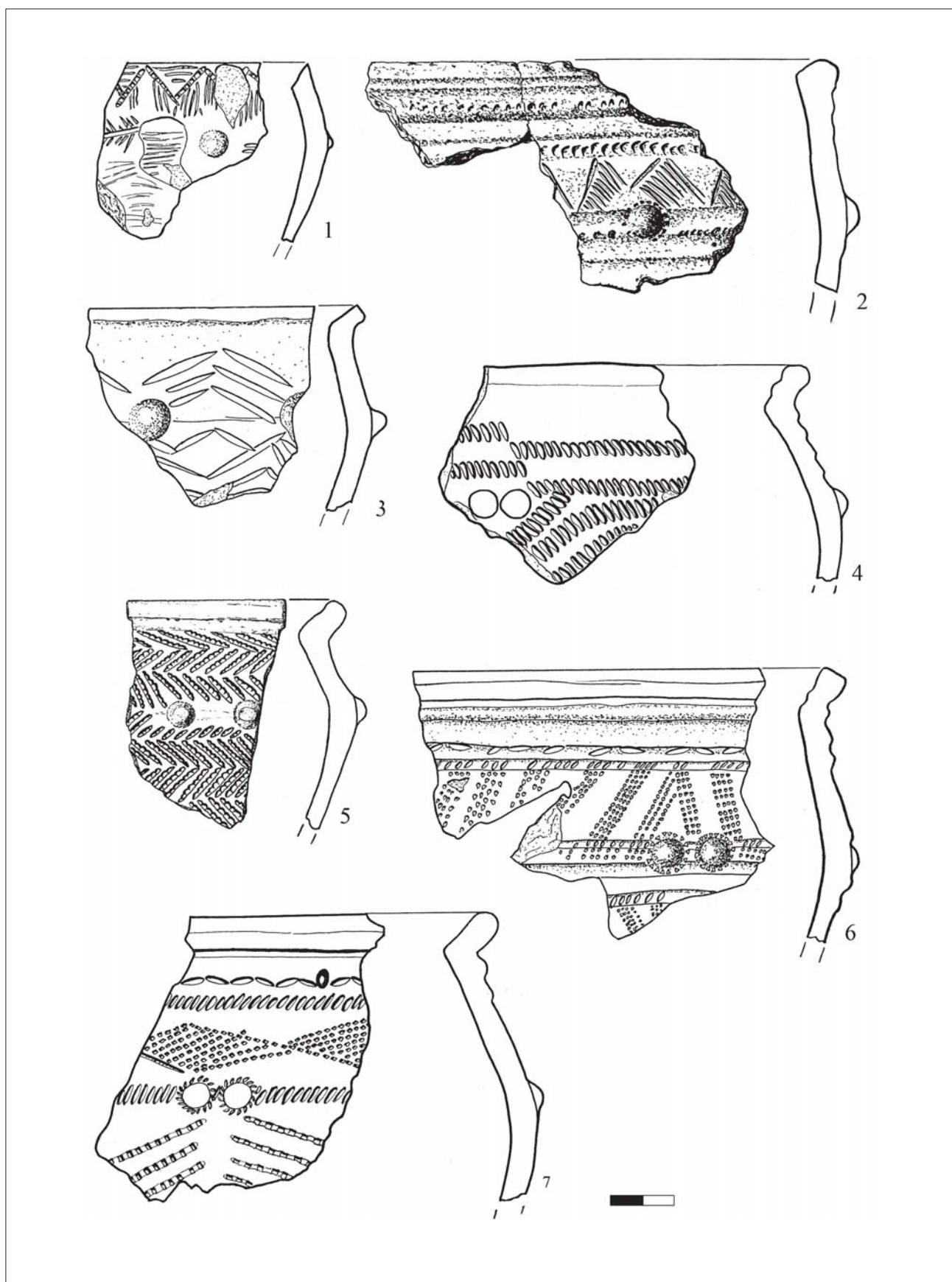

Рис. 2. Керамика памятников синташтинского типа
1-7 — укрепленное поселение Устье I

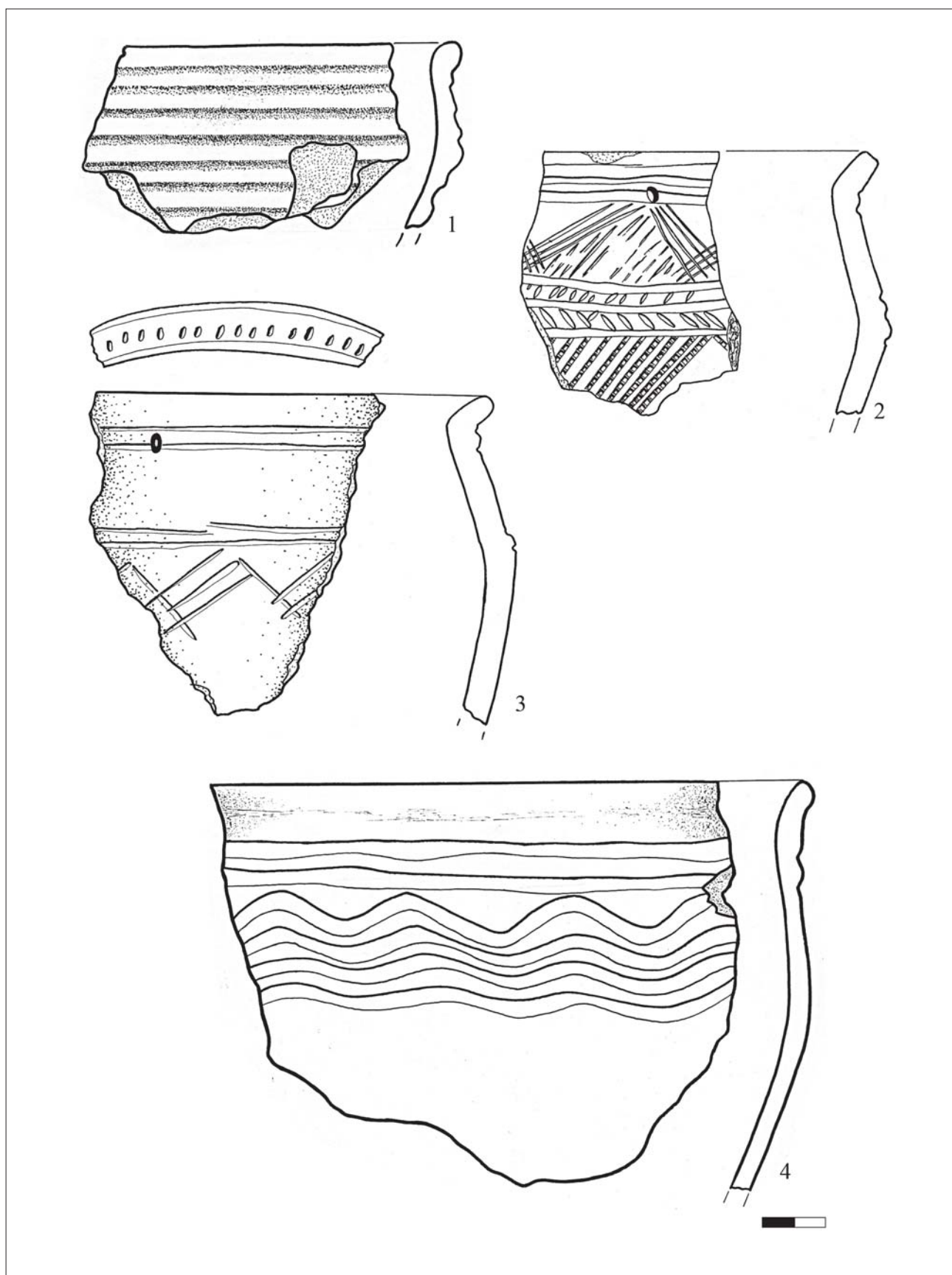

Рис. 3. Керамика памятников синташтинского типа
1-4 — укрепленное поселение Устье I

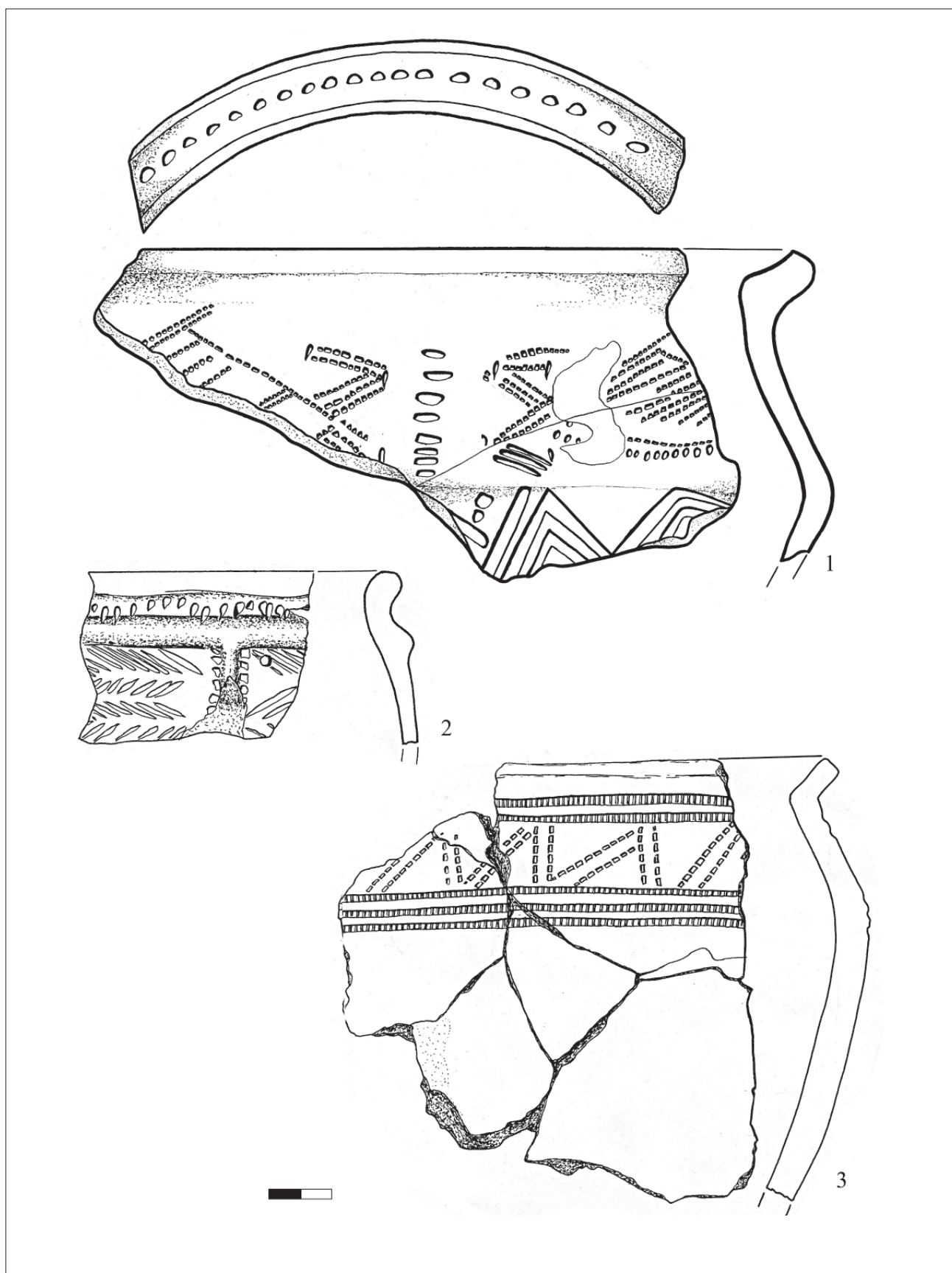

Рис. 4. Керамика памятников синташтинского типа
1-3 – укрепленное поселение Устье I

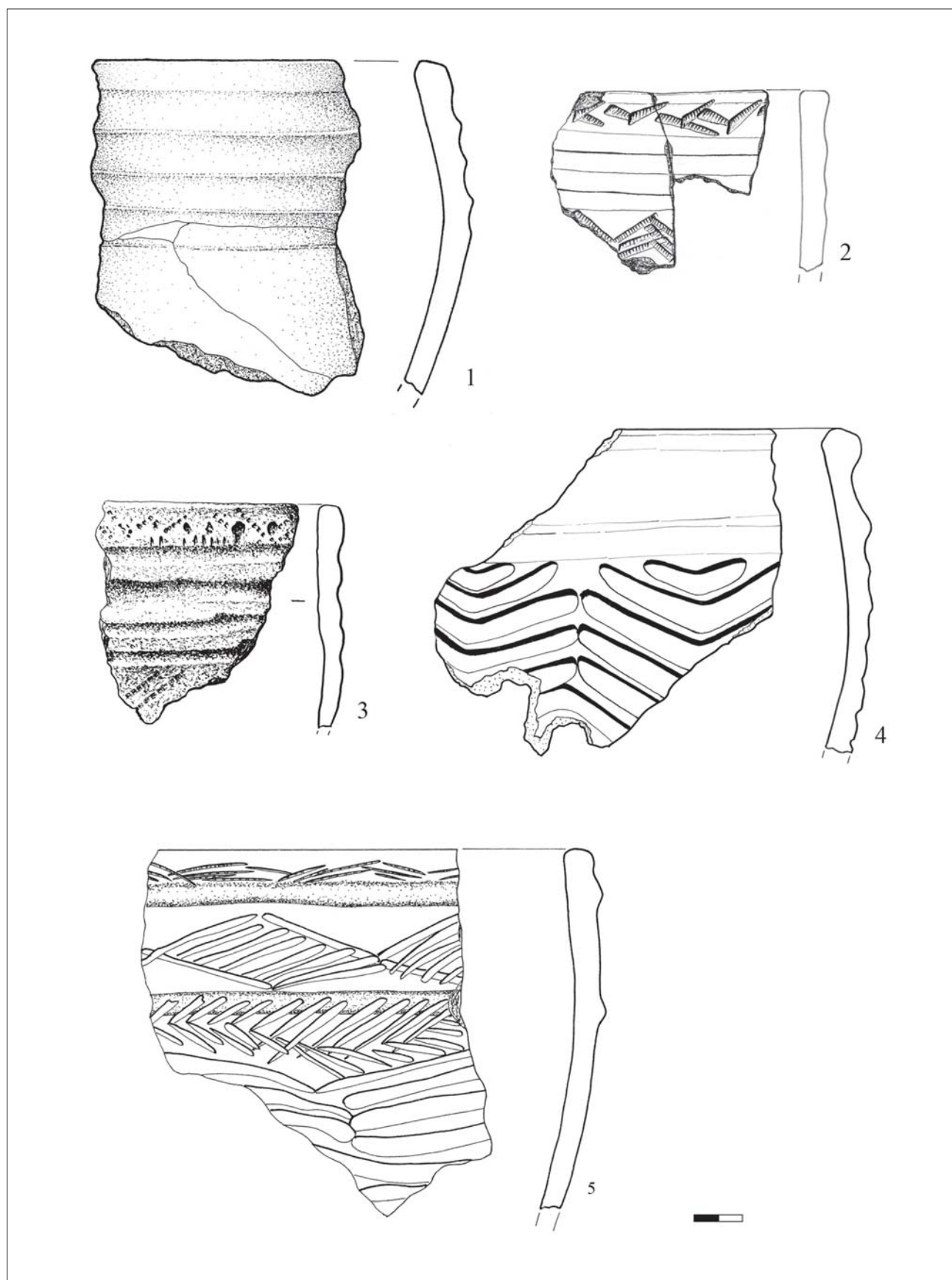

Рис. 5. Керамика памятников синташтинского типа
1-5 — укрепленное поселение Устье I

Если это так, то их количество должно быть соотносимо с количеством исследованных помещений или даже частей помещений.

Синташтинскую группу керамики из погребальных памятников проиллюстрируем на примере коллекции из могильника Кривое Озеро.

Она представлена 83 сосудами, сформованными на формах-основах, в качестве которых выступали перевернутые вверх дном старые сосуды, обтянутые влажной тканью. Из них 75 — целые формы, а 8 — фрагменты.

Ведущими примесями теста синташтинских сосудов могильника Кривое Озеро следует считать тальк (93,7% сосудов от общего количества в выборке) и шамот (49% — от общего количества в выборке) (определение визуальное). У 76 сосудов этой группы внешняя заглаженная поверхность имеет и линейно-штриховые следы процесса заглаживания. На внутренней поверхности 34,3% синташтинских сосудов в большей или меньшей степени сохранились оттиски текстильной прокладки, а у 32,9% — оттиски орнамента сосудов-основ. Причем у ряда сосудов наблюдались оба эти показателя. Синташтинские сосуды из могильника Кривое Озеро в абсолютном большинстве представлены горшечно-баночными формами горизонтальных пропорций. Верхние края их чаще всего обрабатывались ножом под плоскость (57,5%). Характерно и широкое распространение внутреннего скоса венчика (31,5%), иногда снабженного одним или двумя широкими желобками. Наличие внутреннего скоса венчика, на наш взгляд, прямо указывает на практику применения деревянных крышек, тоже имевших обратный скос бокового края.

61,7% синташтинской выборки сосудов имеют так называемое «внутреннее ребро», связанное с доминировавшей у синташтинцев традицией резкого отгиба шейки (90,4%). У более чем 2/3 сосудов этой группы переход от плеча к тулову оформлен ребром (78,1%), однако у 20,6% сосудов из описываемой выборки эти части формы достаточно плавно переходят друг в друга, что может быть объяснено как технологией их изготовления, так и смешением нескольких гончарных традиций.

Что касается характеристики формы тулова синташтинской группы сосудов из погребений указанного могильника, то оно чаще усеченно-коническое (54,8%) или слабо выпуклое (39,7%). Дно у них преимущественно плоское (57,5%) или слабо вогнутое (41,1%).

Особенностью орнамента синташтинской керамики из могильника Кривое Озеро является ее насыщенность. Большинство сосудов орнаментировано сплошь или почти сплошь по наружной поверхности; в 17,8% случаев — по венчику. В единичных случаях орнамент наносился и на дно сосуда. Орнаментация выполнялась разнообразными, нередко сочетающимися на одном сосуде приемами: прочерчиванием, гладкими и гребенчатыми штампами, вдавлениями.

Размышления над обширными синташтинскими коллекциями, полученными при раскопках укрепленного поселения Устье I, могильника Кривое Озеро, а также над коллекциями из других синташтинских памятников Южного Зауралья привели нас к ряду суждений об облике синташтинского гончарства.

Предварительно керамическая посуда из синташтинских памятников может быть разделена на несколько подгрупп. Прежде чем переходить к их описанию, необходимо терминологически определиться. По мнению А.В. Епимахова, «когда мы уверены, что для оформления верхней части сосуда использовалась отдельная лента, сосуд определялся как горшок» (Епимахов, 2005. С. 161). В отличие от А.В. Епимахова, в данной работе основная часть синташтинских сосудов определена как горшечно-баночные. Это подтверждает крайне незначительная профилированность синташтинской керамики в целом, что жестко обусловлено технологией формовки, предполагавшей после некоторого подсыхания вновь сформованного сосуда снятие его с сосуда-основы (Виноградов, Мухина, 1985). А это было возможно лишь в том случае, если диаметр по венчику (подразумевается верхний срез сосуда) равен или близок наибольшему диаметру по тулову. Экспериментальные работы показали, что у покрытого текстилем сосуда-основы нивелировался переход от шейки к тулову, что делало

сосуд близким баночному. В целом в определении частей сосуда автор данной работы следует за В.Ф. Генингом (Генинг В.Ф., 1973. С. 116)

Подгруппа 1. К ней отнесена основная часть синташтинской керамики. Это горшечно-баночные по форме сосуды. Ведущим типом здесь (в коллекциях из раскопок укрепленных поселений Устье I, Синташта I, Аркаим, а также из могильника Кривое Озеро) являются горшечно-баночные формы горизонтальных пропорций, выполненные на сосудах-основах, обтянутых влажной тканью. Тесто сосудов плотное, с примесями преимущественно в виде измельченного талька и шамота. Их характерными признаками является резко отогнутый венчик, «внутреннее», в различной степени выраженное ребро при переходе от невысокого плеча к тулову преимущественно усеченно-конической формы (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 89. Рис. 23; 25) (Рис. 6; 7). Геометрическая орнаментация, выполненная по предварительной разметке в разнообразной технике (прочерчивание, гладкие и гребенчатые штампы, вдавления, формовка элементов декора), покрывает всю внешнюю поверхность большинства синташтинских сосудов, а иногда и внутреннюю поверхность отогнутой шейки. Синташтинские гончары использовали более 20 разновидностей геометрических орнаментальных элементов, а также налепные валики по плечу и преимущественно парные «шишечки» по ребру. Сосуды относительно симметричны, имеют тщательно заглаженную поверхность.

Рельефные элементы декора (налепные валики, «шишечки») единичны.

В основном именно этот тип синташтинской глиняной посуды по некоторым элементам формы и орнаментации (резко отогнутый венчик, «внутреннее» ребро, группы ритмично расположенных вдавлений по основанию шейки, сгруппированные вертикальные линии из оттисков гребенчатого штампа по тулову, фестоны по тулову и др.) на протяжении нескольких десятилетий вызывал у исследователей как ассоциации с керамикой южноуральской абашевской культуры, так и стремление объяснить происхождение населения, оставившего памятники синташтинского типа, из южноуральского абашевского. На наш взгляд, абашевский компонент синташтинского гончарства, возможно, отражает лишь трансляцию через абашевское гончарство катакомбных традиций и достаточно кратковременный процесс интеграции абашевского населения Южного Урала в состав синташтинских общин. Однако не исключен и обратный вариант усвоения гончарами абашевской культуры Южного Урала традиций гончарства формирующегося синташтинского населения. Во всяком случае, мы солидарны с С.А. Григорьевым в том, что часть керамики абашевской культуры Южного Урала (баланбашский вариант) чрезвычайно близка синташтинской (Григорьев, 1999. С. 111).

К этой же подгруппе отнесены и сосуды, отличные от описанных выше лишь намеченным «мягким» ребром или практически плавным переходом от плеча к тулову при сохранении всех остальных, присущих описываемой подгруппе, признаков (рис. 8; 9). Указанная разновидность синташтинской керамики формально должна быть обособлена. Однако ни в одном из памятников она не является ведущей (по В.В. Ткачеву и А.И. Хаванскому – не более 4% от общего количества) и, на наш взгляд, в ряде случаев должна рассматриваться, скорее, как технологический сбой.

Кроме этого, необходимо отметить наличие в синташтинских коллекциях из погребальных памятников (Синташтинский могильник, Каменный Амбар-5) отдельных уникальных плавнопрофилированных ваз с ковровой орнаментацией и присутствием в ней фестонов (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 323. Рис. 187, 1–2; Епимахов, 2005. С. 75. Рис. 61, 7). Орнаментация такой вазы из погребения 7 Синташтинского могильника («памятник С II – малый грунтовый могильник») близка по облику пиктографии (рис. 10). Она и подобные ей (Ткачев, 1998. С. 49. Рис. 1) должны, на наш взгляд, рассматриваться через призму осмысления синташтинским населением погребального обряда, для которого эти сосуды, вероятнее всего, специально и изготавливались.

Вторая подгруппа горшечно-баночных синташтинских сосудов представлена преимущественно плоскодонными сосудами горизонтальных пропорций с уплощенным венчиком,

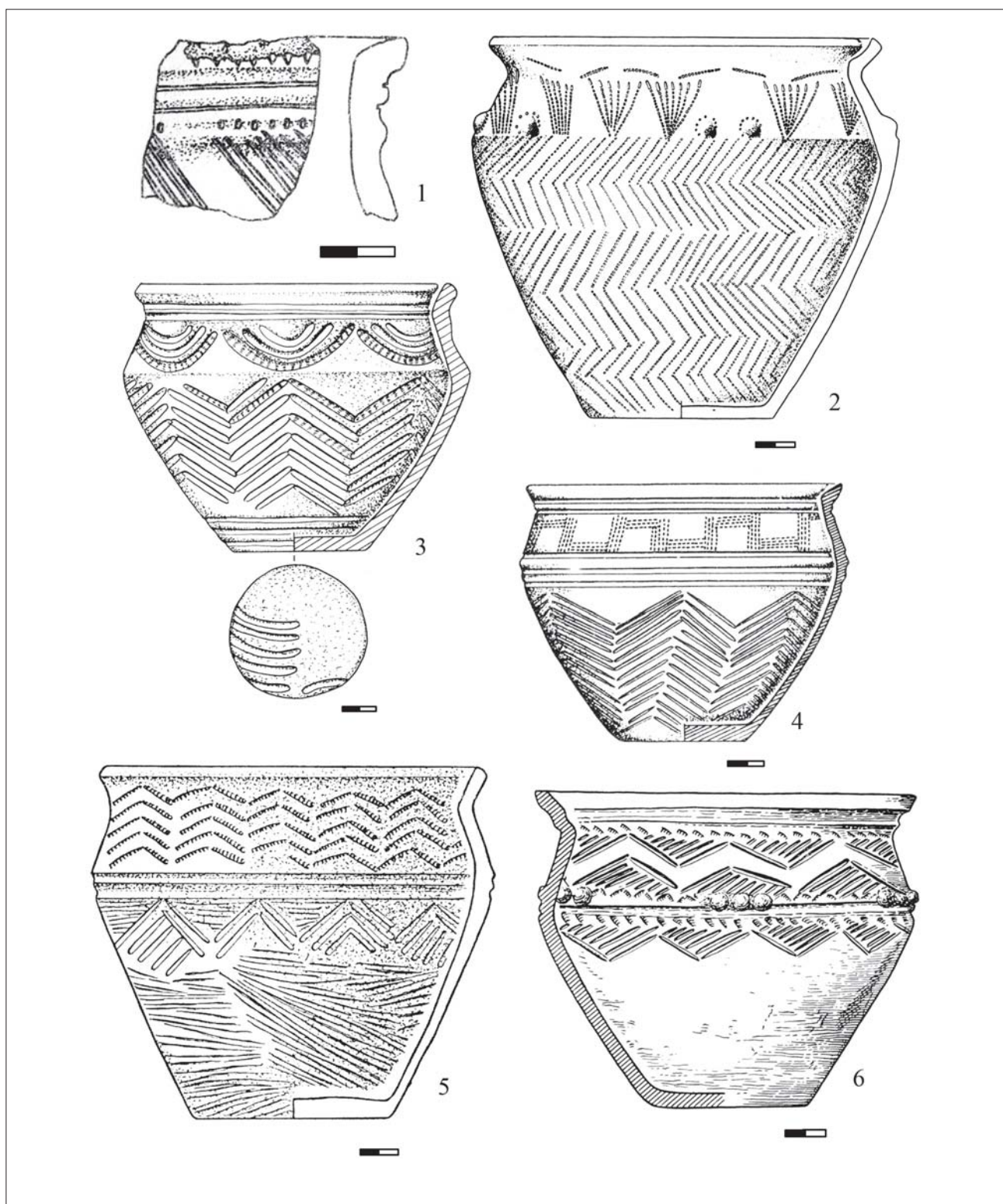

Рис. 6. Керамика памятников синташтинского типа

1 – поселение Семиозерное II; 2 – Синташтинский могильник («С I – комплекс грунтовых и курганных захоронений»). Яма 14; 3 – Синташтинский могильник («С II – малый грунтовый могильник»). Яма 2; 4 – Синташтинский могильник («С I-комплекс грунтовых и курганных захоронений»). Яма 2; 5 – Большекараганский могильник. Курган 25. Яма 13; 6 – могильник Убаган I.

1 по: (Евдокимов, 1983); 2–4 по: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992);

5 по: (Зданович, Гутков, Гайдученко, 2002);

6 по: (Потемкина, 1985)

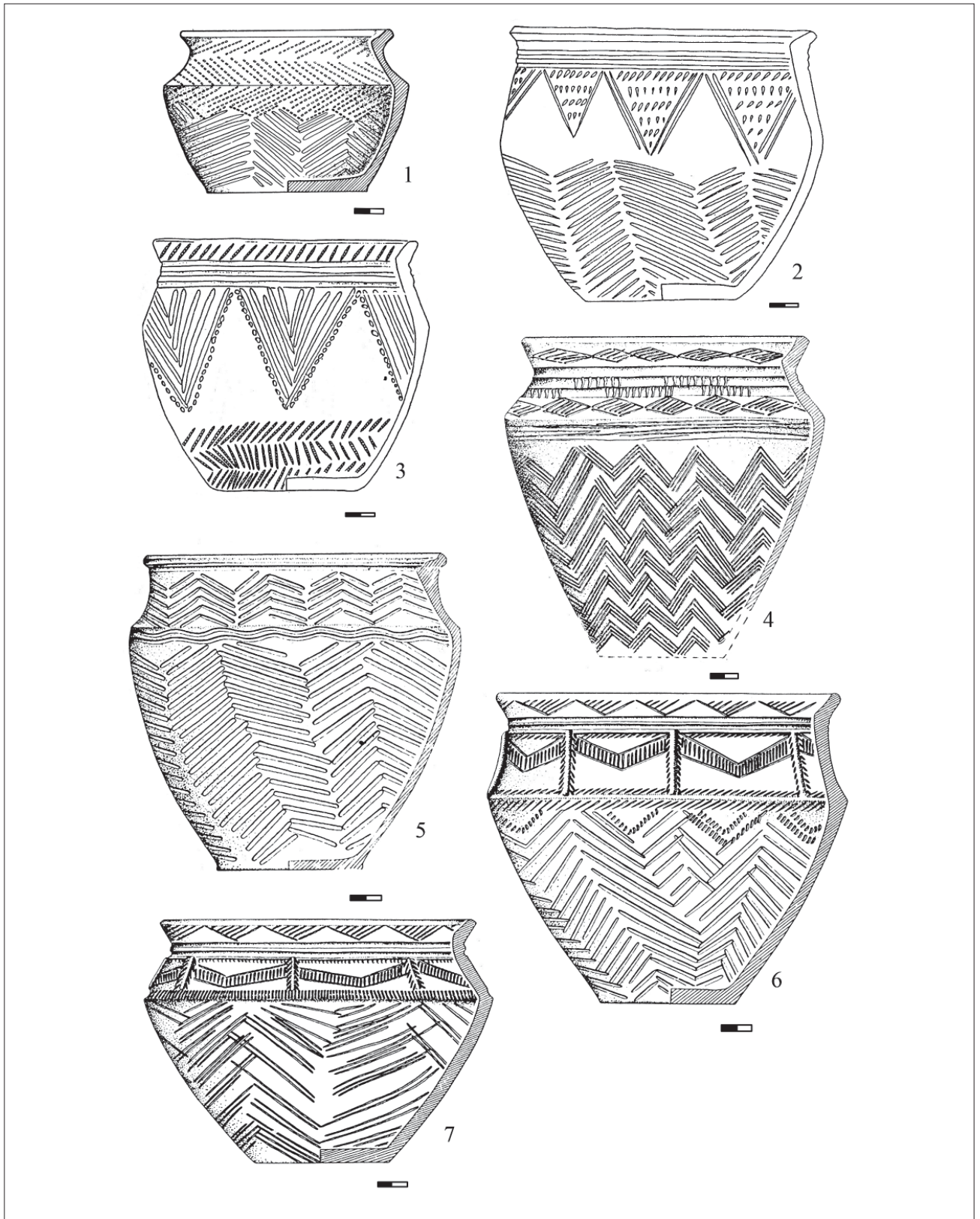

Рис. 7. Керамика памятников синташтинского типа

1 – Синташтинский могильник («С I – комплекс грунтовых и курганных захоронений»). Яма 1;
2 – могильник Солнце II. Курган 7. Яма 2; 3 – могильник Солнце II. Курган 4. Яма 1;
4, 5 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 39;
6, 7 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 12.

1, 4–7 по: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992); 2–3 по: (Епимахов, 1996)

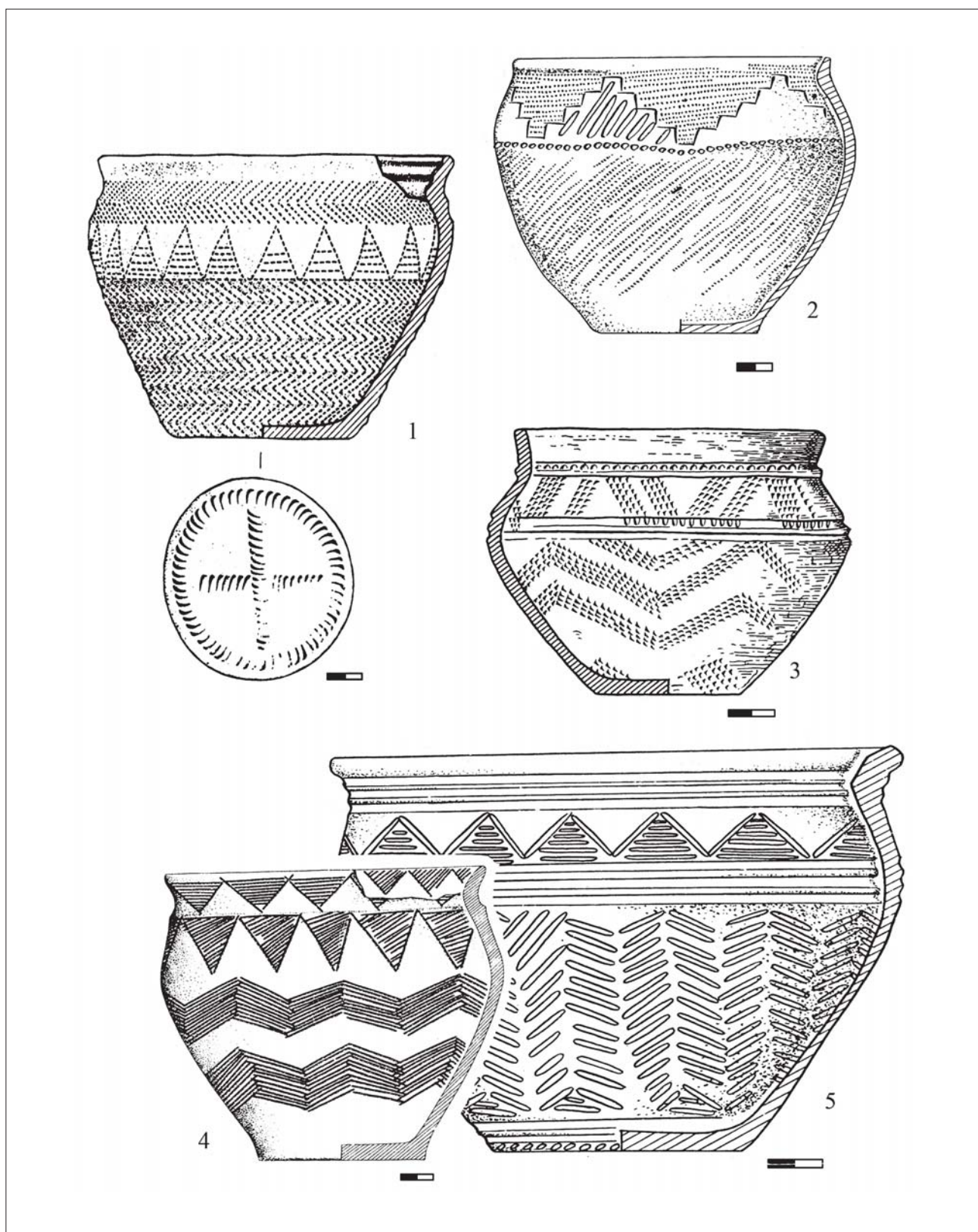

Рис. 8. Керамика памятников синташтинского типа

1 – Синташтинский могильник («С II – малый грунтовый могильник»). Яма 8;
2 – Синташтинский могильник («С II – малый грунтовый могильник»). Яма 1; 3 – могильник Убаган I;
4 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 22;
5 – Синташтинский могильник («С I-комплекс грунтовых и курганных захоронений»). Яма 11.
1-2, 4-5 по: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992); 3 по: (Потемкина, 1985)

Рис. 9. Керамика памятников синташтинского типа

1 – поселение Синташта I («СП – укрепленное поселение»); 2 – Большекараганский могильник. Курган 25. Яма 18; 3 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 7; 4 – Большекараганский могильник. Курган 25. Яма 10; 5 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 6.

1, 3, 5 по: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992); 2–4 по: (Зданович, Гутков, Гайдученко, 2002)

Рис. 10. Керамика памятников синташтинского типа
Синташтинский могильник («С II – малый грунтовый могильник»). Яма 7.
По: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992)

короткой, отогнутой наружу шейкой и ребром при переходе от плеча к тулову. «Внутреннее ребро», столь характерное для первой подгруппы синташтинской посуды, здесь отсутствует. Особенностью этой подгруппы синташтинской керамики является зачастую более низкое размещение ребра, в сравнении с первой подгруппой синташтинской керамики, и в основном более «мягкое» его исполнение (рис. 11). По данным А.В. Епимахова, представившего суммарное описание керамической коллекции из раскопок могильника Каменный Амбар-5, это, по большей части, сосуды небольшого объема (до 4,0 л), сформованные по синташтинской технологии (на перевернутых вверх дном сосудах, обтянутых влажным текстилем). Необходимо отметить и то, что керамические серии описываемой подгруппы отличает меньшая орнаментированность, как по размещению орнамента на корпусе сосуда (преимущественно в верхней части), так и по составу орнаментальных элементов, более обедненному в сравнении с первой подгруппой (Епимахов, 2005. С. 161). Предварительная разметка орнамента, столь обычная для первой подгруппы синташтинской керамики, здесь либо отсутствует, либо неважно соблюдается. Во всяком случае, мастер не чувствует себя к ней привязанным. Кроме этого, хочется отметить необычную рыхлость теста сосудов. Ее причины могут быть как в традиционной для этой группы населения рецептуре теста, особенностях обжига, так и в степени обводненности площадки некрополя в древности, это и повлияло на сохранность сосудов. Очень важно, что сосуды описываемой подгруппы обнаруживаются в одних и тех же могилах с сосудами первой подгруппы (Епимахов, 2005. С. 28. Рис. 23; С. 39. Рис. 32; С. 99. Рис. 75). А.В. Епимахов, на наш взгляд, совершенно справедливо видит близость этой подгруппы синташтинской керамики срубному «миру» (Епимахов, 2005. С. 161).

Попытки выделить «позднюю», «осрубленную» синташтинскую керамику (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 57) в противовес «ранней» с абашевскими признаками ни типологически, ни стратиграфически пока не подтверждены. Синташтинскую керамику, по нашему мнению, пока преждевременно делить на раннюю и позднюю (Ткачев, 2001. С. 187).

Мы рассматриваем эту подгруппу синташтинской керамики как «протосрубную», достаточно близкую керамике памятников потаповского типа Среднего Поволжья и отражающую, возможно, историю одной из двух основных, одновременных и родственных групп синташтинского населения. В керамике Потаповского могильника, кстати, присутствуют те же подгруппы керамики, что и в памятниках синташтинского типа Южного Урала (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1995. С. 19. Рис. 6 и др.). «Физиономическая» близость потаповской и каменноамбарской (и не только) керамики и выявленная П.Ф. Кузнецовым и О.Д. Мочаловым их «статистическая удаленность» (Кузнецов, Мочалов, 2001. С. 266–273) пока не находят удовлетворительного объяснения.

Обособленную подгруппу составляют крупные баночные сосуды (корчаги) с массивным верхним краем, подчеркнутым рельефными налипными или формованными валиками. По тулову они преимущественно орнаментированы многорядным широким горизонтальным зигзагом, иногда с вертикальными «разделителями» (рис. 12). Баночные формы сосудов небольшого объема в синташтинских памятниках редки (рис. 13).

Отдельно следует рассмотреть и серию миниатюрных сосудов из синташтинских памятников. Большая часть их имеет подчеркнутое ребро при переходе от плеча к тулову, пышную орнаментацию и по два сквозных отверстия на уровне основания шейки, на противоположных концах диаметра (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 254. Рис. 139, 7; Зданович, Гутков, Куприянова и др., 2002. С. 48. Рис. 28, 3; Ткачев, Хаванский, 2006. С. 153. Рис. 49) (рис. 14, 2, 3, 6, 9, 10). Ряд исследователей связывают происхождение этой разновидности керамики с доно-волжской абашевской культурой (Пряхин, Беседин, Захарова, 2001. С. 117; Ткачев, Хаванский, 2006. С. 107). О.В. Кузьмина говорит об этой категории сосудов как о «визитной карточке абашевской культуры» (Кузьмина, 1992. С. 22). На наш взгляд, рассматриваемый тип сосудов, скорее, отражает некие общие черты ритуальной практики, бытовавшей у различных групп населения Доно-Волжского и Волго-Уральского регионов в этот

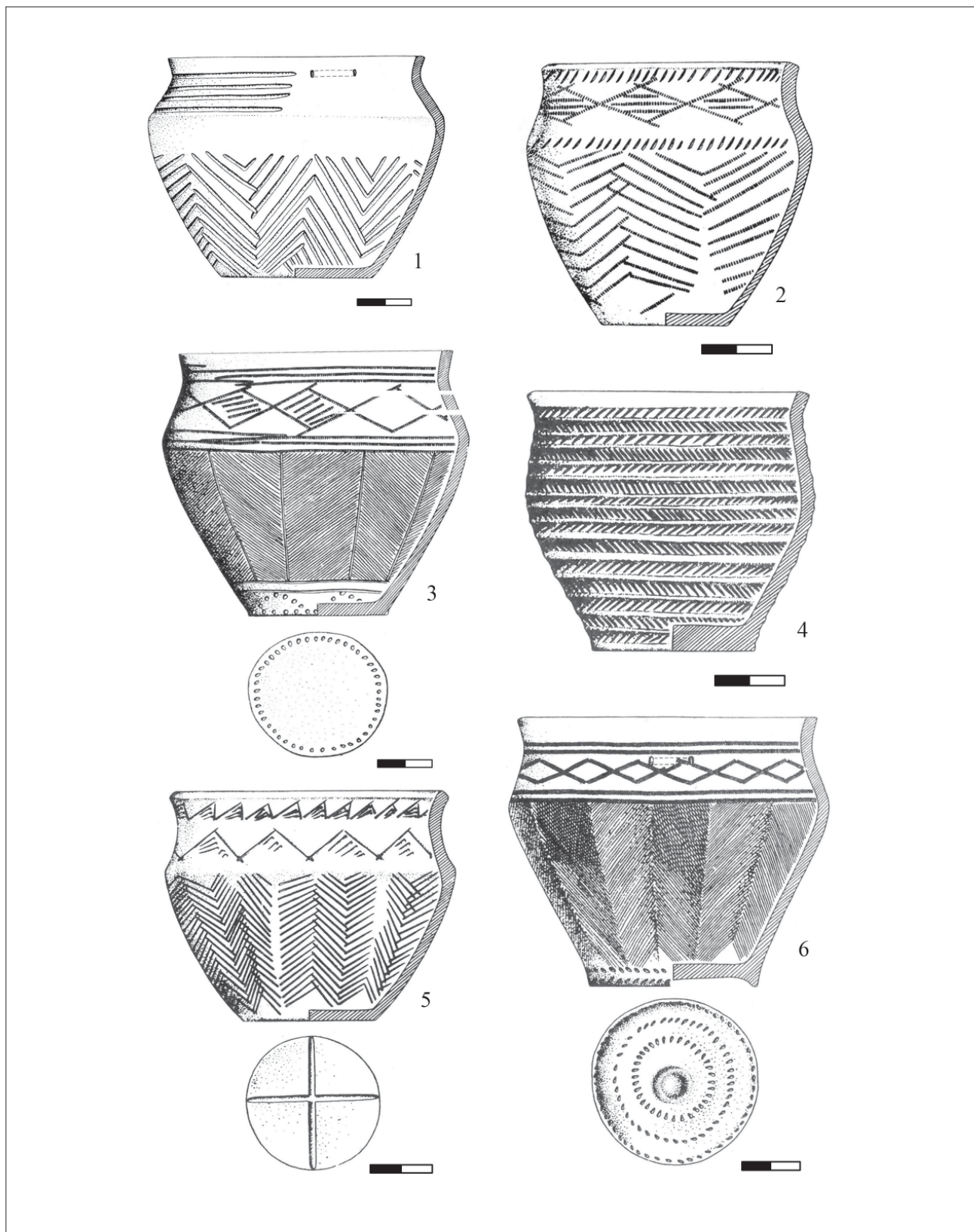

Рис. 11. Керамика памятника памятников синташтинского типа

1 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 9;
2, 4, 5–6 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 5;
3 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 11.

По: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992)

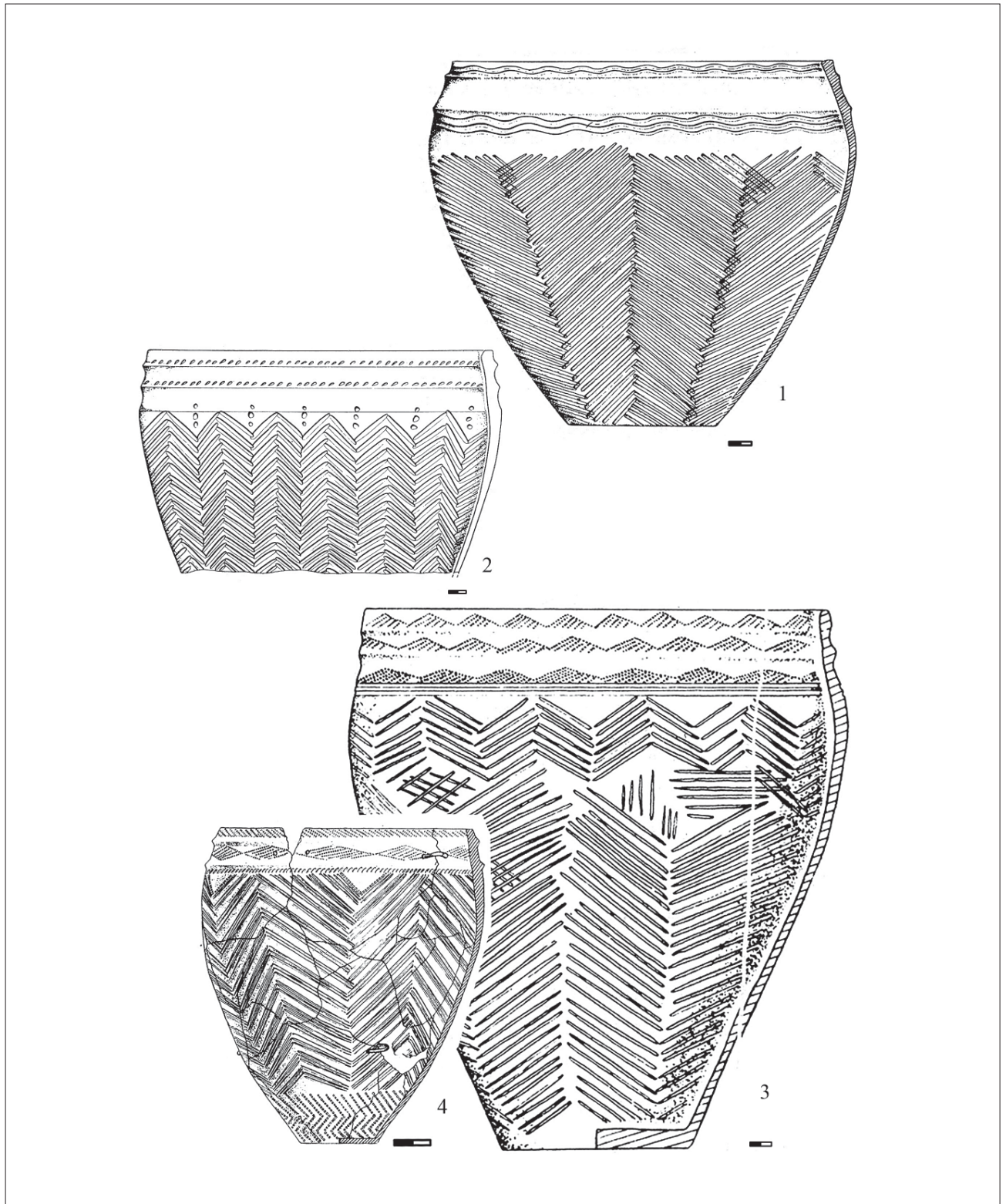

Рис. 12. Керамика памятников синташтинского типа

1 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Жертвенный комплекс II;
2 – поселение Синташта I («СП – укрепленное поселение»); 3 – Синташтинский могильник
 («С I – комплекс грунтовых и курганных захоронений»). Яма 12; 4 – Синташтинский могильник
 («С II – малый грунтовый могильник»). Яма 7.

По: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992)

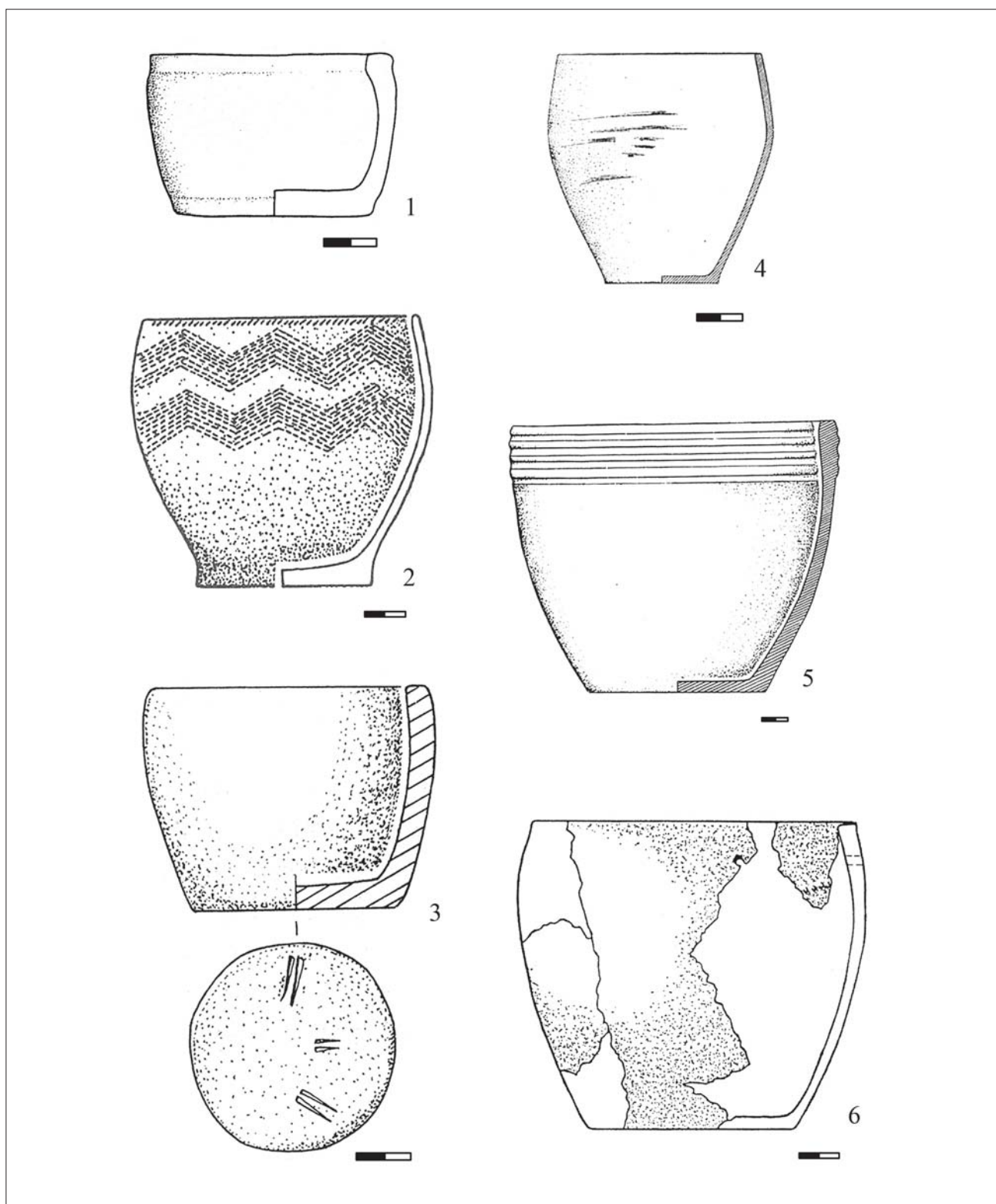

Рис. 13. Керамика памятников синташтинского типа

- 1 – могильник Кривое Озеро. Курган 10. Яма 13; 2 – Большекараганский могильник. Курган 20. Яма 3;
3 – Синташтинский могильник («С II – малый грунтовый могильник»). Яма 4;
4 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 3;
5 – Синташтинский могильник («С I – комплекс грунтовых и курганных захоронений»). Яма 5;
6 – Большекараганский могильник. Курган 25. Яма 24.
2 по: (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996); 3–5 по: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992);
6 по: (Зданович, Гутков, Гайдученко, 2002)

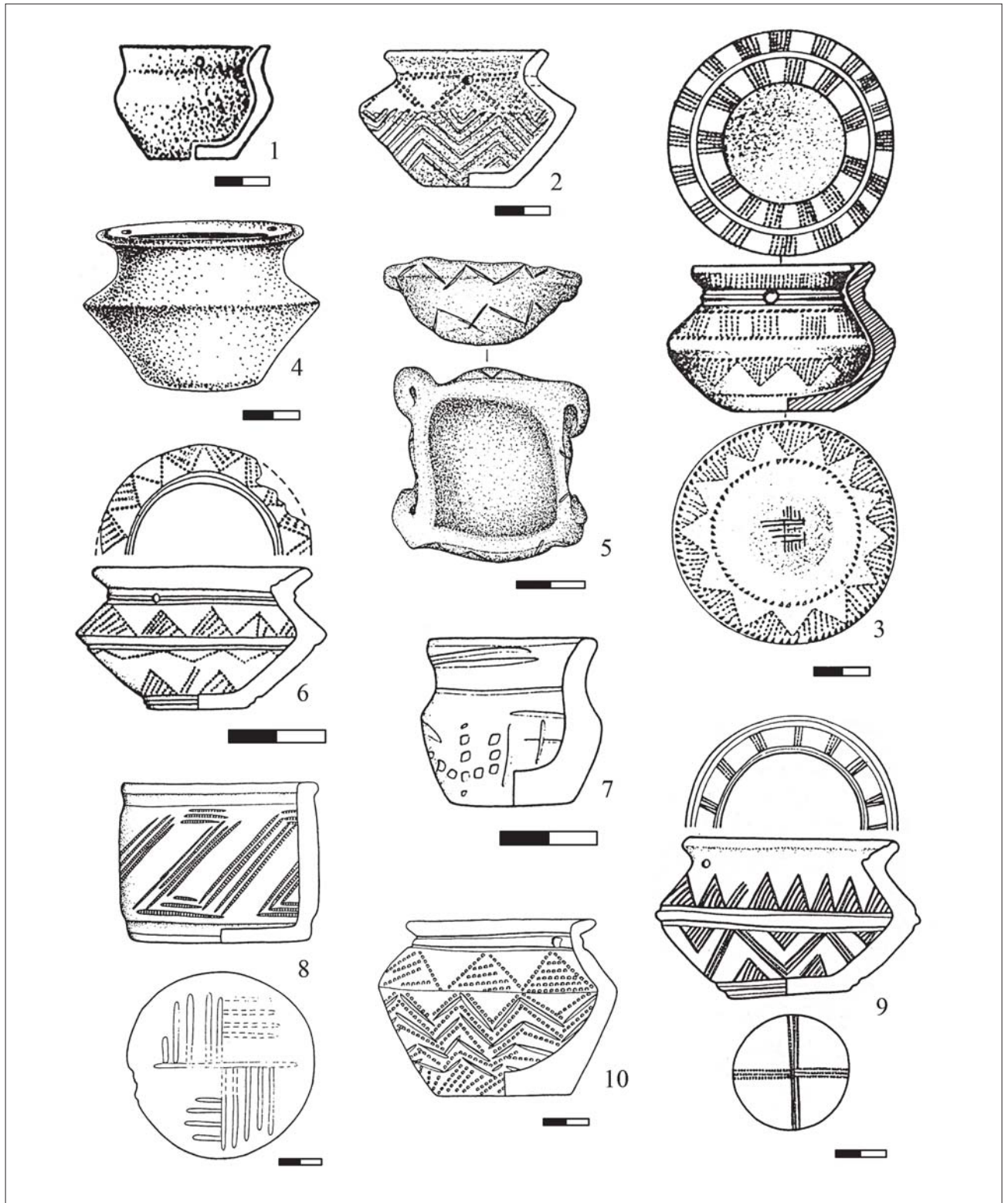

Рис. 14. Керамика памятников синташтинского типа

1 – Большекараганский могильник. Курган 20. Яма 3; 2 – Большекараганский могильник. Курган 25. Яма 10; 3 – Синташтинский могильник («С1-комплекс грунтовых и курганных захоронений»). Яма 1; 4 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 2; 5, 9 – могильник Кривое Озеро. Курган 10. Яма 5; 6–7 – могильник Кривое Озеро. Курган 10. Яма 3; 8 – могильник Кривое Озеро. Курган 10. Яма 2; 10 – могильник Кривое Озеро. Курган 10. Яма 22.

1 по: (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996); 2 по: (Зданович, Гутков, Гайдученко, 2002); 3–4 по: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992)

период (в частности, это: доно-волжская абашевская культура, памятники потаповского типа, средневожская абашевская и, южноуральская абашевская культуры, памятники синташтинского типа). Истоки этого единства возможно искать не только в фатьяновско-балановской, но и в позднекатакомбной среде. В Южном Зауралье традиция изготовления миниатюрных остро-реберных сосудов с отверстиями для подвешивания и, соответственно, обрядовая практика, частью которой они и были, сохраняется и в последующее – петровское время. В могильнике Кривое Озеро, яме 2 кургана 1 обнаружен миниатюрный остро-реберный сосуд с отверстиями для подвешивания, но, в отличие от синташтинских, лишенный какого-либо орнаментального оформления. Подобный сосуд известен и из погребения 2 «большого грунтового могильника» Синташты (СМ) (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 117. Рис. 46, 4) (Рис. 14, 4).

Миниатюрные сосуды в синташтинских могильниках представлены не только описанным выше типом. В коллекции из могильника Каменный Амбар-5 находим несколько миниатюрных сосудов (Епимахов, 2005. С. 52. Рис. 43, 6, 7). Один из них из могильника Каменный Амбар-5 остро-реберный, но без отверстий на уровне основания шейки. Другой (Епимахов, 2005. С. 52. Рис. 43, 7) – кубковидный, с выпуклым туловом, на поддоне. В могильнике Кривое Озеро имеется и несколько миниатюрных остро-реберных сосудов, которые более скромно орнаментированы и не имеют отверстий в основании шейки подобно описанной выше основной разновидности. Уникален миниатюрный баночный сосуд из ямы 2 кургана 10, декорированный по внешней поверхности изящным, выполненным мелким гребенчатым штампом, меандром (рис. 14, 8). Отметим и миниатюрную имитацию деревянного (?) сосуда с угловыми ручками-ушками (рис. 14, 5).

Допустимо, что описанные выше разновидности миниатюрных сосудов из могильника Кривое Озеро, как и из других синташтинских памятников Южного Зауралья, обеспечивали различные обрядовые действия и не могут быть рассмотрены в пределах одного и того же типа.

Отдельного рассмотрения заслуживает относительно небольшая группа плавнoproфилированных сосудов, наиболее ярко представленная в Синташтинском могильнике (рис. 15). Здесь их насчитывается чуть более десятка. Сосуды отличает и богатство орнаментального оформления. В литературе эта группа керамики рядом исследователей трактуется как протофедоровская, свидетельствующая о древности федоровской керамической традиции (Кузьмина, 1994. С. 39). По нашему мнению, рассматриваемые сосуды с равным успехом могут служить и реальным свидетельством включения в синташтинские общины Южного Зауралья угрозных аборигенов, первые поколения которых, попав в чуждую среду, приносили в ее гончарство свои традиции, в частности, профилировку сосудов и богатство гребенчатой в основе своей орнаментации.

Если и говорить о существовании некоего синташтинского стандарта в керамике, то он, несомненно, представлен как горшечно-баночными сосудами средних и небольших размеров с короткой, резко отогнутой наружу шейкой, с «внутренним ребром», с ребром в верхней трети высоты, с усеченно-коническим либо слабо раздутым туловом, плоским дном и крупными банками-корчагами с массивным верхом (Малютина, Зданович, 2004. С. 81). В тесте – разнообразные примеси. Преобладает сочетание примесей «шамот + измельченный тальк». В ряде случаев в качестве них использовались измельченные створки раковин речных моллюсков. Однако, как нам известно, ни в одной из синташтинских керамических коллекций этот вариант примеси к глиняному тесту не доминирует. Мнение С.А. Григорьева о доминировании в синташтинском гончарстве сосудов с плавной профилировкой нуждается в дополнительной аргументации (Григорьев, 1999. С. 83).

На самом общем уровне есть основания выделять в синташтинской керамике, по меньшей мере, две четкие подгруппы. Первая подгруппа – со следами явного влияния абашевской гончарной традиции (например, часть сосудов из раскопок Синташтинского могильника, из могильника Кривое Озеро). Вторую предварительно можно определить как «протосрубную» (для примера приведем керамику из раскопок укрепленного поселения Син-

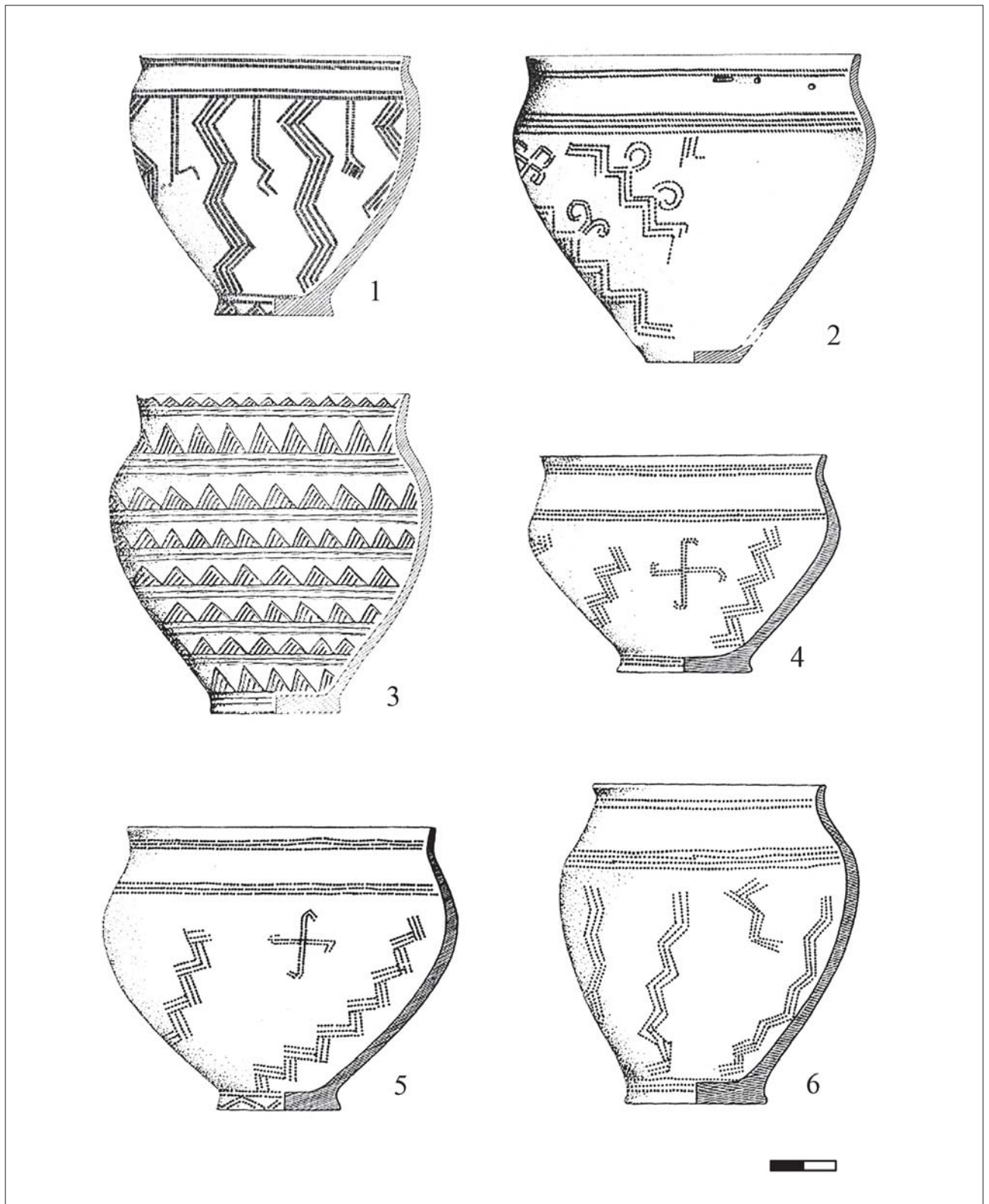

Рис. 15. Керамика памятников синташтинского типа

1 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 32;
2 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 8; 3 – Синташтинский
могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 35; 4–5 – Синташтинский могильник
 («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 2; 6 – Синташтинский могильник
 («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 3.

По: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992)

ташта I (Генинг, Зданович, Генинг В.В, 1992. С. 97. Рис. 30, 10). Большекараганского могильника (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996. С. 77. Рис. 13); могильника Каменный Амбар-5 (Костюков, Епимахов, Нелин, 1995. С. 205. Рис. 29, 2, 4; С. 206. Рис. 30). В Поволжье подобная керамика присутствует, прежде всего, в Потаповском могильнике (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994).

Справедливость утверждения А.И. Гуткова о наличии следов нескольких традиций гончарства в синташтинской керамике, основанная на исследовании технологии (Гутков, 1994. С. 66–69; Гутков, 1995. С. 143, 146), подтверждается и типологически.

С одной стороны, большее разнообразие орнаментальных элементов и их сочетаний на синташтинских сосудах необходимо рассматривать как одно из частных проявлений начальной фазы культуругенеза, когда в гончарстве происходило смешение нескольких культурных традиций. С другой стороны, кристаллизации канонов здесь предшествовала кратковременная, но удивительно яркая эпоха новаций, прежде всего, в орнаментации.

Наличие в повседневной жизни населения, оставившего синташтинские памятники, деревянной посуды, подтверждается не только находками истлевших деревянных сосудов, но и их миниатюрными керамическими репликами (могильник Кривое Озеро).

* * *

Анализ части синташтинских коллекций, отражающих металлопроизводство, в контексте данной работы представляется чрезвычайно важным. Синташтинские поселенческие памятники иллюстрируют теснейшую связь их обитателей с металлопроизводством. С ним связана значительная серия каменных орудий из синташтинских памятников (молотки и молоты, наковальни, песты для дробления и растирания руды, обломки массивных плит — рудотерок, абразивы) (рис. 16; 17).

Синташтинская группа металлических предметов в целом представлена изделиями из меди, бронзы, серебра и золота.

Синташтинские металлические изделия, по данным историков металлургии, в основном изготовлены из мышьяковой бронзы (Черных, Кузьминых, 1989. С. 172; Черных, 2009. С. 251). В некотором количестве имеются предметы (украшения и ножи) из оловянной бронзы, биллона (украшения) и из чистой меди (ремонтные скрепки) (Рындина, Дегтярева, 2002. С. 181).

Особенностью синташтинского металлокомплекса является его выраженная пластинчатость. Пластинчатые специализированные ножи (рис. 18, 29; 30), ножи-кинжалы (рис. 19), серпообразные орудия (рис. 18, 26–28), струги (рис. 18, 24), тесла (рис. 21), втульчатые долота (рис. 18, 22, 23), шилья без упора (рис. 18, 1–6, 15), в синташтинских памятниках сочетаются с наконечниками копий с несомкнутыми втулками (рис. 20, 3–8), вислообушными топорами с бойком на обушной части (рис. 20, 1, 2), массивными, иногда прорезными наконечниками стрел (рис. 18, 17–21). В синташтинском металлокомплексе несколько типов бронзовых крюков (рис. 18, 7–9, 14), гарпуны (рис. 18, 31), пробойники (рис. 18, 16).

Среди бронзовых изделий наиболее многочисленны ножи-кинжалы (рис. 19). В первую очередь, это ножи-кинжалы с ромбической пяткой черешка, намечающимся перекрестием и перехватом (разряд НК-14; классификация Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых). Многочисленные экземпляры подобных предметов имеются в могильнике Синташта (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 117. Рис. 46, 6, 7; С. 133. Рис. 57, 1, 2; С. 139. Рис. 61, 7; С. 151. Рис. 70, 2; С. 158. Рис. 75, 5; С. 255. Рис. 140, 1; С. 265. Рис. 146, 10; С. 268. Рис. 148, 18; С. 320. Рис. 184, 4). Подобные ножи-кинжалы встречены также в могильнике Каменный Амбар-5 (Костюков, Епимахов, Нелин, 1995. С. 196. Рис. 20, 23), в кургане 24 Большекараганского могильника (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996. С. 81. Рис. 17, 7, 8), в могильнике Танаберген 2 (Ткачев, 2000. С. 65. Рис. 11–12). Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых считают этот тип

изделий обычным и для абашевских памятников (Черных, Кузьминых, 1989. С. 102. Рис. 58, 1–5, 7). Есть они и в могильнике Кривое Озеро (Виноградов, 2003). Другой тип ножей-кинжалов (НК-16; классификация Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых), с трапециевидным черешком и перехватом, находим в погребениях таких могильников, как Синташта (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 268. Рис. 148, 19), Кривое Озеро. Тип синташтинских ножей-кинжалов, с прокованным под прямоугольник черешком, встречен при раскопках могильника Синташта II (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 302. Рис. 171, 7) и могильника Кривое Озеро.

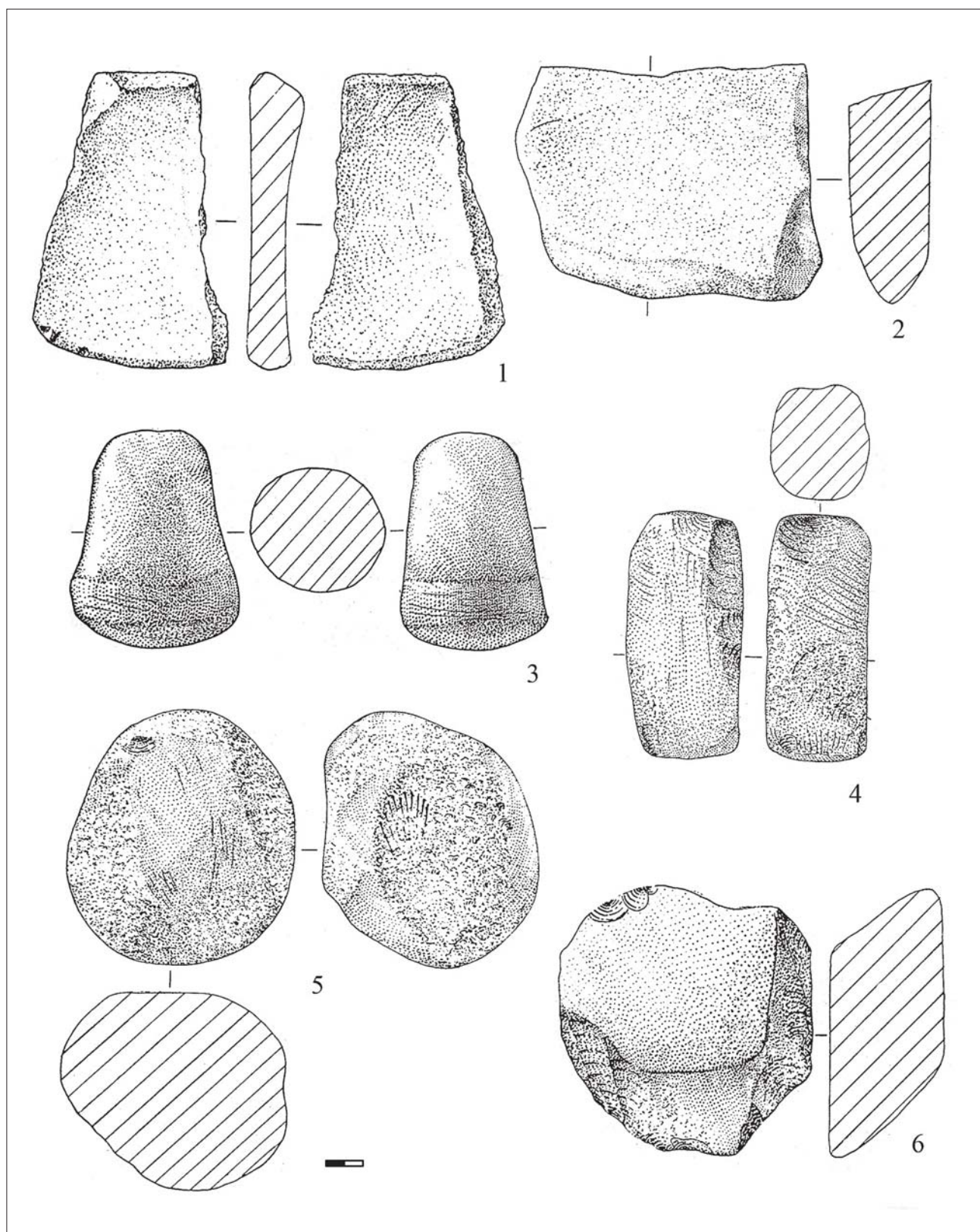
Плоские бронзовые тесла (рис. 21) (разряд ТД-2; классификация Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых) широко распространены как в собственно синташтинских памятниках (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 139. Рис. 61, 8; С. 232. Рис. 127, 3; С. 255. Рис. 140, 7; С. 265. Рис. 146, 4; С. 268. Рис. 148, 14–16; С. 272. Рис. 152, 7, 8), в яме 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро (Виноградов, 2003. С. 89. Рис. 35, 3), так и в абашевских, срубно-абашевских памятниках, памятниках сейминско-турбинского типа (Черных, 1970. С. 68. Рис. 52, 3–9).

Серповидные изделия в памятниках синташтинского типа отличает слабая степень изогнутости и меньшая, в сравнении с аналогичными по типу петровскими, ширина (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 109. Рис. 41, 18). В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев считают синташтинские и петровские серпы «одним из самых заметных элементов металлопроизводства < ... > евразийской лесостепи» (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 298).

Справедливо уточнить, что применение к этой категории металлических орудий определения «серпы» не вполне корректно, поскольку, с одной стороны, их столь узкое функциональное назначение трасологи пока не подтвердили. С другой стороны, общеизвестно, что земледелие не зафиксировано в памятниках степных культур Восточной Европы и Южного Урала почти до конца бронзового века и, вряд ли оно играло заметную роль в хозяйственно-экономической жизни степного населения в первой половине II тыс. до н.э. (Лебедева, 2005. С. 50–68; Кол, 2005. С. 64).

Бронзовые шилья из синташтинских памятников принадлежат к одному типу – шильям без упора и изготовлены на бронзовых прутках квадратного или прямоугольного сечения, приострены с двух концов и также были широко распространены как в срубно-андроновском мире, так и в сейминско-турбинских и абашевских памятниках (Черных, Кузьминых, 1989. С. 131. Рис. 72, 1–2, 4–15). Уникальна находка массивной бронзовой иглы (вероятно, для работы по коже) из ямы 34 кургана 10 могильника Кривое Озеро (Виноградов, 2003. Рис. 96, 23). Она изготовлена на прутке квадратного сечения, приострена с одного конца. На другом конце сохранилась часть отверстия подпрямоугольной формы. Бронзовая игла встречена и при раскопках могильника Каменный Амбар 5 (Епимахов, 2005. С. 97–98. Рис. 74,4). Большая серия бронзовых скреп на сосудах из синташтинских могильников свидетельствует о широком распространении в среде синташтинского населения Южного Зауралья практики фиксации таким образом деревянных (?) элементов предметов и ремонте сосудов (Гутков, 2000. С. 170–186). Подобные предметы широко распространены в синташтинских памятниках (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 117. Рис. 46, 9; С. 139. Рис. 61, 1; С. 187. Рис. 96, 4; С. 302. Рис. 171, 4 и др.).

Желобчатые браслеты выпукло-вогнутого сечения с несомкнутыми заovalенными концами (рис. 22, 15–20) обычны как для синташтинских памятников Южного Зауралья (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996. С. 75. Рис. 11, 2; Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 307. Рис. 175, 6) и памятников потаповского типа Среднего Поволжья (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994. С. 133. Рис. 29, 4–7), так и для срубно-андроновского мира эпохи поздней бронзы в целом (Черных, 1970. Рис. 61, 37–58). Однако срубные и собственно алакульские браслеты, аналогичные синташтинским по сечению и форме окончаний, имеют меньшие средние значения ширины в сравнении с синташтинскими. Привлекает внимание факт использования в синташтинской погребальной обрядности поврежденных браслетов, для ремонта которых пробивались отверстия (могильник Кривое Озеро).

**Рис. 16. Памятники синташтинского типа.
Каменные орудия металлургии и металлообработки.
Укрепленное поселение Синташта I**

1 – абразив; 2 – терочная плита; 3 – пест; 4 – молот; 5 – пест-курант; 6 – наковальня.

По: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992)

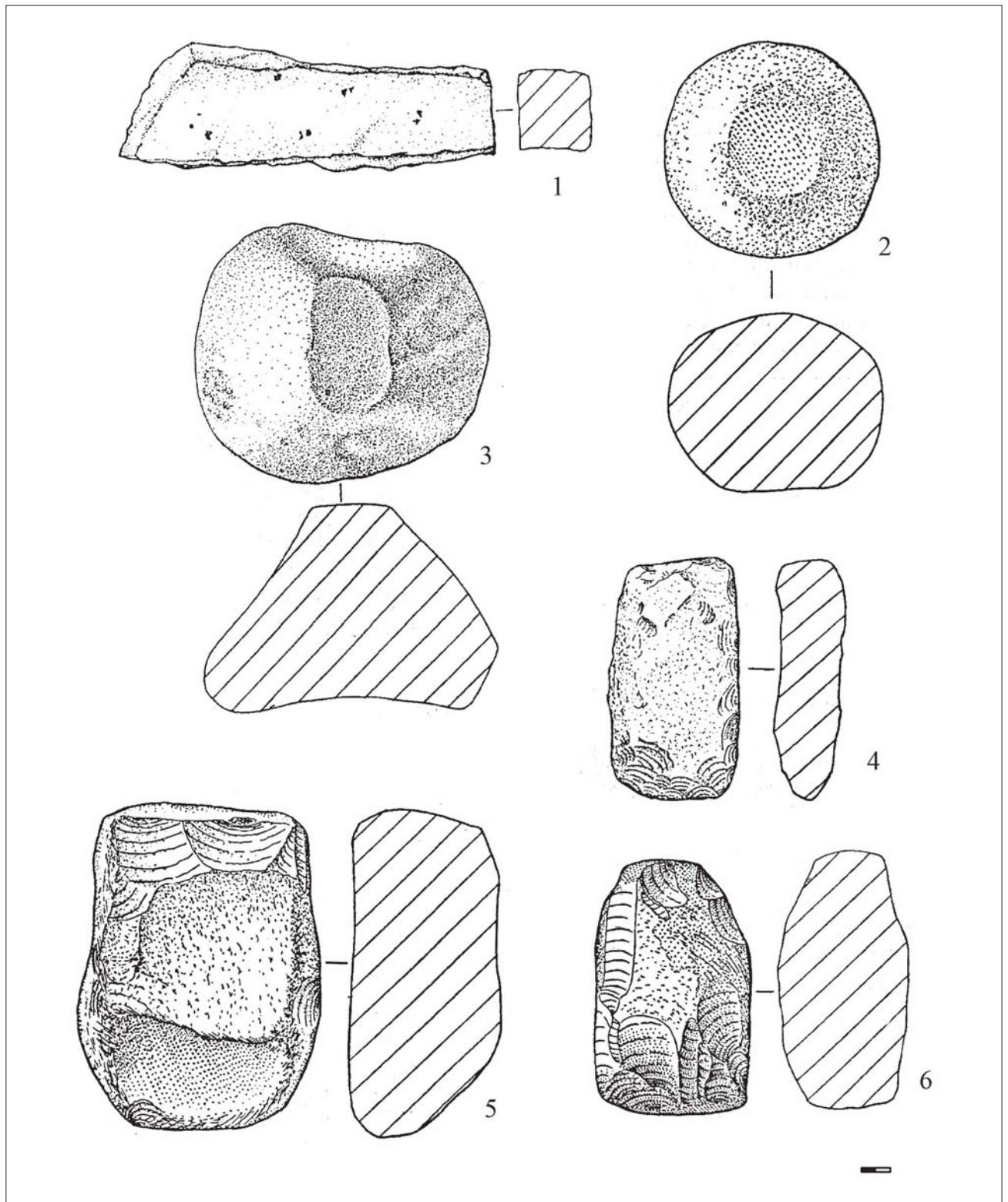

Рис. 17. Памятники синташтинского типа.
Каменные орудия металлургии и металлообработки.
Укрепленное поселение Аркаим. Каменные орудия
1 – терочник; 2 – пест; 3 – подставка-наковальня; 4 – молоток; 5–6 – молот.
По: (Зайков, Зданович, 2000)

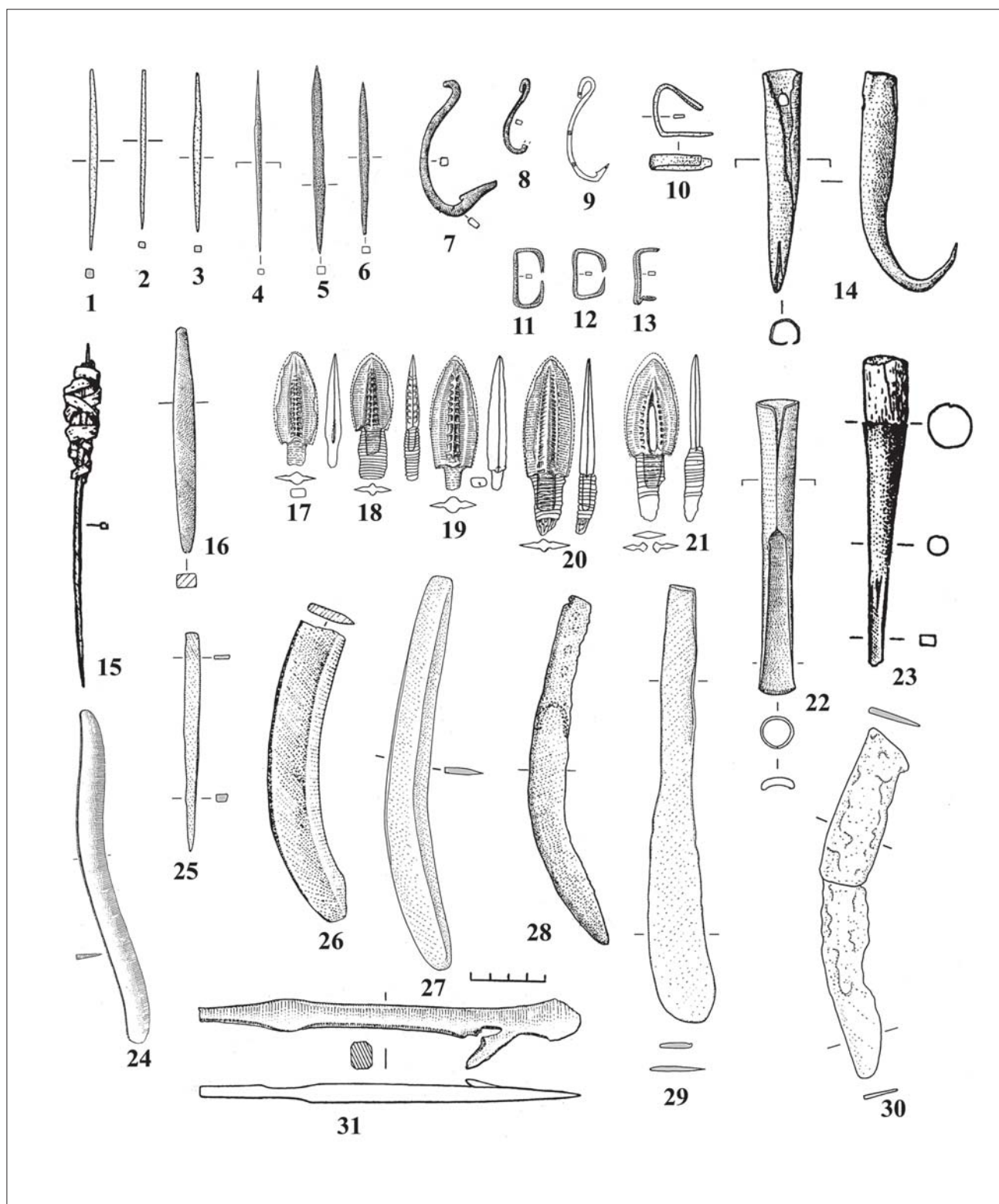

Рис. 18. Металлокомплекс памятников синташтинского типа

1-3, 10, 25, 27, 29, 30 – могильник Каменный Амбар-5;
 4, 14, 15, 22, 23 – Большекараганский могильник; 5-6, 11-13 – могильник Кривое Озеро;
 7-8, 16-21, 24, 28, 31 – Синташтинский могильник; 9 – могильник Танаберген II;
 26 – укрепленное поселение Синташта I.
 1-3, 10, 25, 27, 29, 30 по: (Епимахов, 2005); 4, 14, 22 по: (Зданович, Гутков, Гайдученко, 2002);
 7-8, 16-21, 24, 26, 28, 31 по: (Генинг, Зданович, 1992); 9 по: (Ткачев, 2007);
 15, 23 по: (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996)

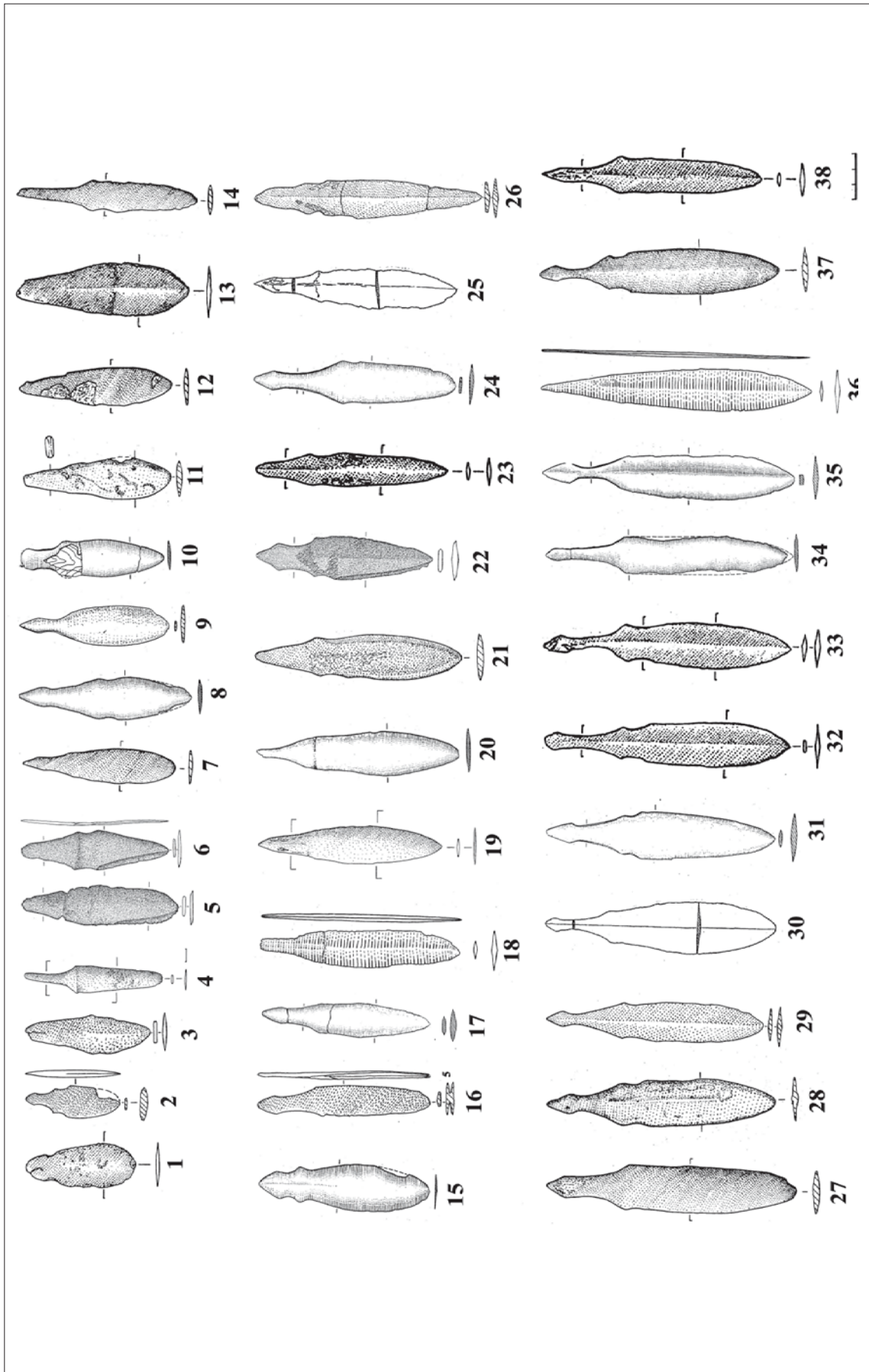

Рис. 19. Металлокомплекс памятников сингаштинского типа. Ножи-кинжалы

1, 4, 13, 19, 23, 32-33, 38 – Большешкараганский могильник; 2, 3, 7-12, 14-18, 20-21, 24, 26-29, 31, 34-37 – Сингаштинский могильник; 5-6, 22 – могильник Кривое Озеро; 25, 30 – могильник Танаберген II.

1, 13, 23, 32-33, 38 по: (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996); 4, 19 по: (Зданович, Гутков, Гайдученко, 2002); 25, 30 по: (Ткачев, 2007)

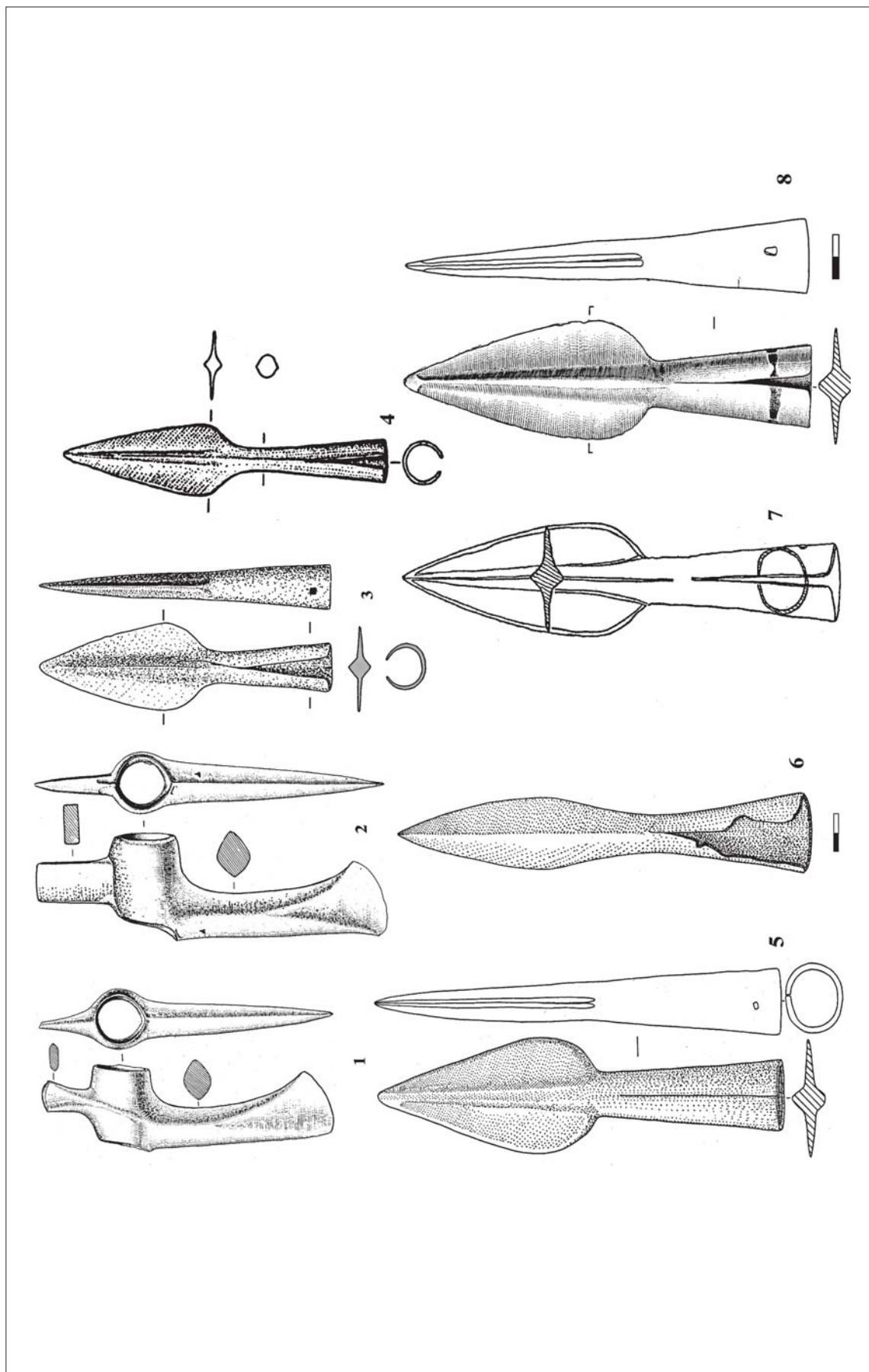

Рис. 20. Металлокомплекс памятников синташтинского типа. Предметы вооружения

1, 2, 5-6, 8 — Синташтинский могильник; 3 — могильник Каменный Амбар-5; 4 — Большекараганский могильник; 7 — могильник Танаберген II.
1, 2, 5-6, 8 по: (Ленинг, Зданович, Генинг, 1992); 3 по: (Елимахов, 2005); 4 по: (Богалов, Григорьев, Зданович, 1996); 7 по: (Ткачев, 2007)

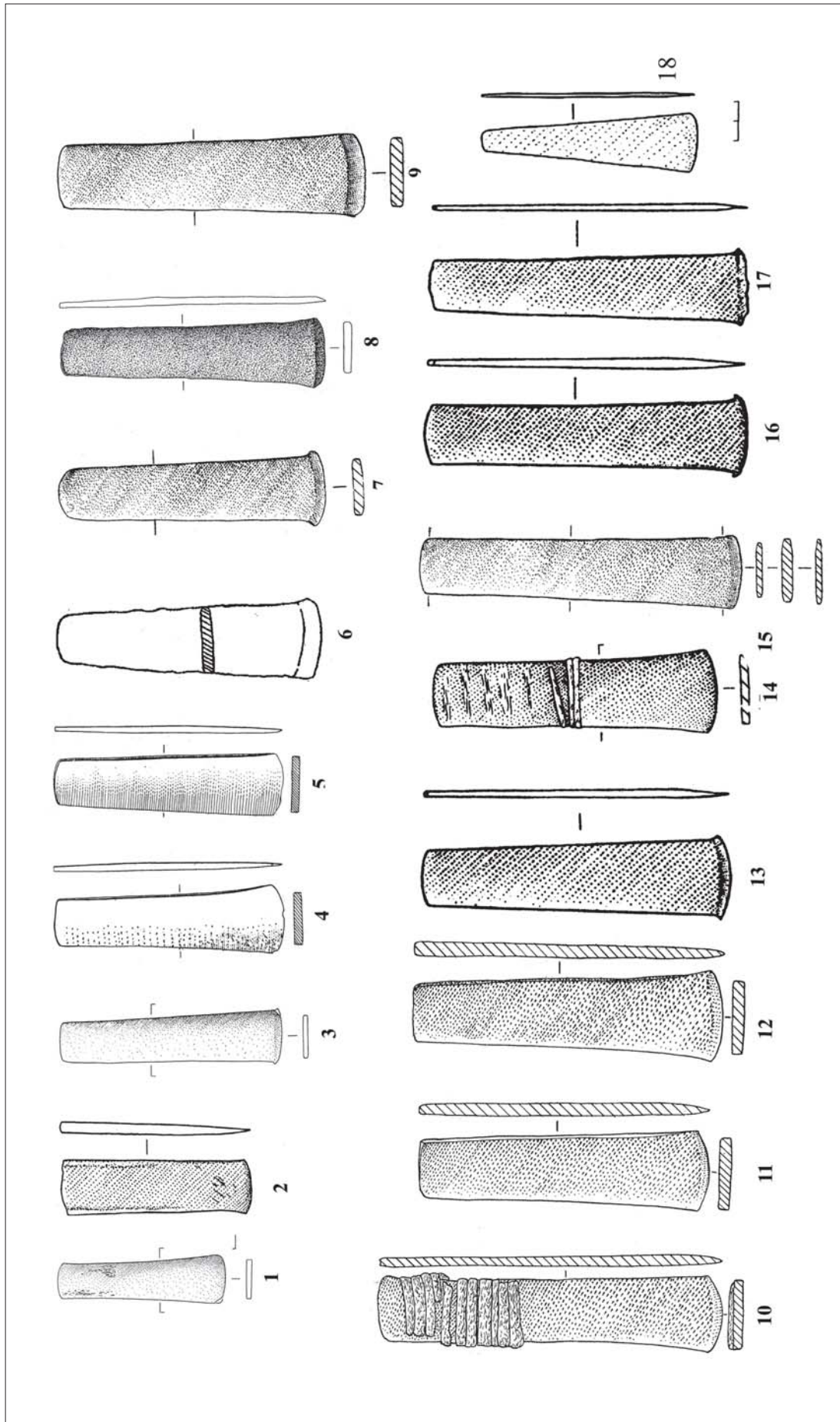

Рис. 21. Металлокомплекс памятников сингайтшинского типа. Тесла

1-3, 13, 16-17 – Большекараганский могильник; 4, 7, 9-12, 14, 15 – Сингайтшинский могильник; 6 – могильник Танаберген II;

8 – могильник Кривое Озеро; 18 – могильник Каменный Амбар-5.

1, 3 по: (Зданович, Гутков, Гайдученко, 2002); 2, 13, 16-17 по: (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996);

4, 7, 9-12, 14-15 по: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992); 6 по: (Ткачев, 2007); 18 по: (Ешимахов, 2005)

Желобчатые бронзовые подвески в полтора оборота, известные в синташтинских памятниках (рис. 22, 2–5), распространены достаточно широко — от Ирана до Поволжья и от Венгрии до Алтая (Аванесова, 1975. С. 70; Аванесова, 1991. С. 53–54; Кузьмина, 1992. С. 50). Н.А. Аванесова считает возможным говорить о конвергентном их возникновении в пределах очерченного ареала, хотя и оговаривает совпадение территории и периода их бытования (Аванесова, 1975. С. 70–72; Аванесова, 1991. С. 54). Для Южного Урала и Волго-Уралья подвески в полтора оборота обычны как в синташтинских (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 117. Рис. 46, 3; С. 169. Рис. 82, 2, 8–9; 23; С. 75. Рис. 1, 4), так и в абашевских памятниках (Кузьмина, 1992. С. 114. Табл. 39). По данным О.В. Кузьминой, на 2002 г. из 100 привлеченных ею для анализа абашевских подвесок в полтора оборота лишь 10 происходят из южноуральских абашевских могильников (Кузьмина, 1992. С. 179), в то время как остальные обнаружены при изучении средневожских памятников. Сама по себе эта статистика наводит на определенные мысли. Частота встречаемости украшений этого типа в памятниках южноуральской абашевской культуры много меньше, нежели в синташтинских. Причины этого несоответствия нуждаются в специальном исследовании, но поставить этот вопрос можно уже сейчас. Предложенная исследователем линия развития абашевских подвесок в полтора оборота из унетичских через фатьяновские (Кузьмина, 1992. С. 181), возможно, не была единственной и главной. В частности, в древностях Степного Прикубанья подвески в полтора оборота не являются редкостью. По данным А.Н. Гея (Гей, 2000. С. 159–161. Рис. 48, 10–14), эта форма украшений весьма характерна для новотиторовской культуры. При всех различиях выполнения важно подчеркнуть, что большинство украшений этого типа, как и средневожские абашевские, изготовлены из серебра. Нужно заметить, что речь идет не о полном типологическом соответствии новотиторовских височных колец и абашевских подвесок в полтора оборота, а о реализации самой идеи, которая прослеживалась и ранее в районе Кавказа и Закавказья. Бронзовые бусы, свернутые из рубленых отрезков тонкого бронзового прутка (рис. 22, 12, 13), достаточно широко распространены как в синташтинских, а позднее в петровских памятниках Южного Зауралья, так и в круге срубных и алакульских древностей в целом.

Следующий тип единично встречающихся металлических украшений из синташтинских памятников — очевидные подвески (рис. 22, 7). Крайне редко встречаются они в памятниках уральской абашевской культуры (Кузьмина, 1992. С. 52–53, 114. Табл. 39) и позднее в алакульских памятниках (Кривцова-Гракова, 1948. С. 111. Рис. 37, 5). Исключение составляет лишь средневожская абашевская культура (Кузьмина, 1992. С. 112. Табл. 36).

Из раскопок памятников синташтинского типа происходит небольшая серия сложных по устройству женских накосных украшений (рис. 22, 14).

В целом синташтинский металлокомплекс, в отличие от абашевского, характеризует: большее разнообразие типов ножей, наконечники копий с разомкнутой втулкой, принадлежащие к иным, нежели абашевские, типам; металлические двулопастные черешковые наконечники стрел, топоры с бойком на обухе.

Костяные и роговые предметы из раскопок памятников синташтинского типа в Южном Зауралье достаточно многочисленны. В коллекции из раскопок укрепленного поселения Синташта I они представлены тупиками, шильями, разнообразными ложилами-полировальниками (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 107–110. Рис. 38–40).

Одной из ярких категорий материального мира памятников синташтинского типа являются роговые псалии. Необходимо указать на значительное количество работ, посвященных обсуждению псалиев бронзового века и попыткам создать их классификации и эволюционный ряд (Huttel, 1981; Кузьмина, 1980; Зданович, 1985; Зданович, 1986; Кузьмина, 1994; Нелин, 1999 и др.). Щитки псалиев из синташтинских погребений могут быть округлыми, подпрямоугольными, подквадратными, овальными или в форме сегмента (рис. 23–30). Большинство из них характеризует выделенная в различной степени планка. Щитки синташтинских псалиев имеют округлое центральное отверстие, усиленное ва-

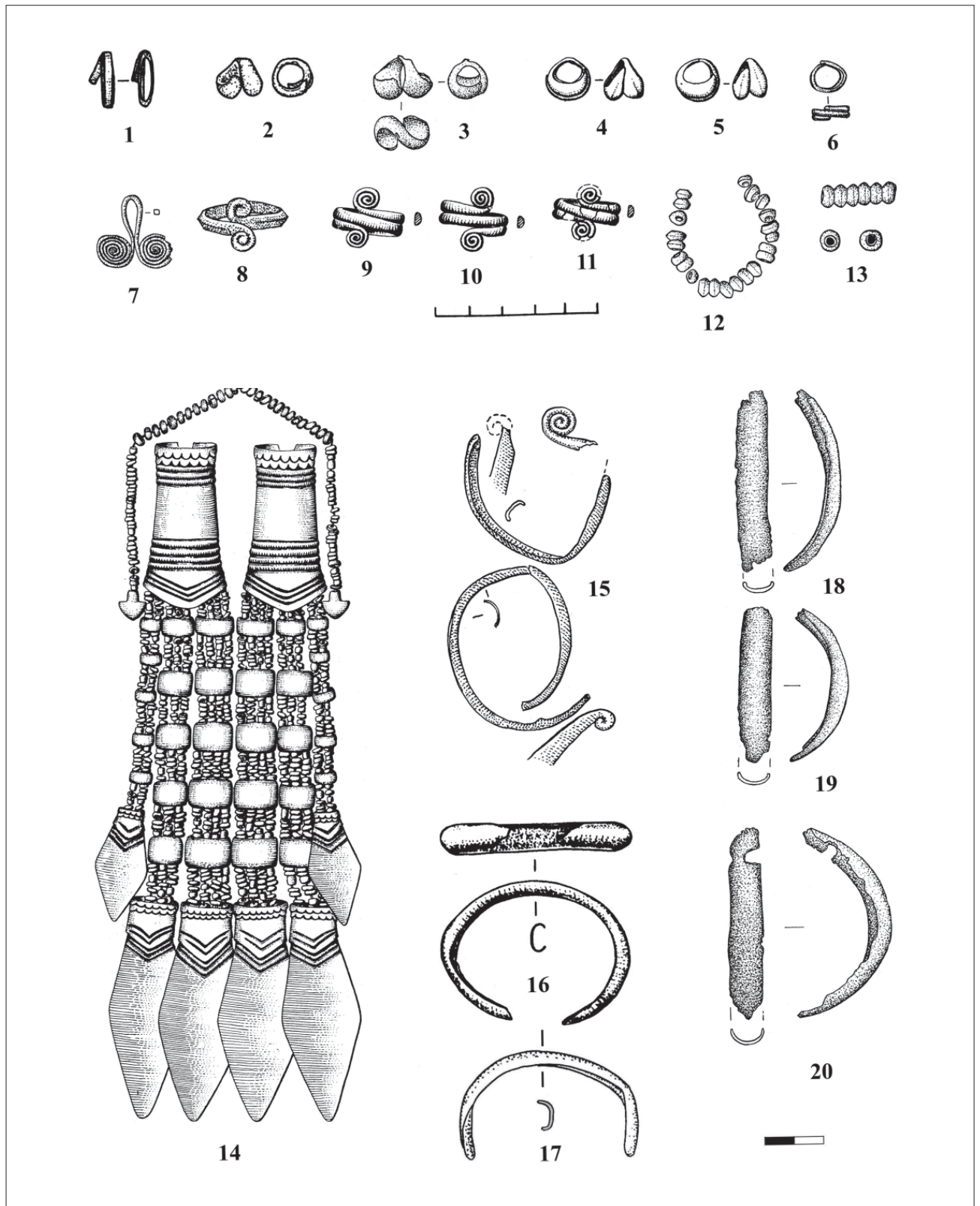

Рис. 22. Металлокомплекс памятников синташтинского типа. Украшения

1 – Большекараганский могильник; 2, 17 – могильник Каменный Амбар-5;
3, 7, 12–13, 18–20 – могильник Кривое Озеро; 4–6, 8–11, 14, 15 – Синташтинский могильник;
16 – укрепленное поселение Синташта I.

1 по: (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996); 2, 17 по: (Епимахов, 2005);
4–6, 8–11, 14–16 по: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992)

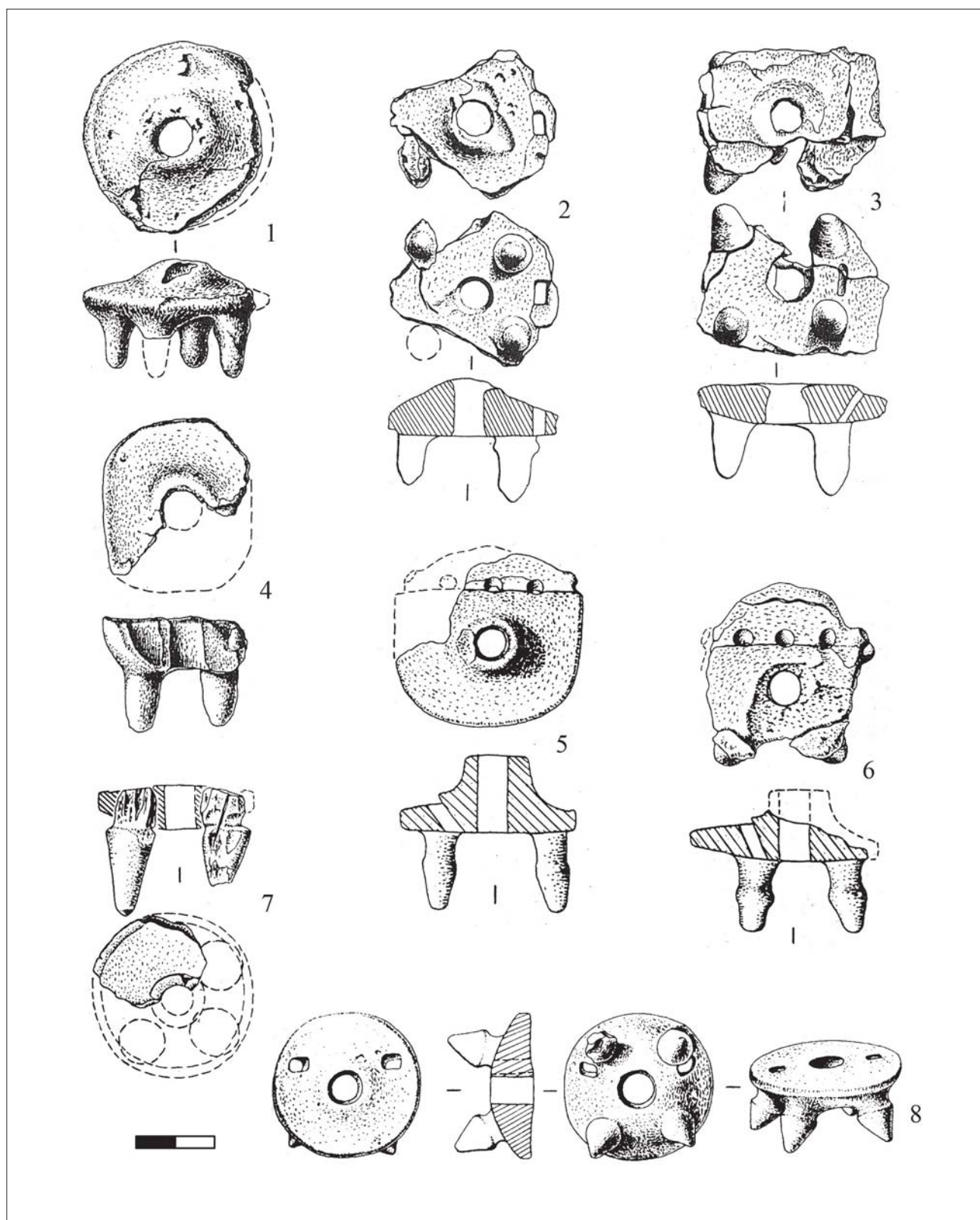

Рис. 23. Принадлежности конской упряжи из памятников синташтинского типа. Псалии

1-4 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 5;
 5-6 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 12;
 7-8 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 39.

По: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992)

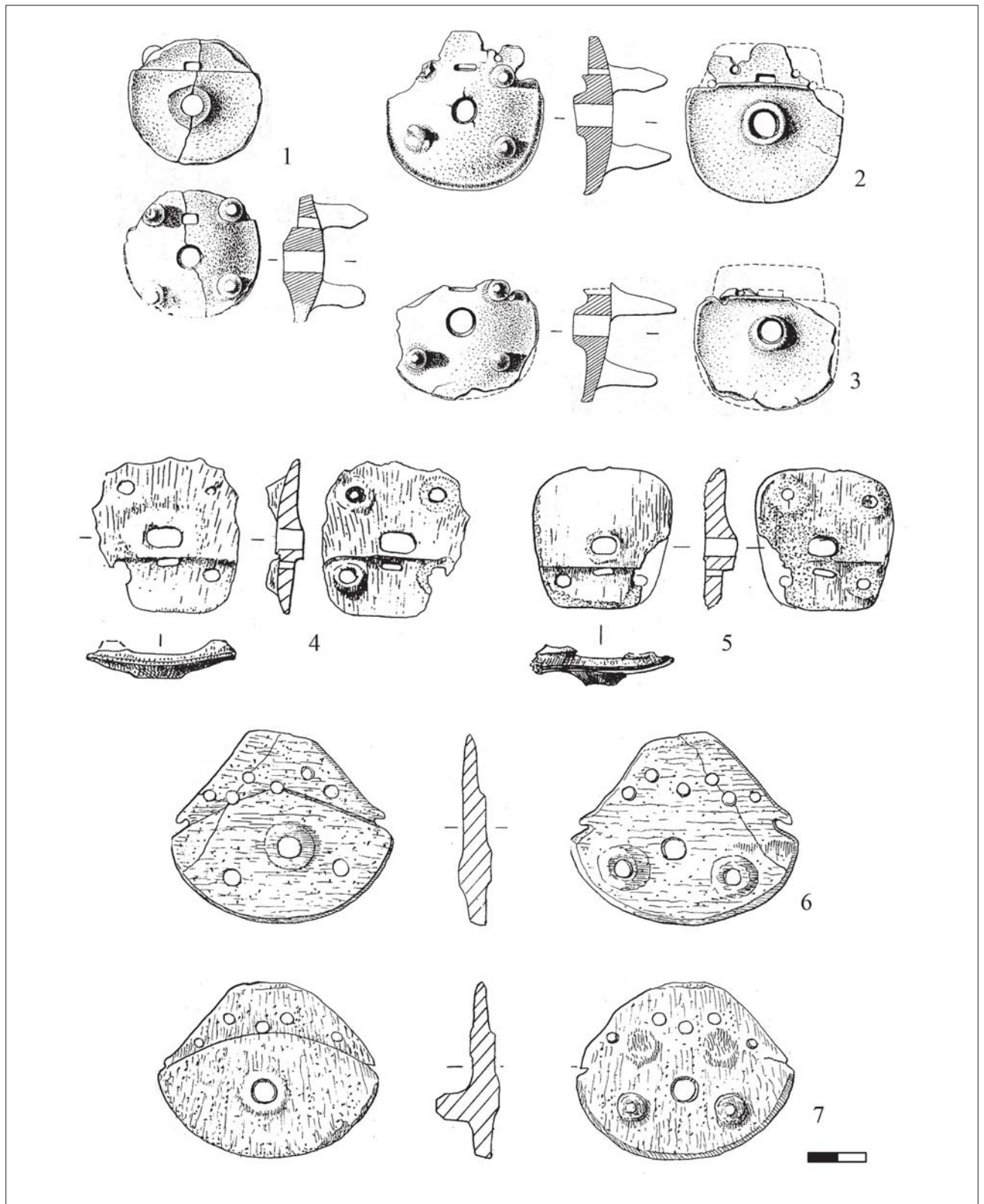

Рис. 24. Принадлежности конской упряжи из памятников синташтинского типа. Псалии

1-3 – Синташтинский могильник («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 11;
4-5 – Синташтинский могильник («СІ-комплекс грунтовых и курганных захоронений»). Яма 14;
6-7 – Синташтинский могильник Синташтинский могильник
 («СМ – большой грунтовый могильник»). Яма 30.

По: (Генинг, Зданович, Генинг, 1992)

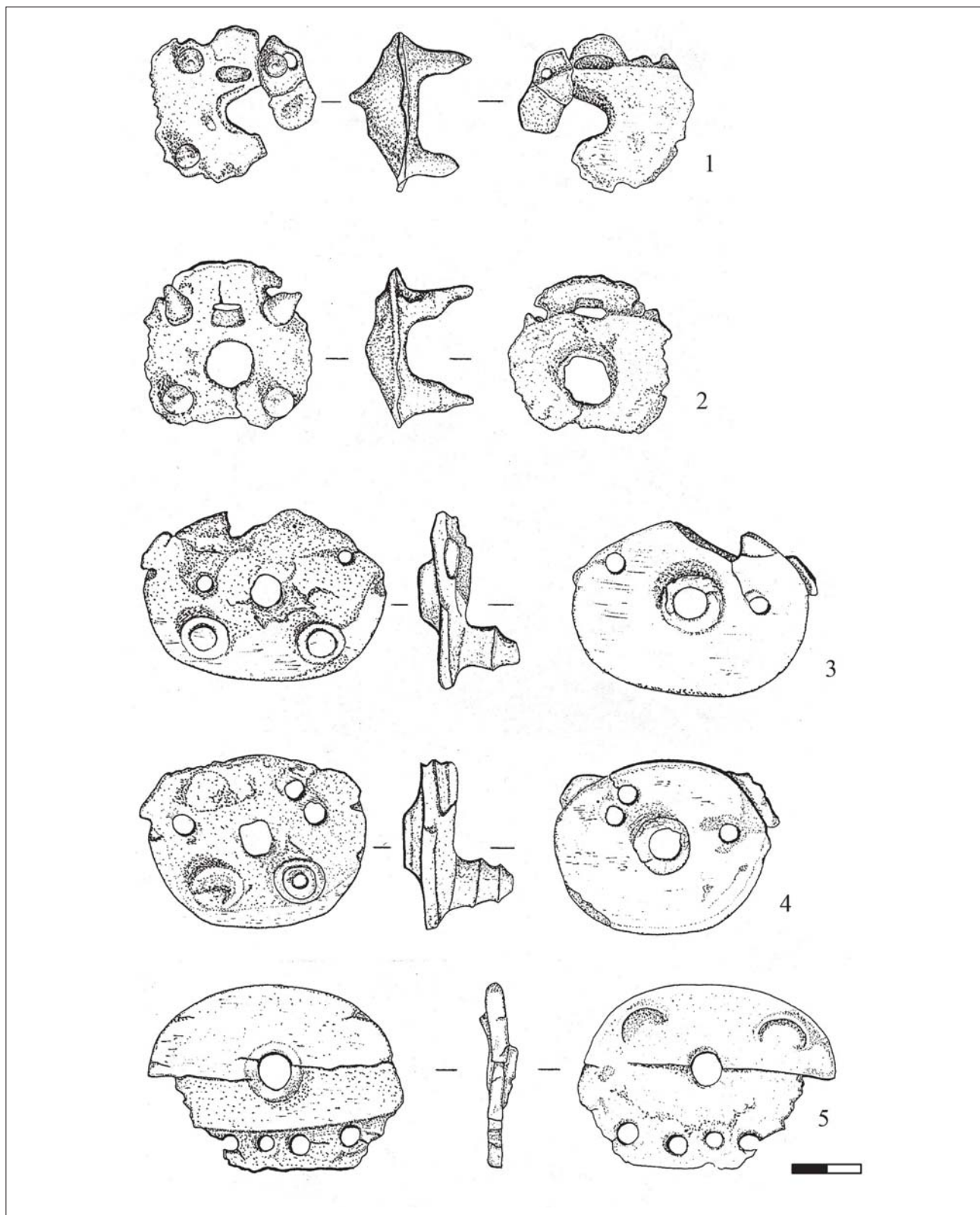

Рис. 25. Принадлежности конской упряжи из памятников синташтинского типа

1-4 – могильник Кривое Озеро. Курган 9. Яма 1;
5 – могильник Кривое Озеро. Курган 9. Яма 2

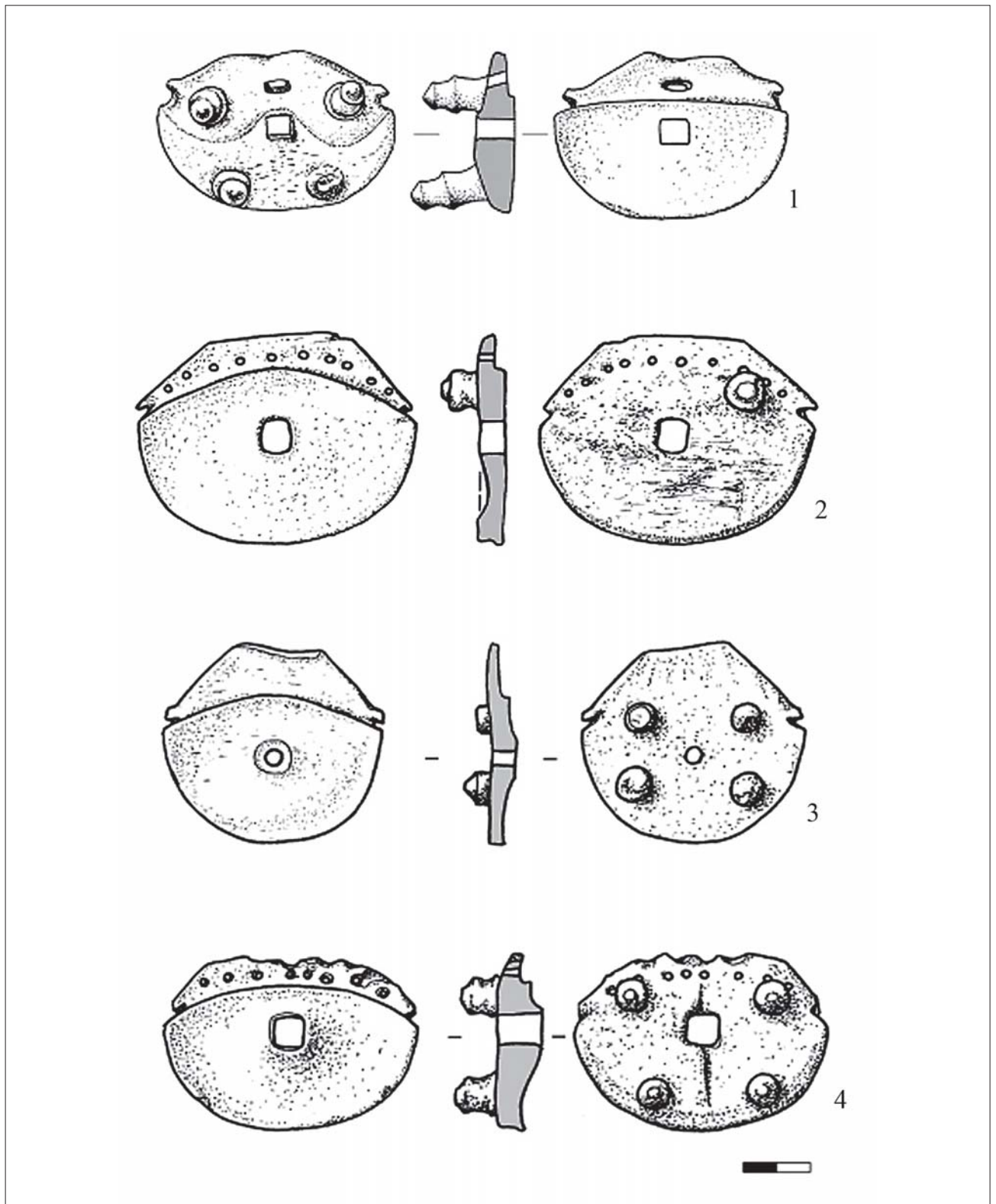

Рис. 26. Принадлежности конской упряжи из памятников синташтинского типа. Псалии

- 1 – могильник Каменный Амбар-5. Курган 2. Яма 6;
2 – могильник Каменный Амбар-5. Курган 4. Из насыпи;
3–4 – могильник Каменный Амбар-5. Курган 4. Яма 8.
1–4 по: (Епимахов, 2005)

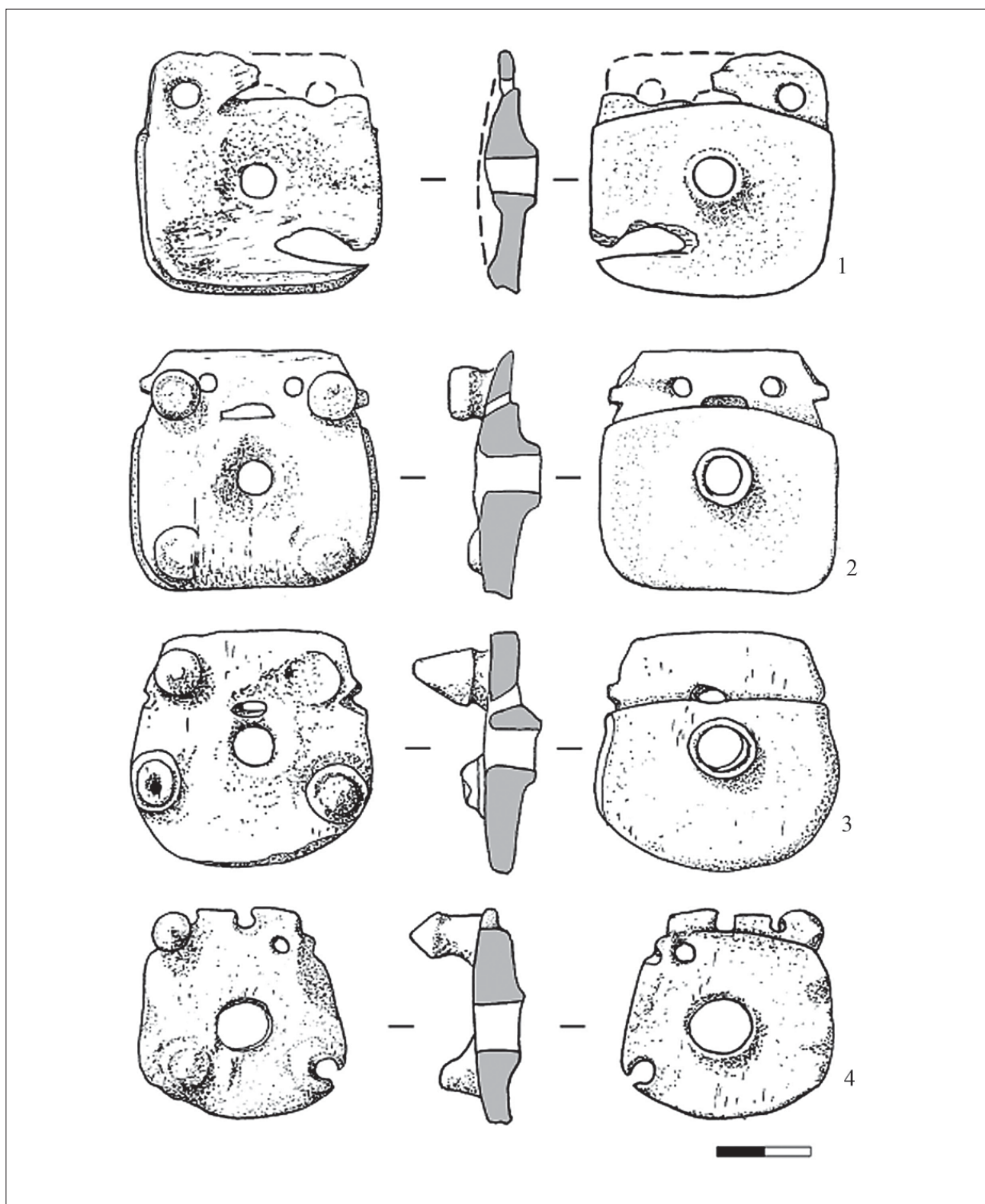

Рис. 27. Принадлежности конской упряжи из памятников синташтинского типа. Псалии 1-4 – могильник Каменный Амбар-5. Курган 2. Яма 5. По: (Епимахов, 2005)

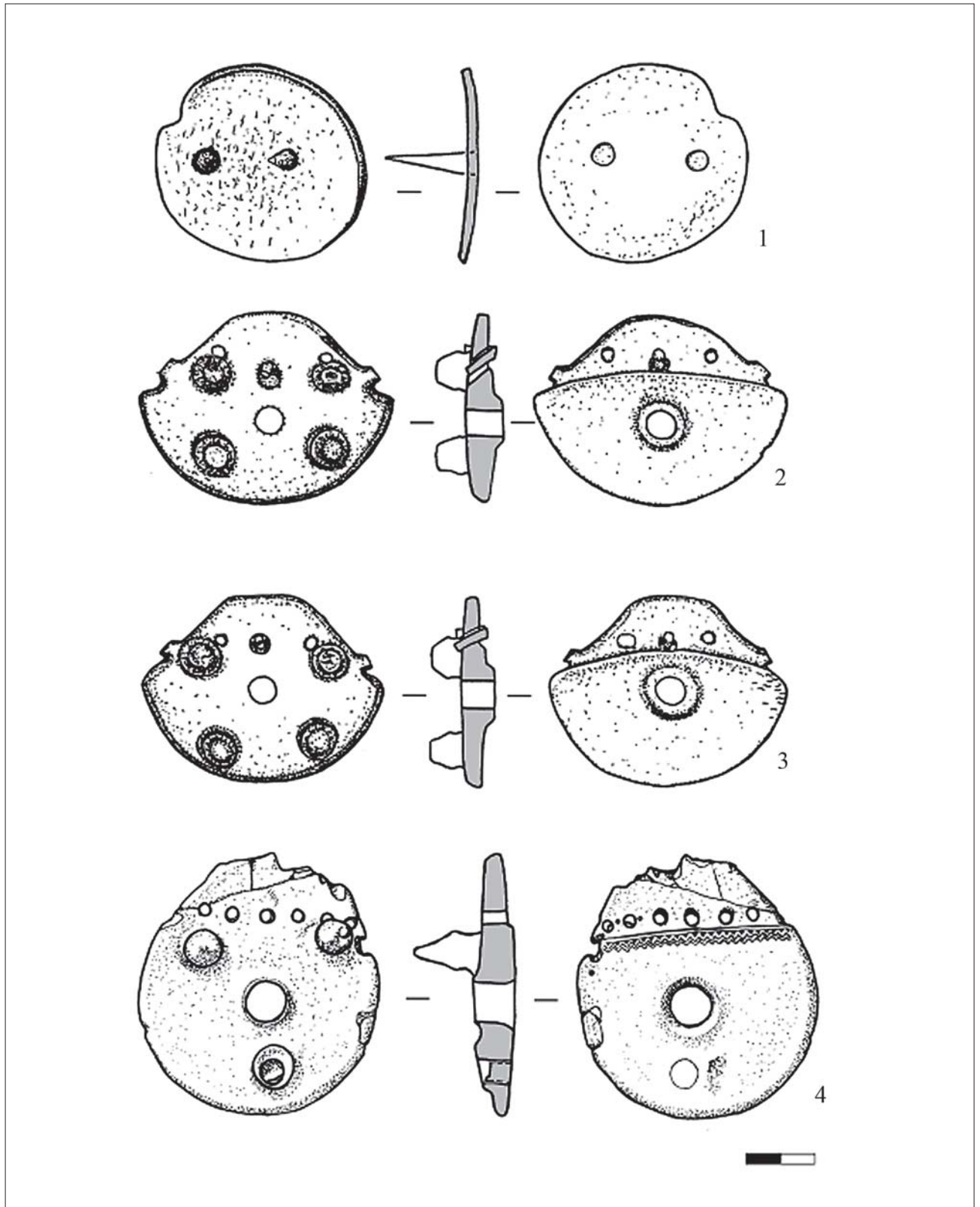

Рис. 28. Принадлежности конской упряжи из памятников синташтинского типа. Псалии
1-4 – могильник Каменный Амбар-5. Курган 2. Яма 8.
По: (Епимахов, 2005)

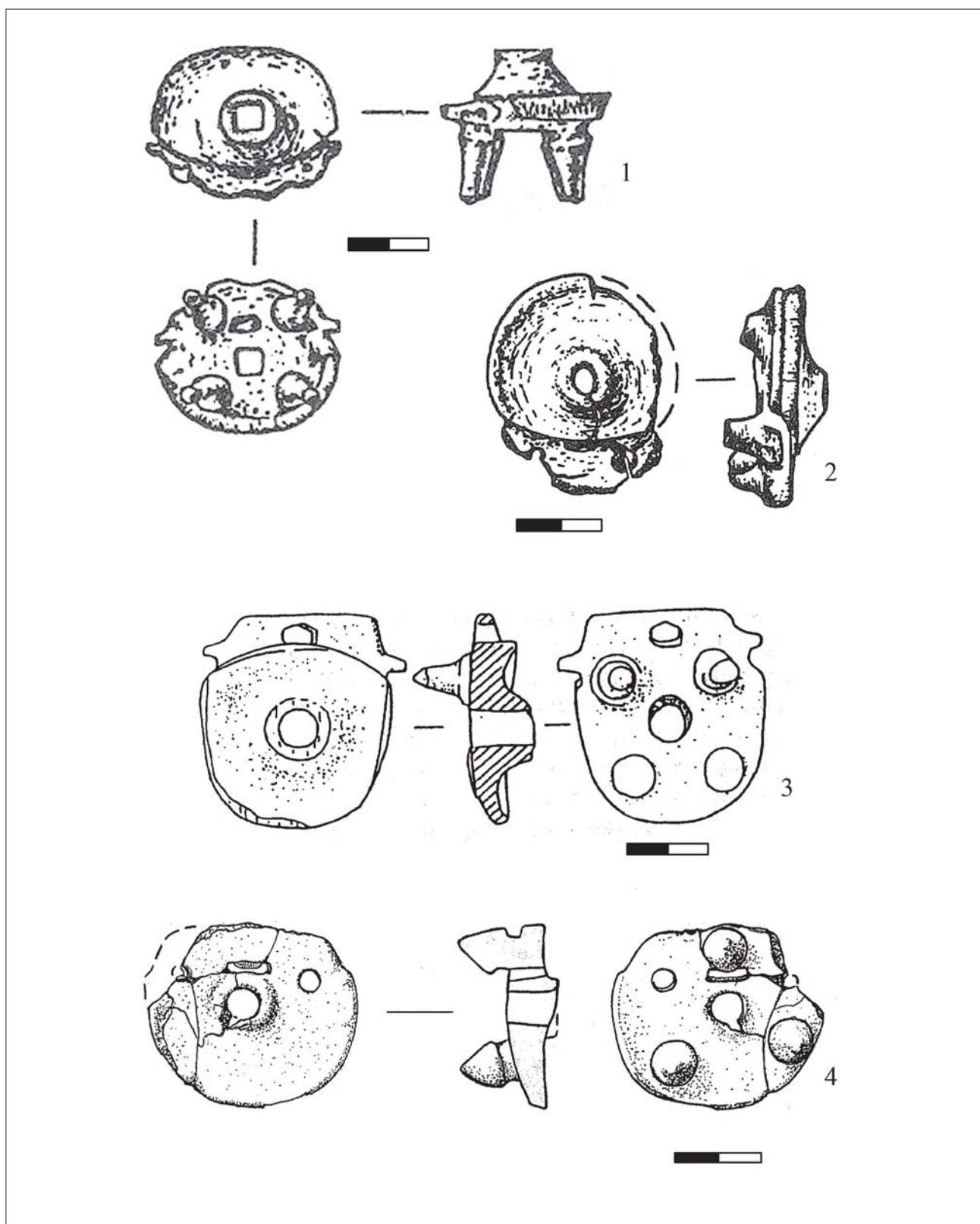

Рис. 29. Принадлежности конской упряжи из памятников синташтинского типа. Псалии

1 – Большекараганский могильник. Курган 24. Яма 1; 2 – Большекараганский могильник.

Курган 24. Яма 2; 3 – могильник Солнце II. Курган 4. Яма 1;

4 – могильник Солончанка I А. Курган 2.

1–2 по: (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996); 3 по: (Епимахов, 1996);

4 по: (Епимахов, 2004)

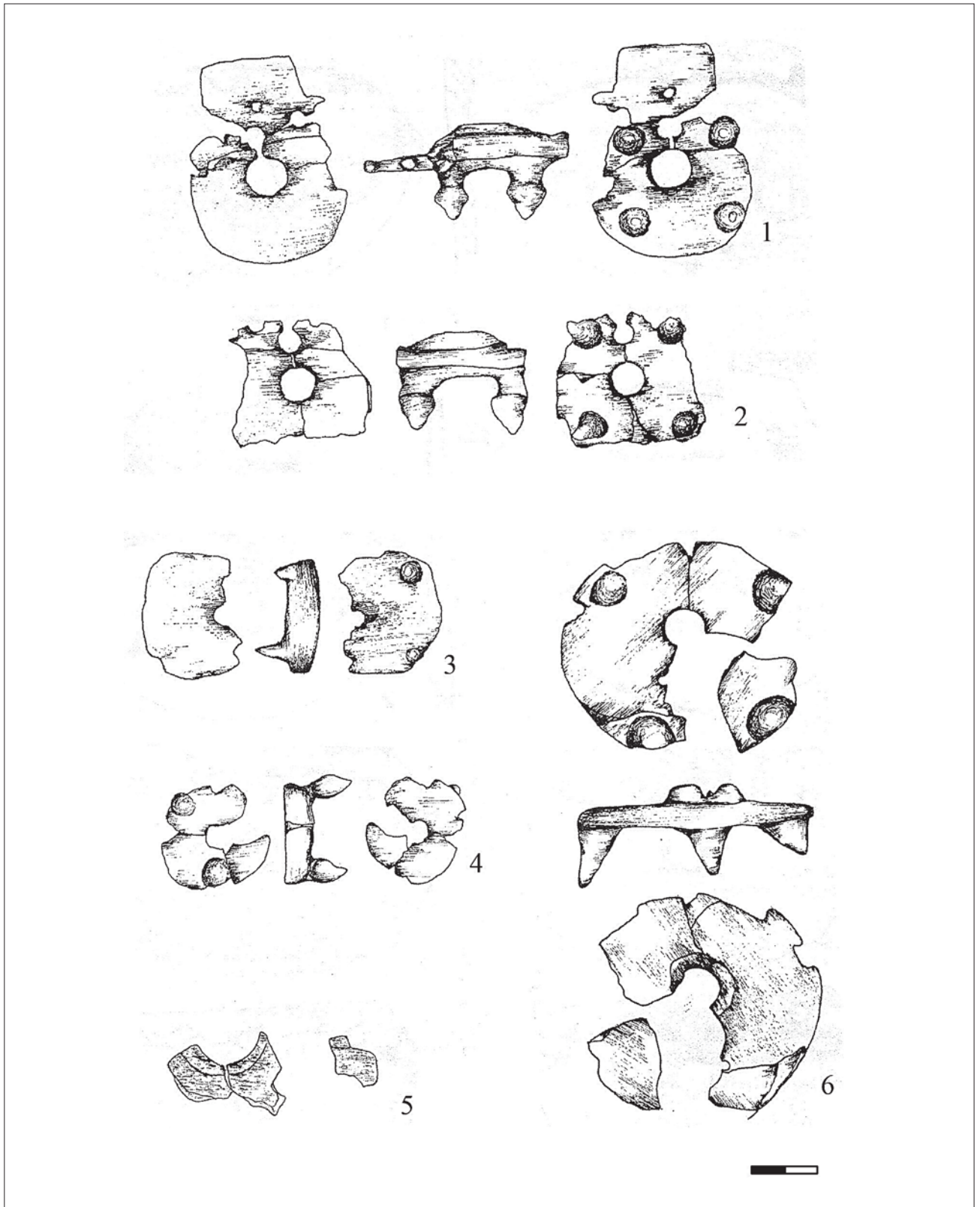

Рис. 30. Принадлежности конской упряжи из памятников синташтинского типа. Псалии
1-3 – могильник Танаберген II. Курган 7. Яма 22; 4 – могильник Танаберген II. Курган 7. Яма 23;
5-6 – могильник Танаберген II. Курган 7. Яма 33.
По: (Ткачев, 2007)

ликом и три-четыре отверстия на планке, в абсолютном большинстве монолитные фигурные шипы.

Необходимо отметить, что псалии в Южном Зауралье обнаружены не только в могильниках, но и при раскопках поселений. Так, при выборке заполнения синташтинского рва укрепленного поселения Устье I обнаружен обгоревший шип псалия. Находки псалиев известны и из раскопок укрепленного поселения Синташта I (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 109–110. Рис. 41, 1).

Шипы одной из пар псалиев из ямы 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро приострены настолько, что приходится сомневаться в использовании их по прямому назначению (рис. 25, 1, 2). Из могильника Каменный Амбар-5 происходит имитация рогового псалия, также снабженная нарочито приостренными, игловидными шипами (рис. 28, 1). Подобное приострение шипов могло быть обусловлено мифологическим контекстом погребальной церемонии, подробностями «путешествия» души на символической колесничной повозке.

Важное место в коллекциях из раскопок памятников синташтинского типа занимают предметы из камня. В коллекции из раскопок укрепленного поселения Синташта I их около 200 (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 100). Авторы раскопок указывают, что в абсолютном большинстве это орудия горного дела и металлообработки: рудотерки, песты, молоты и молотки, наковальни, абразивы. Сходную картину распределения типов каменных орудий наблюдали В.В. Зайков и С.Я. Зданович при исследовании коллекции каменных орудий из раскопок укрепленного поселения Аркаим. Указанные авторы отмечают решительное преобладание и здесь «орудий горно-металлургического и металлообрабатывающего производств»: кирки, молоты, молотки, песты и куранты, подставки-наковальни, гладилки-выпрямители и др. (Зайков, Зданович, 2000. С. 78).

Среди каменных предметов из синташтинских памятников имеются и уникальные. Так, например, миниатюрной каменной ступочке из ямы 13 кургана 10 могильника Кривое Озеро удалось найти лишь одну возможную аналогию – среди материалов поселения Тюбьяк. Авторы опубликованных материалов определяют сходное по размерам и форме каменное изделие как льячку (Обыденнов, Горбунов, Муравкина, 2001. С. 37, 51. Рис. 23, 10).

Материальный мир памятников синташтинского типа, таким образом, представляется достаточно сложным как по происхождению, истории формирования, так и по составу и отражает, помимо скотоводства, явную хозяйственную специализацию синташтинского населения на рудодобыче и металлопроизводстве.

2.3. Хронология памятников синташтинского типа

Хронологическая позиция синташтинских и петровских памятников Южного Зауралья, судя по специально посвященной этой проблеме статье (Епимахов, 1997. С. 14–20), по-прежнему является предметом дискуссии.

Представление о синташтинском круге памятников, как относящихся к концу среднего бронзового века, появилось в работах конца XX в. (Матвеев, 1998. С. 359). Как культуру заключительного этапа среднего бронзового века рассматривает синташтинские памятники В.В. Евдокимов (Евдокимов, 2000), А.В. Епимахов (Епимахов, 2005), С.А. Григорьев (Григорьев, 1999) и др. История алакульской культурно-исторической общности, включая ее ранний (петровский) этап, по общему мнению, открывает период поздней бронзы в Южном Зауралье и Северном Казахстане.

Первая попытка датирования древностей Синташтинского могильника была предпринята В.Ф. Генингом еще в середине 1970-х гг. (Генинг, 1975. С. 94). Обширная серия псалиев из Синташтинского могильника была датирована им по микенским аналогиям, в соответствии с представлениями тех лет об их датировке, первой половиной XVI в. до н.э.

К.Ф. Смирнов и Е.Е. Кузьмина, выделив новокумакский хронологический горизонт, для датировки его памятников также вынуждены были обратиться — как к единственным реперам относительной хронологии — псалиям степной Евразии и их микенским аналогам. Относя в целом памятники новокумакского хронологического горизонта ко второй четверти II тыс. до н.э., они оговаривают их существование в пределах XVI в. до н.э. (Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 50).

Позднее наиболее подробно проблема хронологии памятников новокумакского хронологического горизонта (включая и синташтинские) была проработана Е.Е. Кузьминой. Привлекая для датирования различные типологические ряды, она тем не менее также основывает датирование памятников новокумакского хронологического горизонта на сравнении полученных из их раскопок псалиев с микенскими из IV шахтной гробницы.

Обсуждая памятники петровского типа (сюда были включены как синташтинские, так и собственно петровские памятники), руководствуясь архаичностью типов псалиев и металлических предметов, Е.Е. Кузьмина датировала их XVII—XVI вв. до н.э. и отнесла к новокумакскому хронологическому горизонту. Исследователь уверенно говорит о генетической связи петровского и собственно алакульского населения, опираясь на совпадение ряда основополагающих признаков. Датировка собственно алакульских памятников (по Е.Е. Кузьминой) укладывается в хронологический диапазон XV—XIV вв. до н.э. (Кузьмина, 1994. С. 39—42). Позднее, после обнаружения новой серии дат по C14, Е.Е. Кузьмина присоединилась к сторонникам удревнения всей свиты культур первой половины II тыс. до н.э., включая алакульскую, поместив новокумакские и потаповские памятники ближе к рубежу III—II тыс. до н.э. (Кузьмина, 1999. С. 270).

По мнению В.С. Горбунова, памятники синташтинского типа должны датироваться, в соответствии с предложенной им концепцией абашевской «трансевразийской этнокультурной реверсии», в рамках XVI—XV вв. до н.э. (Горбунов, 1990. С. 12—16).

Мы убеждены в том, что в случае с датированием памятников синташтинского типа через возможности относительной хронологии, при необходимости датировки и стратификации материалов в пределах одного-двух столетий, многоступенчатые, растянутые в пространстве и не всегда корректные типологические ряды обречены на некую временную погрешность.

Мы полагаем, что достаточных оснований для полной синхронизации синташтинских памятников с петровскими и раннесрубными нет, поскольку стратиграфические факты, полученные как на поселенческих, так и на погребальных памятниках Южного Зауралья, свидетельствуют о более позднем периоде бытования последних. Тем не менее их частичная синхронизация совершенно очевидна, если анализировать систему основополагающих черт преемственности.

Г.Б. и Д.Г. Здановичи, апеллируя к «современному состоянию источников», датируют, в рамках относительной хронологии, памятники выделенной ими так называемой «Страны городов» временем от рубежа III—II тыс. до н.э. до конца первой четверти II тыс. до н.э. (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 2005. С. 110).

О хронологической позиции памятников синташтинского типа свидетельствует и то, что в степном Приуралье, по данным В.В. Ткачева, синташтинские погребения всегда вписаны в насыпи более ранних курганов (Ткачев, 2007. С. 308).

Абсолютная хронология памятников синташтинского типа базируется на результатах датирования по C14. Результаты радиоуглеродного датирования памятников синташтинского типа возможно подразделить на два блока. Первый достаточно полно проанализирован Е.Е. Кузьминой (Кузьмина, 1994. С. 372—377). Девять образцов из Синташтинского могильника (дерево) и два из Синташтинского поселения (уголь) были проанализированы в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии и физики минералов АН УССР (г. Киев). Полученные даты относительно равномерно распределились по столетиям с XXIII по XIII вв. до н.э. (Телегин, Соболевич, Ковалюх, 1981. С. 81, 83), породив закономерный скепсис у исследователей.

Второй блок составлен из радиоуглеродных датировок последних лет и является результатом сотрудничества археологов Урала и Поволжья с ведущими лабораториями радиоуглеродного датирования как Западной Европы, так и США.

Благодаря усилиям Д. Энтони, в лаборатории радиоуглеродного датирования Аризонского университета были проанализированы четыре образца (кость) – части черепов двух коней из погребения 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро. Из четырех образцов три дали возраст, совпадающий статистически с точностью до 95%. Даты калиброваны. Судя по ним, погребение было совершено около 2000 г. до н.э. (Anthony, Vinogradov, 1995. P. 38).

Близка упомянутым выше и дата донных отложений из внешнего рва поселения Аркаим – 4100 ± 50 (ГИН 6233) (Лаврушин, Спиридонова, 1999. С. 86). Однако следует отметить, что приведенная выше дата не калибрована и ее калиброванное значение будет существенно древнее. Причину подобного разночтения, как считает А.В. Епимахов, можно видеть в специфическом материале датирования.

В.А. Трифонов, также по результатам радиоуглеродного датирования древностей среднего бронзового века Кавказа, синхронизирует с его последним периодом (2100–1800 лет до н.э.) потаповские и, соответственно, синташтинские памятники (Трифонов, 1996. С. 48–49).

На синхронизации синташтинских и потаповских комплексов настаивает и А.В. Епимахов (Епимахов, 2005. С. 164).

Новая серия дат, полученная для потаповских комплексов Поволжья, в целом синхронных синташтинским, укладывается в хронологический диапазон XIX–XVII вв. до н.э. (Кузнецов, 1996. С. 58). На этом фоне явно удрежденной выглядит датировка части погребальных комплексов Чистослебяжского могильника в Зауралье (Матвеев, Орощенко, Зах и др., 1991. С. 29–30) и отнесение истории собственно алакульских культур Южного Урала и Зауралья к первой половине II тыс. до н.э. (Матвеев, Рябогина, Семочкина и др., 1999. С. 318). Датирование алакульских комплексов в Западной Сибири началом II тыс. до н.э. противоречит имеющимся сериям датировок синташтинских и петровских памятников (Матвеев, 1995. С. 111).

Определенным шагом вперед явилась попытка серийного получения дат по C14 для памятников синташтинского типа, предпринятая А.В. Епимаховым, Б. Хэнксом и К. Ренфрю. В результате, в общей сложности на конец 2005 г. по памятникам синташтинского типа, по их данным, в целом имелось до 40 дат по C14 (Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005. С. 95. Табл. 2; Епимахов, 2005. С. 162; Епимахов, 2007). Их анализ позволил указанным авторам разместить синташтинские и петровские комплексы Южного Зауралья в интервалах 1940–1880-го и 1880–1750 гг. до н.э., причем подтвержден хронологический приоритет синташтинских памятников относительно петровских без разрыва во времени (Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005. С. 99; Епимахов, 2005. С. 164; Епимахов, 2005. С. 172; Епимахов, 2007).

Специалисты весьма осторожны, когда речь идет о хронологическом соответствии памятников синташтинского типа и культур рубежа среднего и позднего бронзового века Восточной Европы. А.В. Епимахов полагает, что синташтинские памятники одновременны абашевскими древностями и культуре многоваликовой керамики как частные проявления процесса распада круга культур среднего бронзового века, т.е. ямно-катакомбного «мира» (Епимахов, 2002. С. 77). А.В. Епимахов, Б. Хэнкс и К. Ренфрю полагают, что, несмотря на отсутствие серийных сопоставлений, можно синхронизировать синташтинские памятники с древностями абашевской культуры Южного Урала, памятниками сейминско-турбинского феномена и даже с петровскими и раннесрубными памятниками (Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005. С. 100).

Серия дат по C14 из синташтинских погребений в могильнике у горы Березовой в Оренбуржье (три даты), также указывают на существование памятников синташтинского типа в последней четверти III или на рубеже III–II тыс. до н.э. (Моргунова, Гольева, Краева, 2003. С. 272. Табл. 1).

Очень важной представляется дата, полученная для погребения 2 с абашевским (?) сосудом под курганом 1 могильника Першин. Она легла в диапазон XX–XVIII вв. до н.э. (Черных, Исто, 2002. С. 55). Ее калиброванное значение при 68 % вероятности – 1950–1750 гг. до н.э. (Каргалы. Т. IV., 2005. С. 37).

Относительное единодушие результатов датирования материалов из синташтинских, потаповских памятников, полученных независимо в различных лабораториях радиоуглеродного датирования, обнадеживает. Датировка синташтинских памятников в пределах XXI–XVIII вв. до н.э. и достаточная непродолжительность их бытования становится очевидной.

Можно сколь угодно долго сомневаться в возможностях метода C14 и обсуждать его проблемы, но весомой альтернативы ему нет и в ближайшие годы ее появление не предвидится. Мы солидарны с коллегами, считающими, что единственным путем, способным приблизить нас к объективному решению хронологической проблемы памятников синташтинского типа, является системное применение методов естественных наук, в частности, большие серии дат по C14 и их взаимная корреляция (Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005. С. 92).

2.4. Проблема происхождения синташтинского населения

Происхождение памятников синташтинского типа, как и других синхронных им в Поволжье и Волго-Донье, автором в целом связывается с эпохой распада катакомбного «мира». Эта точка зрения достаточно распространена среди специалистов (Литвиненко, 2003. С. 148). В последние годы в литературе появились не только свидетельства наличия катакомбных памятников в Заволжье, но и проникновении катакомбного населения в среду позднейшего ямного населения степей Оренбуржья (Гей, 1999. С. 41; Халяпин, 1999. С. 108; Ткачев, 2000. С. 45; Ткачев, 2002. С. 49; Ткачев, 2007. С. 228–257). Причем показательно и то, что не все авторы согласны с трактовкой этих погребений как собственно катакомбных (Матвеев, 2005. С. 12). Скорее всего, и обсуждаемые погребения отражают опять-таки процесс распада «катакомбного мира».

Хотелось бы подчеркнуть тщетность попыток поисков комплексных материальных ямных и катакомбных соответствий в культуре памятников синташтинского типа Южного Урала. Предлагая в качестве подосновы для памятников синташтинского типа в Южном Зауралье ямные древности Оренбуржья (Виноградов, 1995. С. 25), не подразумевались прямые типологические соответствия, в чем нас упрекают (Ткачев, 2000. С. 50). Более продуктивны поиски соответствий в идеологической сфере или в области консервативных технологий, технологических идей, передающихся от поколения к поколению, к которым относится, например, гончарство. Нельзя, например, сбрасывать со счетов результаты исследования ямного гончарства, произведенного Н.П. Салугиной. Исследователь указывает, что на позднем этапе истории ямных племен в Оренбуржье одним из способов изготовления начина и полого тела было использование форм-основ и лоскутного налета при донно-емкостном начине (Салугина, 1993. С. 188). Мы намеренно приводим данные о ямном гончарстве, несмотря на фиксируемый пока, согласно C14, их значительный хронологический разрыв с памятниками синташтинского типа, поскольку не располагаем сведениями о прекращении истории ямного населения в Оренбуржье к рубежу III–II тыс. до н.э. или о смене его к этому времени каким-то иным населением. Данные по гончарству катакомбного населения свидетельствуют о бытовании у них способа гончарства, предполагавшего использование текстиля при формовке сосудов (Орфинская, Голиков, Шишлина, 1999. С. 63, 130. Рис. 35А). Следы подобной технологии пока совершенно отсутствуют в абашевском гончарстве. Как нам кажется, это обстоятельство снимает с обсуждения или делает проблематичным тезис об абашевских корнях синташтинского гончарства (Ткачев В.В., Хаванский, 2006). Сходство орнаментальных композиций керамики двух этих

культурных групп Южного Урала конца среднего бронзового века может иметь и иное объяснение.

Е.Н. Черных убежден в неразрывной связи металлопроизводства «абашевской и синташтинской культур» с традициями и стандартами Циркумпонтийской металлургической провинции (Черных, 2008. С. 46–47). А.Д. Дегтярева подчеркивает сходство синташтинского и катакомбного металла по химико-металлургическим показателям (Дегтярева, 2009. С. 37). Происхождение целого ряда технологических приемов изготовления металлических предметов абашевскими, срубными и андроновскими кузнецами С.Н. Корневский связывает именно с катакомбным миром (Корневский, 1983. С. 105). В.С. Горбунов и Д.В. Нелин считают появление втульчатых крюкообразных орудий в памятниках абашевской уральской культуры и памятниках синташтинского типа Южного Урала следствием заимствования из «катакомбного мира» (Горбунов, 1992. С. 121–123; Нелин, 2004. С. 159).

В последнее время ряд авторов, в частности В.В. Ткачев, выдвигают предположение об *опосредованном* (курсив мой. — Н.В.), через абашевскую культуру Южного Урала, влиянии позднекатакомбных культур и аборигенных энеолитических культур Южного Урала на формирование населения, оставившего памятники синташтинского типа (Ткачев, 2007. С. 275–276, 279). Чтобы согласиться с этой моделью необходимо доказать, что хронологически синташтинские памятники следуют за абашевскими, а позднейшее ямно-катакомбное население степей Оренбуржья и энеолитические культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана никак не стыкуются хронологически с синташтинскими общинами. Пока что доказательно ни первое, ни второе не выполнено.

Если исходить из мнения о синхронности синташтинских памятников и абашевской культуры Южного Урала, то для решения рассматриваемого круга проблем актуальным будет новое обращение к проблеме происхождения и к материальному миру южноуральской абашевской культуры. Во всяком случае, недавно опубликованная В.В. Ткачевым выборка по абашевским памятникам степного Приуралья (Ткачев, 2003а. С. 212–224), в первую очередь по керамике, вызывает живые ассоциации с синташтинскими. Но, очевидно, что ряд технологических идей (металлообработка, гончарство), особенностей идеологии, отраженных в реалиях памятников синташтинского типа Южного Урала в значительной мере ассоциируются именно с кругом культур катакомбного облика. В частности, В.В. Ткачев, анализируя жертвенные комплексы из погребальных синташтинских памятников степного Приуралья, указывает на «истоки этой традиции в катакомбной среде» (Ткачев, 2007. С. 99).

Автор данного исследования не может согласиться с категоричным суждением В.В. Ткачева о «передовой во всех отношениях абашевской культуре» (Ткачев, 2007. С. 307), *предшествовавшей* (курсив мой. — Н.В.) синташтинским памятникам и передавшей синташтинскому населению основные характеристики материальной культуры. Возражения касаются планиграфии и архитектуры поселений, модели организации некрополей, технологии и типологии гончарства и целого ряда других позиций, появление которых у синташтинского населения Южного Урала невозможно объяснить заимствованием у населения абашевской культуры Южного Урала. В вопросе происхождения синташтинского населения В.В. Ткачев, по сути, следует за В.С. Горбуновым и Т.М. Потемкиной, считая появление синташтинских памятников в Зауралье эпизодом расширения ареала культуры (абашевской. — Н.В.). На взгляд автора данной работы, процесс синташтинского культурогенеза был более сложным и разносторонним.

Мы солидарны с тезисом Р.А. Литвиненко, согласно которому на развалинах катакомбного мира возникло несколько очагов культурогенеза, функционирование которых связано с меднорудными месторождениями Южного Урала, Волго-Уралья и Днепро-Донецкого региона (Литвиненко, 2003. С. 148–149). Формирование соответствующих культурных феноменов рубежа среднего и позднего бронзового века в этих регионах проходило с сохранением стадийных соответствий, обусловленных общим катакомбным прошлым при наличии регионального своеобразия. На Южном Урале это своеобразие проявилось, в частности,

в виде абашевской «вуали» в культуре памятников синташтинского типа. Абашевские черты в материальной культуре памятников синташтинского типа должны быть внимательно проанализированы. Исследователи уже начали эту работу. В частности, О.Д. Мочалов убедительно доказал, что абашевские и синташтинские древности «относительно синхронны», а синташтинские и абашевские гончарные традиции (и общины. — Н.В.) существовали «чересполосно» (Мочалов, 2008. С. 129). Что же касается абашевской «окрашенности» керамики из ранних покровских, синташтинских памятников, то, по мнению автора данной работы, она может отражать весьма кратковременный процесс вовлечения южнолесного-лесостепного абашевского населения в культурогенетические процессы, протекавшие на рубеже III—II тыс. до н.э. в степях между бассейнами Урала и Дона. Приведенные О.Д. Мочаловым (Мочалов, 2008. С. 129) процентные характеристики синташтинских проявлений в керамике абашевских памятников Южного Урала (около половины анализировавшейся О.Д. Мочаловым выборки) впечатляют и свидетельствуют в пользу высказанного выше мнения. Косвенно об этом же свидетельствуют и данные С.А. Григорьева, который, исследуя металлургические шлаки из абашевских памятников Башкирского Приуралья, пришел к выводу о наличии у абашевских металлургов Южного Урала «двух основных схем металлургического процесса», условно определенных им как «абашевская» и «синташтинская» (Григорьев, 2003. С. 78). Не пожелавшие интегрироваться абашевские группы вынуждены были сменить ареал обитания, отойдя в чуждую для них горно-лесную зону Южного Урала. Иллюстрацией этому может служить находка уникального комплекса в урочище Серный Ключ у г. Нязепетровска на севере Челябинской области (Борзунов, Бельтикова, 1999. С. 43–52). Скудные данные по антропологии как для потаповских памятников Поволжья, так и для синташтинских памятников, по мнению А.А. Хохлова, также свидетельствуют о смешении нескольких антропологических типов, один из которых — уралоидный (Хохлов, 1995; 1996).

Справедливо рассматривать абашевское население как один из компонентов (вряд ли ведущих) синташтинского культурогенеза, имея в виду присутствие в синташтинских, да и в петровских комплексах миниатюрных сосудиков, в том числе и острореберных, приспособленных для подвешивания, костяных и роговых «лопаточек». Однако и эти явно обрядовые предметы иллюстрируют опять-таки заимствованные (?) либо общие особенности идеологии. Уже подчеркивалась солидарность В.В. Ткачева с мнением о близости синташтинского комплекса культурных черт к катакомбному, в частности северо-кавказскому «миру» (Ткачев, 2002. С. 50).

Следы обрядов, связанных с включением в погребальную процедуру миниатюрных сосудиков, на уровне идеи также фиксируются, начиная с погребальных памятников катакомбного «мира» (Гей, 1993. С. 44) до петровских древностей включительно (могильник Кривое Озеро). Южноуральские абашевские памятники в части металлопроизводства демонстрируют явное смешение нескольких культурных традиций. Ярким примером может служить комплекс Верхне-Кизильского клада, где одна часть предметов изготовлена в более архаичной традиции, а другая — вполне соотносится с типами металлических предметов, бытовавших не только у синташтинского, но и у более позднего петровского населения Южного Зауралья (Епимахов, 2003. С. 100). Отнесение абсолютного большинства типов металлических предметов из синташтинских памятников Южного Урала лишь к абашевской традиции металлообработки (Матвеев, 2005. С. 8) свидетельствует, на наш взгляд, скорее, о стадиальности существования этих типов изделий в пределах различных культурных образований и едином (катакомбном в данном случае) их истоке. На Южном Урале абашевцы стремились обосноваться в привычной экологической нише, т.е. на южной кромке леса и лесостепи. Е.Е. Кузьмина, вслед за О.В. Кузьминой, категорично отстаивает лесную, а не степную принадлежность абашевской культуры (Кузьмина, 2008. С. 128). Для зафиксированного В.В. Ткачевым вторжения групп абашевского населения в степную зону Южного Урала, вероятно, были чрезвычайные причины. Возможно, в подобных эпизодах отражен процесс абашевской интеграции в синташтинские общины.

Вероятно, прав А.В. Епимахов, считающий, что мнение о более позднем времени бытования синташтинских памятников в сравнении с абашевскими Южного Урала нуждается в дополнительной аргументации (Епимахов, 1993. С. 58; Епимахов, 1998. С. 16). Мы полагаем, что из круга культур, предшествовавших синташтинским памятникам, должны быть исключены КМК (бабинская культура) (Березанская, 1982. С. 60), покровская культура Нижнего Поволжья (Малов, 1992), памятники потаповского типа Среднего Поволжья (Кузнецов, Семенова, 2000. С. 122–151). Важным представляется заключение О.Д. Мочалова о формировании потаповского и синташтинского керамического комплекса одновременно и на близкой основе (Мочалов, 2008. С. 172). В то же время, нет каких-либо конкретных данных об участии в сложении культуры населения, оставившего памятники синташтинского типа как населения Западной Сибири, так и Средней Азии (Мочалов, 2008. С. 129, 173).

Полтавкинское население и собственно ямное в Южном Приуралье, принимая во внимание их значительное хронологическое предшествование синташтинским памятникам во времени и принадлежность металлопроизводства к Циркумпонтийской металлургической провинции, могло, видимо, лишь опосредованно либо в позднейших, пока неизвестных вариантах, принимать участие в сложении памятников синташтинского типа.

Учитывая чрезвычайную сложность культурогенетического процесса и разнонаправленность миграционных потоков в степях Волго-Уралья и Западного Казахстана в период аридизации климата на рубеже III–II тыс. до н.э., пока вряд ли будет корректным указывать на какую-либо конкретную группу как на основу сложения населения, оставившего памятники синташтинского типа. Не вполне ясна связь памятников синташтинского типа с древностями покровско-абашевской (доно-волжской абашевской) культурой Подонья (Синюк, 1996. С. 198, 199; Пряхин, Беседин, Захарова, 2001. С. 80, 81). Однако модель формирования синташтинского населения на Южном Урале вследствие прямого и «скоротечного прорыва ее (доно-волжской абашевской культуры. — *Н.В.*) воинских отрядов в Зауралье» (Матвеев, 2005. С. 13) вряд ли корректно отражает историческую действительность. И дело не только в нескольких тысячах километров, разделяющих Подонье и Зауралье. Важно понимание мотивов и механизма подобной миграции, чего пока нет.

На наш взгляд, одним из перспективных направлений решения проблемы культурных компонентов синташтинского населения должно стать системное сопоставление синташтинской и потаповской погребальной обрядности. В самой осторожной форме допустимо поставить вопрос о сосуществовании в системе синташтинской погребальной обрядности двух доминирующих традиций ориентировки ям и погребенных: меридиональной и широтной, отражающих ритуальную практику двух основных групп, которые стали базой для формирования синташтинского населения.

Для Южного Зауралья, в предварительном плане, можно говорить о непосредственном следовании памятников синташтинского типа вслед за энеолитическими, не исключая их непродолжительного сосуществования. В немалой степени осознанию этого вывода способствовала наметившаяся в последние годы в работах ряда исследователей кристаллизация представлений о хронологии общности энеолитических культур геометрической керамики в Зауралье, Западной Сибири и в Северном Казахстане (В.Ф. Зайберт, С.С. Калиева, С.Ф. Кокшаров, В.Н. Логвин, В.С. Мосин, Н.М. Чаиркина, А.Ф. Шорин и др.). Сводка радиоуглеродных дат по памятникам энеолитических культур Урала, Северного Казахстана приведена С.С. Калиевой и В.Н. Логвиным (Калиева, Логвин, 1997). Прекращение бытования памятников терсекской культуры, в частности, С.С. Калиева и В.Н. Логвин уверенно относят к XIX–XVIII векам до н.э. (Калиева, Логвин, 1997. С. 136). Надо оговориться, что авторы используют некалиброванные значения. Не отрицает вклад «финально-энеолитического» населения Урало-Казахстанских степей в орнаментуку синташтинской керамики и О.Д. Мочалов (Мочалов, 2008. С. 128). Сомнения В.В. Ткачева в «доживании» аборигенных энеолитических культур Южного Урала до синташтинского времени вряд ли оправданы. Достаточная степень археологической изученности региона подтверждают сказанное;

открытия пласта отличных от энеолитических постэнеолитических памятников здесь ждать не стоит.

На наш взгляд, памятники синташтинского типа появляются в Южном Зауралье на рубеже III—II тыс. до н.э. как результат миграции групп населения из района степей Поволжья — Приуралья. На археологическом уровне это население может быть определено как посткатакомбное (позднейшее катакомбное), смешавшееся в степях Оренбуржья с позднейшими ямными группами населения. Излагаемая позиция близка той, которую отстаивает В.В. Ткачев (Ткачев, 2007. С. 307). Отличия связаны с оценкой роли абашевской южноуральской культуры в оформлении памятников синташтинского типа. Формирование стиля синташтинского керамического комплекса могло произойти как в Степном Приуралье, где группы формирующегося синташтинского населения вошли в непосредственное соприкосновение с абашевским населением Южного Урала, так и ранее, в том случае, если будет доказано, что «абашоидность» части синташтинского керамического комплекса случилась на рубеже III—II тыс. до н.э. в районе Волго-Донья. В Южном Зауралье они стали фактически первыми значительными по численности группами индоиранцев (Кузьмина, 2008), вступившими в соприкосновение с общностью протоугорских (?) по языковой принадлежности культур «геометрической керамики» (Логвин, 1995. С. 94—95; Калиева, Логвин, 1997. С. 160). Вероятнее всего, группы синташтинского населения столкнулись у предгорий Южного Урала с позднейшим населением суртандинской и терсекской культур, однако освоение территории прошло без серьезных военных конфликтов (Мосин, 1990. С. 23). Исключением является лишь Мало-Кизильское селище, в орнаментации керамики которого присутствуют аборигенные энеолитические мотивы (Епимахов, 2002). Изучение синташтинских могильников Южного Зауралья, прежде всего Синташтинского, кажется, подтверждает этот тезис. Так, совместное нахождение в ямах 2 и 8 большого грунтового могильника Синташта *in situ* острореберных и плавнопрофилированных форм керамики авторы монографии вполне логично объясняют тем, что в этих ямах погребены родственники «с разными этническими традициями» (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 119). В качестве предположения возможно утверждать, что в этом и подобных случаях мы наблюдаем материальные следы смешения пришлого синташтинского и местного аборигенного населения. Во всяком случае, явно не случайна традиция выполнения орнаментации на плавнопрофилированных сосудах из упомянутого могильника оттисками гребенчатого штампа, вертикальное расположение орнаментальных фризов — черты, весьма характерные и для терсекской и суртандинской культуры (Калиева, Логвин, 1997. С. 75. Рис. 18; С. 79. Рис. 20; С. 81. Рис. 21; Калиева, 2005. С. 176. Рис. 1; Матюшин, 1982. С. 298. Рис. 58). Есть примеры подобного рода и для «синташтоидной» керамики из раскопок могильника Бестамак (Логвин, Шевнина, Колбина, Нетета, 2007. С. 125. Рис. 1,1). Безусловно, критики могут привести в пример и декор керамики энеолитического таежного населения Урала. Однако мы полагаем, что корректным будет лишь обращение к терсекской и суртандинской керамической традиции, как культур, позднейшие представители которых находились в непосредственном контакте с пришлым синташтинским населением. Для терсекского гончарства известна примесь раковины в керамическом тесте, формовка сосудов лоскутным или спиральным налепом на основе с использованием текстильной прокладки (Калиева, Логвин, 1997. С. 72). Не случайно синташтинская керамика выглядит столь разнообразной по орнаментальным схемам, оригинальной по присутствию принципиальных новообразований, уместных для раннего этапа культурогенеза. Однако утверждение С.С. Калиевой о том, что «процесс формирования синташтинско-петровских древностей был сугубо местным явлением» (Калиева, 2005. С. 174) выглядит слишком категоричным и упрощает процесс синташтинского культурогенеза.

По мнению автора настоящего исследования, следы контактов синташтинского населения с позднейшими энеолитическими культурами Южного Урала и Северного Казахстана бесспорны, однако это не означает их определяющего значения в формировании (курсив мой. — Н.В.) синташтинских памятников (Ткачев, 2007. С. 310). Материальный мир памят-

ников синташтинского типа не может быть выведен из среды местных энеолитических культур, поскольку составляющие, безусловно, свидетельствуют о миграции в регион Южного Зауралья ее творцов.

Мнение ряда авторов о крайне нестабильной обстановке и военных столкновениях синташтинцев с аборигенным населением (Зданович, 1988. С. 139; Матвеев, 1998. С. 355, 376) материалами не подтверждается. Степени «милитаризации» инвентаря синташтинских погребений (Нелин, 2002. С. 82–84) и масштабам оборонительных сооружений их поселений противоречит полное отсутствие разнообразных следов военных конфликтов, что побуждает искать этим фактам иное объяснение.

Резкая активизация культурогенетических процессов в степях восточной ойкумены Европы, между Волгой и Уралом, на рубеже III–II тыс. до н.э. была обусловлена как усилением аридности климата, спровоцировавшим начало эпохи миграций, так и не до конца понятными особенностями внутреннего саморазвития степных скотоводческих обществ этого времени. В немалой степени на деструктуризацию культур позднекатакомбного «мира» повлиял распад системы Циркумпонтийской металлургической провинции. Результатом действия всех этих факторов стало разрушение системы жизнеобеспечения культур позднекатакомбного круга, особенно для глубинных районов степей.

Лишь достаточно фрагментарно известное к настоящему времени позднейшее ямнокатакомбное население степей Южного Приуралья, как местное, так и пришлое, благодаря наличию локальных гидросистем, способствовавших развитию скотоводства и опоре на горное дело, металлургию и металлообработку бронзы, вряд ли испытывало трудности аридного периода в той же мере, что и синхронные глубинные степные культуры, получив своеобразный «карт-бланш» на саморазвитие и усиление своего культурного влияния. Именно Южное Приуралье, скорее всего, и было тем промежуточным районом, где оформились основные культурные характеристики населения, оставившего памятники синташтинского типа. Здесь же в орбиту влияния формирующегося синташтинского населения на короткое время попали общины южноуральской абашевской культуры, по большей части интегрированные в состав синташтинских общин. Позднейшее население суртандинской и терсекской культур в условиях хозяйственно-экономического кризиса и спустя несколько веков соседства с группами ямного населения Оренбуржья оказалось готовым как к контактам, так и к восприятию новых культурных стереотипов.

Скеписис О.Д. Мочалова по поводу доминанты катакомбных традиций в формировании памятников синташтинского типа понятен и принимается. Вопрос действительно заключается в «терминологической путанице» (Мочалов, 2008. С. 247). Конечно, когда речь идет о «позднейшем катакомбном мире» и его влиянии на формирование памятников синташтинского типа, имеется в виду период распада катакомбного «мира», где катакомбно-синташтинские соответствия могут быть уже не буквальными, но вторичными, как то: состав металла и технологические приемы обращения с ним, обычай помещения частей повозок в погребения избранным персонам и т.д.

Если кратко подытожить сказанное выше, районом, где вызрели основные характеристики синташтинских памятников, скорее всего, является Южное Приуралье, а сами они являются культурным новообразованием рубежа среднего и позднего бронзового века со сложным генезисом.

2.5. Металлопроизводство и таксономическая атрибуция синташтинских памятников

Строго говоря, к настоящему времени в археологической литературе оформились две позиции относительно таксономической атрибуции синташтинских памятников. Сторонники первой, в частности Г.Б. Зданович, С.А. Григорьев, В.В. Ткачев и др., полагают, что

синташтинские памятники вполне возможно атрибутировать как археологическую культуру (синташтинско-аркаимскую или синташтинскую).

«Ткань» материальной составляющей памятников синташтинского и петровского типов и многообразные гипотезы, касающиеся этнической принадлежности населения, структуры социума, особенностей хозяйственно-экономической жизни, духовного мира, — заставляют обратиться, прежде всего, к поиску концептуальной основы для объяснения механизма формирования памятников синташтинского и отчасти петровского типов, модели их функционирования, понимания исторических судеб синташтинского, а позднее и петровского населения. Попытки объяснить синташтинский феномен через концепцию «протогородских центров» (Г.Б. Зданович), как нам представляется, пока не вполне доказательны.

Считаем, что решение проблемы культурогенеза на Южном Урале и в Казахстане в первые века II тыс. до н.э. возможно только с учетом специфики этих территорий, проявившейся в наличии рудной базы для цветной металлургии и чрезвычайной распространенности металлопроизводства на протяжении как бронзового, так и раннего железного веков.

В основу авторского подхода к осмыслению обозначенного блока проблем положена концепция металлургических провинций Е.Н. Черных как крупных технологических и историко-культурных систем древности, объясняющая логику развития обществ энеолита — бронзового века Евразии через металл, металлопроизводство, операции с продуктами которого в рамках как металлургических провинций в целом, так и в пределах составлявших их отдельных очагов металлургии или металлообработки, вели к активизации целого шлейфа экономических, социальных и идеологических моделей (Черных, 1970; Черных, 1976; Черных, 1978; Черных, 1989; Рындина, Дегтярева, 2002. С. 40—43). Именно металлопроизводство, по мнению Е.Н. Черных, послужило в палеометаллическую эпоху важнейшим причинным фактором культурогенеза, а в редких случаях приводило к формированию обществ, в которых материальная и духовная культура, благодаря металлопроизводству, характеризовалась известной спецификой в сравнении с синхронными культурами.

Основываясь на результатах анализа синташтинского керамического комплекса, металлопроизводства, архитектурного и погребального стилей синташтинского населения, мы убеждены в том, что синташтинские памятники должны атрибутироваться лишь как своеобразный тип памятников, поскольку они отражают начальный этап культурогенеза с неустойчивыми характеристиками материального мира, в котором прослеживаются следы нескольких культурных традиций в различных категориях материальной культуры, присутствуют разнообразные новообразования.

Мы также убеждены в том, что яркость и своеобразие памятников синташтинского типа в значительной степени обусловлены высоким уровнем развития металлопроизводства, благодаря которому синташтинское население сыграло важнейшую культурогенетическую роль в формировании комплекса признаков петровского этапа в истории алакульских культур Южного Урала и Казахстана.

Синташтинское население оформилось и непродолжительное время функционировало как специфическое культурное сообщество на базе южноуральской металлопроизводящей области на рубеже III—II тыс. до н.э. Металлопроизводство, наряду с пастушеским скотоводством и умеренно представленной в остатках охотой (Косинцев, 2006. С. 204—205), стало одной из базовых хозяйственных отраслей синташтинского социума. Основной социальной единицей этого сообщества, скорее всего, выступал клан (большесемейная община). В значительной степени в металлургии и металлопроизводстве, как формах специальной магии, фактически невозможных без пользования системой мер и весов, необходимо искать причины тотальной сакрализации жизни синташтинских общин, значительного количества архитектурно-планировочных и планиграфических инноваций для поселенческих памятников, всеобщей пышности погребальной обрядности.

Время появления синташтинцев на окраине степей Казахстана совпало с комплексным кризисом развития присваивающего хозяйства у носителей степных аборигенных праугорских культур (Зайберт, 1989. С. 176).

Появление серии укрепленных синташтинских поселений в зоне зауральского пене-плена связано как с наличием здесь многочисленных проявлений медьсодержащих минералов, так и с возможностью контактов по поводу металла с носителями аборигенных культур. Функционирование самих синташтинских укрепленных поселений происходило, вероятнее всего, не одновременно и на сезонной, а возможно, и эпизодической основе (рис. 3). Сравнительно немногочисленное постоянное население этих поселений и оставило рядом с ними относительно небольшие некрополи. Определенным аргументом в пользу высказанного выше предположения могут служить результаты исследования остеологической коллекции из раскопок укрепленного поселения Устье I. Они свидетельствуют, что крупный рогатый скот обитатели поселения забивали с поздней осени и до начала лета. Не забивался летом и мелкий рогатый скот. О.Н. Бачура делает вывод о том, что «вероятно, население жило в районе, где найден памятник, с начала осени до начала лета ...» (Бачура, 2009. С. 33). На возможную сезонность полной заселенности синташтинских укрепленных поселений уже указывалось в литературе (Ткачев, 2007. С. 136).

Для доказательства справедливости обозначенной выше концепции чрезвычайно важным является анализ остатков процесса металлопроизводства (Нелин, 2004. С. 178).

Группы синташтинского населения на Южном Урале расселялись именно рядом с месторождениями медьсодержащих минералов (Зданович, 1999. С. 43; Зайков, Бушмакин, Юминов и др., 1999. С. 313–314). Ранее это утверждалось лишь для поселения Устье I (Виноградов, 1995. С. 8, 25). Позднее подобная информация была получена и для поселения Аркаим (Зайков, 1999. С. 26–27). Необходимо прогнозировать открытие новых укрепленных поселений конца эпохи средней бронзы в северной части Оренбуржья и в юго-восточной части республики Башкортостан. Именно на этих территориях расположены в той или иной степени выраженные месторождения медьсодержащих минералов (Зайков, Юминов, Дунаев и др., 2005. С. 101–114).

Обильные следы металлургии и металлообработки встречены и в ходе разведочного обследования и раскопок синташтинских и петровских укрепленных поселений в Южном Зауралье. На поселении Ольгино (Каменный Амбар) это остатки металлургических комплексов, а также руда, шлаки, сплески, изделия, большое количество бронзового лома, приготовленного к переплавке (Корякова и др., 2010. С. 145–148). На поверхности и в шурфах, заложенных на укрепленных поселениях Ягодный Дол (Берсуат), Родники, Чернореченское III, найдены руда, металлургические шлаки, фрагменты керамических сосудов с ошлакованными верхними краями. Остатки металлургического производства получены также при раскопках таких поселений как Куйсак I (Малютина, Зданович, 1995. С. 103), Ягодный Дол (Берсуат) (Зданович, Малютина, 2001. С. 75), Аландское (Зданович, Малютина, 2007. С. 106–107). Находки медной руды, шлаков, слитков и сплесков известны и в синташтинских погребальных памятниках (Синташта, Кривое Озеро, Каменный Амбар-5, Солнце II, Большекараганский могильник, Танаберген II). Нельзя не упомянуть сосуд № 2 из погребения 4 могильника СИ (Синташтинского малого грунтового могильника), с обгоревшими синечерными поверхностями, глиняным тестом, прокаленным до бурого оттенка (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 312. Рис. 178, 4). Его характеристики соотносимы с признаками плавильных чаш, описанными В.Ю. Луньковым (Каргалы, Т. III, 2004. С. 70). Погребения синташтинских металлургов известны в могильнике Солнце II (Епимахов, 1996. С. 29), в Синташтинском III малом кургане (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 337. Рис. 195, 6, 7) (Стефанов, Епимахов, 2006. С. 263–272), а также в могильнике у горы Березовой (Халяпин, 2001. С. 424. Рис. 3). По мнению С.А. Григорьева, колодцы в помещениях синташтинских укрепленных поселений Южного Зауралья являлись не только водными источниками, но и частью комплексов по выплавке металла. Воздух из колодца по специальному каналу подавался

в расположенный у его края небольшой горн купольного типа (Григорьев, 1994. С. 9). В помещениях поселения Устье I, действительно, рядом с колодцами устойчиво располагались округлые каменные выкладки — основания горнов, либо скопления остатков плавки бронзы: капли металла, сплески, бронзовый лом и заготовки. В целом с площади в 3000 кв.м, вскрытых на поселении Устье I, получено более 1200 предметов, напрямую связанных с металлургией и металлообработкой (медная руда, шлак, слитки, капли, сплески, лом, обломки керамических тиглей, льячек, изложниц и сопел, разнообразные бронзовые изделия). В это число не входят каменные орудия металлообработки, обломки которых представлены также большими сериями. На протяжении всей истории укрепленного поселения Устье I металлургия и металлообработка, наряду с пастушеским скотоводством, являлись главными хозяйственными занятиями его обитателей. Спектральный анализ (выполнен в лаборатории геолого-геофизической партии Челябинской геолого-разведочной экспедиции) образцов малахита из медного месторождения «Кисинет», что находится в 2 км от поселения, и руды из раскопок древнего Устья обнаружил значительное сходство их химического состава. Однако следы горных разработок, которые можно было бы достоверно соотнести с древним Устьем, пока не выявлены. Скепсис С.А. Григорьева по поводу уровня организации и масштабов металлопроизводства населением синташтинских поселений обоснован лишь отчасти. Масштаб металлопроизводства в пределах укрепленного поселения Устье I, да и других синташтинских и петровских поселений, вряд ли возможно напрямую соотносить с количеством обнаруженного здесь металлургического шлака, как это делает С.А. Григорьев. По мнению С.В. Кузьминых, в рамках технологической цепочки того времени конечным продуктом металлургического производства были медные капли в шлаке. Для их извлечения шлаковые «лепешки» тщательно дробили (Каргалы.Т. III, 2004. С. 122–123), а затем использовали в качестве флюса при плавке руды.

Обильные следы металлургического процесса (технологические сооружения, обломки изложниц) известны и из раскопок укрепленного поселения Семиозерное II (Евдокимов, 1983. С. 37. Рис. 2, 11) (рис. 62, 2).

Технологический аспект синташтинского и петровского металлопроизводства не входит в круг обсуждаемых в данном исследовании проблем, однако считаем необходимым отметить ряд связанных с ним моментов. Анализ планиграфии остатков технологических сооружений и находок такого рода показывает, что технологические площадки и сооружения, связываемые с металлургией и металлообработкой, столь характерные как для синташтинских, так и для петровских помещений в пределах укрепленных поселений в Южном Зауралье, были предназначены, скорее, для переплавки уже готовых и доставленных извне слитков черновой меди и лома, приготовления металла необходимого химического состава и, конечно, для различных операций, связанных с металлообработкой (Коробкова, Виноградов, 2004. С. 86). Подобная модель характерна для всех исследованных синташтинских и петровских поселений (например, Семиозерное II, Кулевчи III, Синташтинское, Аркаим).

По данным А.В. Епимахова, каждое пятое синташтинское погребение содержит материалы, связанные с металлургией и металлообработкой бронзы. И при этом невозможно указать возрастную группу, связанную с добычей руды и переработкой ее в металл и в конечные изделия (Епимахов, 2003. С. 81–82). В синташтинских и, отчасти, в петровских погребениях нередко находки кусочков руды, литейных принадлежностей, шлаков (Костюков, Епимахов, Нелин, 1995. С. 158, 167, 170; Епимахов, 1996. С. 26, 29; Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 256; Калиева, Логвин, 2008. С. 37, 43, 46, 48, 54, 55). Достаточно многочисленны и каменные предметы, имевшие отношение к металлургии и металлообработке. В коллекции каменных изделий из раскопок укрепленного поселения Аркаим решительно преобладают орудия горно-металлургической и металлообрабатывающей направленности (Зайков, Зданович, 2000. С. 78). Особенно характерным примером является сочетание каменных пестов и обломков массивных каменных плит.

Начало интенсивной разработки Каргалинских рудников Е.Н. Черных относит к ямно-полтавкинскому времени (Черных, Кузьминых, Лебедева и др., 2000. С. 66–67; Черных, Исто, 2002. С. 44–55), что явно не случайно, если говорить о мотивации появления синташтинского населения в Южном Зауралье.

В порядке рабочей гипотезы можно считать, что как «металлоносные» южноуральские абашевские, так и «металлоносные» синташтинские укрепленные поселения Южного Зауралья являлись периферийными, пограничными в системе единого южноуральского района металлопроизводства и были составными частями некоей общности, консолидированной на базе Южно-Уральской горно-металлургической области периода формирования Евразийской металлургической провинции. Структура ее организации и особенности функционирования могут быть выяснены лишь после углубленного изучения поселенческих и погребальных памятников этого времени в указанных выше районах Южного Урала. Если это предположение справедливо, то материальная культура периферийных памятников, прежде всего керамика, вполне может быть различной: близкой южноуральской абашевской, «протосрубной» (с керамикой типа Потаповского могильника либо могильника Каменный Амбар-5). Возможны и комбинации «протосрубных» признаков и признаков южноуральской абашевской культуры при несомненном учете вклада местного аборигенного населения, прежде всего, в гончарство.

Стремление понять функциональное назначение синташтинских укрепленных поселений породило целое созвездие оригинальных гипотез. Упомянутые поселения трактуются как церемониальные центры (Ю.Е. Березкин); караван-сарай на торговых путях (В.В. Горбунов); протогородские центры сельскохозяйственной округи, религиозно-административные, хозяйственные центры (Г.Б. Зданович); ремесленные центры, контролируемые извне (П.Ф. Кузнецов) и т.д.

Утверждения о «полях древнего земледелия, плотинах и каналах» рядом с синташтинскими укрепленными поселениями (Зданович, Батанина, 1999. С. 211) нуждаются в дополнительной аргументации и конкретизации. По нашему мнению, нет данных, свидетельствующих о сколько-нибудь значительном месте земледелия в экономике как синташтинского, так и петровского населения. Приводимые исследователями факты в пользу наличия земледелия как отрасли хозяйства у синташтинского населения, по разным причинам неоднозначны. Одиннадцать попыток выявления остатков зерен злаковых путем флотации в культурном слое укрепленного поселения Аркаим и восемь подобных попыток на укрепленном поселении Устье I, предпринятые сотрудниками лаборатории естественно-научных методов института археологии АН СССР еще в конце 1980-х гг. (Е.Ю. Лебедева), успехом не увенчались. В то время как на поселениях «валикового» времени в той же Караганской долине, где находится Аркаим, флотация дала положительные результаты (Лебедева, 2005. С. 52). Привязка т.н. «огородов» к Аркаиму синташтинского периода пока не имеет археологической аргументации. Практически отсутствуют орудия земледелия и в каменном инвентаре памятников как синташтинского так и петровского типов. Во всяком случае, об этом свидетельствуют материалы как укрепленного поселения Устье I, так и поселения Кулевчи III, культурные слои которых не содержат материалов, более поздних чем петровские (Устье I) или алакульские (Кулевчи III). Отсутствие реальных следов земледелия, как и периферийных неукрепленных поселений «сельскохозяйственной округи» (стержня самой концепции), полное отсутствие экстраординарных построек в стандартизированной внутренней застройке укрепленных поселений, тотальная пышность погребальной обрядности, слабая выраженность южных культурных связей населения памятников синташтинского типа делают «протогородскую» концепцию понимания памятников синташтинского типа достаточно уязвимой для критики. В частности, В.М. Массон скептически оценивает возможности дальнейшего применения ее для анализа южноуральских укрепленных поселений бронзового века (Массон, 2000. С. 136, 156). Мнению С.А. Григорьева о военно-скотоводческом облике хозяйства обитателей укрепленных поселений (Григорьев, 1999. С. 109) противоречит пол-

ное отсутствие явных следов военных конфликтов на всех без исключения масштабно изученных памятниках этого круга (Малютина, 1999. С. 119). Кроме этого, отмеченные рядом авторов нелогичные условия расположения укрепленных поселений (как синташтинских, так и петровских) в рельефе — у рек, на береговых возвышениях, в ряде случаев рядом с грядами возвышенностей (например, пос. Родники, Ягодный Дол (Берсуат) (Anthony, 2007. Р. 390) — заставляют сомневаться в прямом назначении оборонительных сооружений. Причем хотелось бы подчеркнуть, что оборонительная функция этих фортификационных систем не исключается, но приведенные факты заставляют сомневаться в подобной однозначности.

Говоря о функциональном назначении синташтинских укрепленных поселений, необходимо указать на перспективность разработки предложенного П.Ф. Кузнецовым понимания синташтинских укрепленных поселений Южного Зауралья как ремесленных центров (Кузнецов, 1996. С. 40–43), хотя можно сомневаться как в предложенной по этому поводу периодизации протосрубной экспансии в Южное Зауралье, так и в монофункциональности этих поселений. Как рабочая гипотеза имеет право на существование мнение о том, что синташтинские укрепленные поселения Южного Зауралья являлись местами обитания общин, занимавшихся пастушеским скотоводством и металлопроизводством. Центрами производства металла считает синташтинские укрепленные поселения и Д. Энтони (Anthony, 2007. Р. 391).

Синташтинские укрепленные поселения, как кажется, никогда не были заселены в полном объеме, иначе сложно объяснить несоответствие их масштабов и сопутствующих могильников. Ю.Е. Березкин, указывает на противоречие плотности населения укрепленного поселения Аркаим норме для традиционных неурбанизированных обществ (500 человек на гектар вместо 180–200) и пытается объяснить это периодичностью обитания памятника, понимая его как церемониальный центр (Березкин, 1995. С. 38). Возможно и объяснение этого феномена через некую сезонность или даже эпизодичность полной заселенности этих укрепленных поселений. Немногочисленное постоянное население и оставило рядом с поселениями свои «погребальные поля». Кстати, если вернуться к предложенному еще в начале 1990-х гг. и полузабытому объяснению функционального назначения укрепленных поселений как неких «факторий», данному В.С. Горбуновым, то обозначится и возможный механизм трансляции синташтинских культурных стереотипов в среду аборигенного населения.

Население этих укрепленных поселений, несмотря на ощутимую разницу в количестве и качестве сырья южноуральских рудопроявлений в сравнении, к примеру, с Каргалинским, продолжало строить свою жизнь на традиционной основе многоуровневой сакрализации. Сходную точку зрения по поводу поселения Семиозерное II высказал и В.В. Евдокимов (Евдокимов, 2000. С. 75).

Именно занятия металлургией и металлообработкой, организованной по семейно-клановому принципу, могут, на наш взгляд, объяснить не только специфику социального устройства синташтинского и частично петровского населения в Южном Зауралье, но и высокий уровень организации укрепленных поселений, стандартизацию их элементов, а также наблюдаемое в материальной культуре соединение разнокультурных признаков. Возможно, подобное объяснение памятников синташтинского типа иллюстрирует один из частных аспектов проявления «процессов общеисторического характера», направленность течения которых была спровоцирована развитием горного дела, металлургического и металлообрабатывающего производства (Черных, 1989. С. 14).

К сожалению, проблема соотношения профессиональных кланов (субкультур?) и археологических культур для бронзового века степной Евразии еще ждет своего исследователя. А наличие такой проблемы и необходимость ее углубленного изучения становятся все более очевидными. Тем более что исследователи, профессионально занимающиеся проблемами истории древнейших этапов металлургии на Урале, подчеркивают как клановую при-

роду ее организации, так и появление металлургии на Урале в ямное время в сложившемся виде как результат переселения «из западных районов кланов металлургов-литейщиков» (Дегтярева, 2003. С. 27). Позднее, для синташтинских памятников, А.Д. Дегтярева считает возможным утверждать о существовании «наследственных кланов мастеров с существованием, по меньшей мере, двухуровневой структуры — горняки-металлурги и литейщики-кузнецы» (Дегтярева, 2009. С. 39).

Следует согласиться с коллегами, утверждающими, что находки в синташтинских погребениях сырья, отходов металлургического производства, орудий и инструментов металлургии и металлообработки свидетельствуют не столько о профессиональной принадлежности погребенного, сколько об «общем металлургическом облике всего коллектива» (Епимахов, 1996. С. 38, 40; Костюков, Епимахов, Нелин, 1995. С. 177). Сходное мнение высказано и В.С. Бочкаревым, который после анализа материалов синташтинских погребальных памятников сделал вывод о том, что «высоким социальным рангом обладали не только отдельные лица, но и целые группы людей, связанных родственными узами (большая семья, клан). Вероятно, именно такие группы занимали господствующее положение в синташтинском обществе (Бочкарев, 1995. С. 23). Как известно, металлургия и металлообработка в палеометаллическую эпоху строились именно на семейно-клановой основе. Надо оговориться, что помещение в погребения металлургического сырья, отходов и орудий металлургии и металлообработки известно не только для синташтинских погребальных памятников. В частности, эта традиция отмечена для могильников срубной культуры Южного Урала позднего бронзового века. Металлургический шлак получен Н.А. Мажитовым при исследовании одного из срубных погребений могильника Имангулово в Оренбургской области (Мажитов, Султанова, 1994. С. 27).

Необходимо подчеркнуть, что любые попытки реконструкции социальной структуры общин, оставивших памятники синташтинского типа, должны учитывать специфику организации их хозяйственной жизни, в которой скотоводство (Косинцев, 2000. С. 44; Косинцев, 2006. С. 204–205) сочеталось с развитой металлургией и металлообработкой. Это обстоятельство должно серьезно скорректировать характеристику социальной структуры синташтинского населения Южного Зауралья. На это неоднократно обращали внимание исследователи (Зданович, Малютина, 2004. С. 183–196; Черных, 1976. С. 165, 173; Черных, Кузьминых, Лебедева, 1999. С. 84–85; Бочкарев, 1994. С. 67). Отмеченная ими степень сакрализации жизни и деятельности древних металлургов, позволяет, в частности, сомневаться в исключительно прямом предназначении мощных оборонительных систем южноуральских укрепленных поселений. Они могли иметь и магическое назначение. Сходное мнение по этому вопросу высказывают Г.Б. Зданович и И.М. Батанина (Зданович, Батанина, 2003. С. 75). Иррациональность грандиозных трудов затрат, учитывая иррациональность мира их обитателей в целом, не должна смущать исследователей, как не смущает их иррациональность, к примеру, погребальных обрядов. Расположенные по границам индоевропейского и протоугорского «миров» той эпохи синташтинские укрепленные поселения пока демонстрируют отсутствие явных следов военных столкновений. Мнению С.А. Григорьева о домашнем облике металлургии и металлообработки синташтинцев, основанному на гипотетичном подсчете масштабов синташтинского металлопроизводства и отсутствии специализированных участков на поселениях (Григорьев, 1999. С. 108; Григорьев, 2000. С. 280), противоречит целая система фактов материальной культуры, полученных в ходе изучения синташтинских памятников.

Изложенное выше, на наш взгляд, свидетельствует об экстраординарности социальной структуры синташтинских общин-кланов, в сравнении с обычными степными скотоводческими обществами бронзового века. Безусловная экстраординарность памятников синташтинского типа исключает традиционную социальную ранжированность, а напротив, демонстрирует эгалитарность и тотальное богатство. Об этом свидетельствуют материалы как поселенческих, так и погребальных памятников. К сожалению, этнографические иссле-

дования почти не содержат данных о внутренней структуре кланов с выраженным металлопроизводящим обликом хозяйства, наблюдавшихся учеными на протяжении последних веков (Черных Е.Н., 2007. С. 134–173). Полагаем, что отсутствие подобной информации связано в первую очередь с жесткой закрытостью функционирования подобных общин. Никогда не считал металлопроизводство единственной хозяйственной отраслью синташтинского населения. Но второй основной отраслью, наряду со скотоводством, металлопроизводство, безусловно, было. Косвенно об этом же свидетельствуют и обильные жертвоприношения — по данным этнографов, неперемный спутник металлургии и металлообработки (Черных, 2007. С. 172).

Еще одно важное наблюдение. Материалы синташтинских памятников, в силу их экстраординарности, не могут быть в полной мере использованы для сравнения и анализа содержания «стандартных» скотоводческих культур позднего бронзового века, поскольку отражают не «норму» развития степных скотоводческих культур, а некое исключение, обусловленное и широко развитым металлопроизводством.

2.6. Колесничие и колесницы в памятниках синташтинского типа

Особую группу синташтинских, а позднее петровских погребений в Южном Зауралье и Северном Казахстане составляют погребения в крупных могильных ямах, одной из составляющих погребального инвентаря которых являются остатки двухколесных повозок, предположительно, колесниц или их частей. Синташтинские и петровские поселения и погребения в Южном Зауралье дали самую представительную и древнюю (Кузьмина, 2008. С. 178) в степной Евразии этого времени серию остатков самих колесниц, упряжи колесничных коней (псалии — более 40 экземпляров; бляхи-распределители ремней узды, костяные муфты. Они уже стали предметом пристального внимания исследователей (Ткачев, 2004. С. 7–30; 39–45; Бочкарев, Бужилова, Епимахов и др., 2010).

Впервые остатки шести колесниц были обнаружены в Синташтинском могильнике. Это были отпечатки нижней четверти диаметра колес. Колеса устанавливались в параллельные, линзовидные в сечении углубления в дне могильной ямы, а затем присыпались грунтом. Исследователи реконструируют колеса из Синташтинского могильника как имевшие диаметр 0,9–1,0 м, с десятью спицами и шириной колеи до 1,2 м (Генинг, Ашихмина, 1975. С. 145). Со времени исследования Синташтинского могильника до сегодняшнего дня перечень подобных находок существенно увеличился (14 случаев). Но в лучшем варианте это были отпечатки меньшей части диаметра обода и спиц, как правило, лишь параллельные, без отгисков колес, углубления в дне могильных ям. В этом ряду находка остатков колесницы в синташтинском погребении в яме 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро занимает особое место. Впервые археологи получили возможность судить об облике ступиц синташтинских колес. Колеса здесь имели диаметр около 1,0 м, а также ступицы, зафиксированные по древесному тлену как фигурные выступы — до 20 см, выдававшиеся вовне не менее чем на 10 см. Колеса были снабжены 12 спицами. Ширина колеи здесь не превышала 1,2 м (Виноградов; 1995; Anthony, Vinogradov, 1995. P. 39).

Именно серия синташтинских погребений с остатками частей двухколесных повозок, деталями конской упряжи и оружием побудила целый ряд исследователей максимально «милитаризовать» в своих работах население, оставившее синташтинские памятники, объявляя ведущей силой синташтинского общества военную элиту (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 10; Отрощенко, 2003. С. 75). Не отрицая возможности подобного объяснения социального статуса погребенных с оружием и остатками двухколесных повозок, хотелось бы отметить следующее. Если следовать тезису о высокой степени семиотичности погребальной обрядности и равенству: «обряд = миф» (Иванова, Цимиданов, 1993. С. 31), вполне можно согласиться и со скептическим тезисом о боевом назначении колесниц бронзового века Южного Заура-

ля да и других степных районов и их широком использовании (Huttel, 1981. P. 46; Цимида-нов, 1996. С. 128). Сходные мысли по поводу степных колесниц бронзового века высказаны и Н. Бороффкой (Бороффка, 1999. С. 80).

Суждения об особой страте воинов-колесничих, колесничной знати у синташтинцев (Отрощенко, 2003. С. 75) не бесспорны. Могильные ямы с остатками повозок и «престижным» инвентарем не обязательно занимают центральное место в погребальных комплексах и вовсе не обязательно в них захоронены мужчины (Костюков, Епимахов, Нелин, 1995; Ткачев, 2002. С. 50; Ткачев, 2004. С. 27–28). Привязка синташтинских «колесничных погребений» к определенному социальному слою возможна, но это вовсе не обязательно должна быть военная знать (Ткачев, 2004. С. 28). Кстати, позднее В.В. Ткачев высказал точку зрения, отрицающую наличие исключительно военной страты в синташтинских общинах (Ткачев, 2007. С. 129).

По нашему мнению, подобным статусом вполне могли обладать и иные персоны, в частности, занимавшие высокое положение в системе металлопроизводства и, соответственно, в сфере отправления разнообразных обрядов. Некая престижность помещения определенным персонам в могилу деталей двухколесных повозок, по сути, может являться и воспроизведением модификации объемного «макета» погребального мифа о путешествии души определенных членов клана, столь хорошо известного, в частности, по древностям катакомбного «мира». Думается, этот мифологический сюжет позднее стал общим для больших групп степного населения, синхронных памятникам синташтинского типа, в других районах степей Восточной Европы. Ссылки на почти полное отсутствие колесниц или их деталей в синхронных синташтинских памятниках Поволжья, Подонья кажутся слишком категоричными (Кузьмина, 2000. С. 6–7). Известны примеры «нелогичной» микропланиграфии размещения тела погребенного и погребального инвентаря на полу погребальной камеры. В качестве примера приведем погребение 4 кургана 16 Власовского могильника (Синюк, Погорелов, 1993. С. 14), где скелет погребенного и предметы погребального инвентаря окаймляют «свободное» от погребального инвентаря и ничем не заполненное пространство пола. В.В. Отрощенко считает обсуждаемое погребение и ему подобные многокамерными склепами, принадлежавшими колесничной знати (Отрощенко, 1996а. С. 14–16). Не отрицая этого мнения, хотелось бы обратить внимание исследователей на то, что свободное пространство здесь вполне сопоставимо с размерами аккуратно положенных колес колесницы: именно положенных на пол погребальной камеры, а не вкопанных, как это практиковалось в синташтинских, а затем и в петровских погребениях Южного Зауралья. В упомянутом выше погребении есть и псалии. Имеются и другие примеры подобного рода. Детали повозок, элементы упряжи коней могли быть представлены как имитациями (Костюков, Епимахов, Нелин, 1995. С. 175), так и моделями, выполненными из органических материалов. Вряд ли возможно принять точку зрения Ю.П. Матвеева о том, что колесничным должно объявляться погребение с любой из принадлежностей снаряжения колесничного коня, например, с псалиями. Дело в том, что строгие доказательства принадлежности псалиев исключительно упряжи колесничных коней пока отсутствуют.

В заключении рассмотрения сюжета необходимо заметить, что в синташтинских и синхронных им памятниках восточноевропейских степей, исходя из заявленной выше посылки, преобладала традиция помещения в погребальные камеры именно частей (прежде всего, колес) колесниц, а не целых экземпляров. Критика правомерности реконструкций колесниц Синташтинского могильника, высказанная М. Литтауэр и Д. Кроуэллом, поддержанная Е.Е. Кузьминой (Кузьмина, 2000. С. 6), представляется вполне корректной и справедливой (Littauer, Crouwel, 1996. P. 939), поскольку эти реконструкции, в частности, ширина колеи, основаны на фиксации деталей колесниц (прежде всего, расстояния между колесами), размещение которых было ограничено, скорее не реальными размерами, а параметрами погребальной камеры. В качестве иллюстрации к рассматриваемому сюжету обратимся к материалам нескольких синташтинских могильников в Южном Зауралье. В дне

ямы 12 Большого грунтового Синташтинского могильника (СМ) находим, по меньшей мере, четыре или даже пять углублений, которые возможно трактовать как углубления для колес (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 162). Для того чтобы убедиться в этом, необходимо сравнить профили, ориентировку и взаиморасположение этих углублений. По две пары углублений находились в противоположных половинах дна ямы, а последнее — ближе к середине одной из длинных сторон ямы. В данном случае возможно говорить о нескольких вариантах решения вопроса. Либо в этой яме была представлена имитация четырехколесной повозки, или опять-таки имитация двух двухколесных повозок, колеса которых были вкопаны в противоположных концах ямы. Либо мы наблюдаем здесь редкий случай смены места установки колес в погребальной камере во время погребальной церемонии. Не исключено также, что было вкопано и пять колес. В любом случае эти остатки не могут являться основанием для реконструкций, поскольку являются частью имитации повозки, где «кузовом» мыслится сама деревянная погребальная камера. Еще более однозначен пример из раскопок могильника Каменный Амбар-5, где в яме 6 кургана 2 расчищено лишь одно колесное углубление в дне (Костюков, Епимахов, Нелин, 1995. С. 162). В.И. Стефанов и А.В. Епимахов полагают, что в ходе погребальной церемонии (Синташтинский III малый курган) (С III) повозка могла ставиться в погребальную камеру лишь на время или ее помещение в погребальную камеру имитировалось (Стефанов, Епимахов, 2006. С. 271).

Таким образом, появление колесниц, запряженных конями, у населения Волго-Уралья конца периода средней бронзы, таким образом, более логично связывать с целым рядом групп степного населения этого и соседних регионов, а не только с обитателями синташтинских укрепленных поселений Южного Зауралья. Практика их использования и социальный статус их владельцев далеко не столь однозначны, как это представлялось ранее.

2.7. Историческая судьба синташтинского населения

По нашему мнению, историческая судьба синташтинцев связана не с трансформацией их в обособленную культуру, а с формированием на основе синташтинских культурных стереотипов комплексов алакульских культур Южного Урала, Зауралья и Казахстана. Однако переход от памятников синташтинского типа к памятникам петровского типа, во всяком случае, в районе Южного Зауралья, несмотря на явные и многолинейные соответствия (планиграфия и архитектура поселений, модель организации погребальных площадок, гончарство и металлопроизводство и т.д.), не был столь же эволюционным, как переход от петровских памятников к памятникам с керамикой типа Алакульского могильника (по К.В. Сальникову). Можно сказать, что переход от памятников синташтинского типа видится, скорее, как развитие системы заимствований одним сообществом у другого, нежели эволюция одного.

Спорным, на наш взгляд, выглядит утверждение о синташтинском населении Южного Урала как основе для формирования целой свиты культур бронзового века. Как кажется, в условиях открытых ландшафтов степей Восточной Европы и интенсивных разнообразных межкультурных контактов степных обществ, определение конкретной территории исхода, точки культурного открытия или изобретения с использованием даже современного арсенала методов археологической науки вряд ли возможно. В этих условиях более разумным будет, как представляется, обращение к понятию «стадиальность».

Массовый исход «синташтинцев» из Южного Зауралья на юг и запад до Балканского полуострова и Карпат, сопровождавшийся сожжением укрепленных поселений, о котором говорят исследователи (Г.Б. Зданович, Д.Г. Зданович, В.В. Отрощенко), вряд ли будет когда-либо доказан. Вряд ли возможно согласиться с Г.Б. и Д.Г. Здановичами, утверждающими об уходе синташтинского населения из Южного Зауралья на позднем этапе их истории (Здано-

вич Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 58). Причем ранее Г.Б. Зданович указывал на южное направление петровской миграции в Иран, а синташтинской — в Индию (Зданович, 1989. С. 189).

Избирательность направления миграции выглядит очень странной и нуждается в объяснении причин, движущих сил. В.С. Горбунов, в частности, скептически оценивает саму эту идею (Горбунов, 2003. С. 99–100). В принципе западный «фланг» синташтинского влияния, конечно, реален. Однако едва ли именно оно стало определяющим для процесса формирования культур срубного «мира». Что касается типологических соответствий, то они могут иметь, — особенно в переходные периоды, к одному из которых относятся и синташтинские памятники, — не культурную, а стадиальную природу. То же можно сказать и о гипотезе Е.Е. Кузьминой по поводу миграции степных скотоводов в Среднюю Азию в синташтинское время (XX–XVIII вв. до н.э.) (Кузьмина, 2008. С. 335).

Возможно поставить вопрос об относительно непродолжительном времени бытования как синташтинского населения в Южном Зауралье, так и синташтоидного северо-казахстанского. Мы полагаем, что корректнее говорить о быстром распространении среди аборигенного населения степей Казахстана и Южного Урала престижных синташтинских стереотипов, нежели о массовой единовременной (или в два этапа, по Г.Б. и Д.Г. Здановичам) физической миграции самих синташтинцев. В связи с обозначенной проблемой автор данной работы призывает вновь вернуться к обсуждению вопроса о лингвистической принадлежности аборигенного населения степей Казахстана и Южного Урала в период их контакта с населением, создавшим памятники синташтинского типа. Синташтинское население, учитывая его относительную малочисленность и территориальную локализацию, вряд ли могло быть единственной составляющей (как считает В.В. Ткачев) основы культур раннеалакульского периода в Южном Зауралье, Зауралье и Казахстане. Его культурогенетическая активность может быть объяснена лишь через его некую значимость, прежде всего, для аборигенного населения этих районов. Если попытаться оконтурить возможные области значимости, то, пожалуй, единственно возможными основаниями будут пастушеское скотоводство, а скорее, металлургия и металлообработка бронзы, вмонтированные в тотальную ритуально-магическую практику. Но и они обеспечивали значение синташтинского населения и его престиж в глазах современников лишь на протяжении короткого времени, поскольку южнозауральские месторождения лишь непродолжительное время доминировали в регионе. Однако и этого времени хватило для того, чтобы синташтинские кланы передали формирующемуся петровскому (раннеалакульскому) населению свое видение не только металлургии и металлообработки бронзы, но и экономическую модель системы жизнеобеспечения, архитектурный стиль, технологию гончарства, концепцию формирования некрополей, заложив, таким образом, основу для формирования алакульских культурных стереотипов. Мы, как и прежде, настаиваем на подобном объяснении рассматриваемой проблемы, поскольку не видим пока других веских мотивов для выявления устойчивых межобщинных связей в Южном Зауралье и Казахстане в этот период. Необходимо учитывать и локальные миграционные возвратно-поступательные перемещения групп родственного скотоводческого населения, которые увеличивали частоту разнообразных межобщинных связей, способствуя формированию культурного единства.

Авторская позиция в понимании памятников синташтинского типа опирается на следующие реперы:

1. Укрепленные поселения синташтинского типа маркируют периферию территории некоей специфической (металлопроизводящей) группы населения рубежа среднего и позднего бронзового века Южного Урала, жизнь которой была регламентирована и табуирована сводом правил, предписывавших сооружение мощных, но не обязательно использовавшихся по прямому назначению, оборонительных сооружений.

2. Синташтинские укрепленные поселения, судя по ряду наблюдений, существовали не в одно и то же время, никогда не были заселены полностью и функционировали в каком-

то особом режиме. Скорее всего, это был режим сезонного посещения с постоянным проживанием в них лишь относительно небольшой группы населения. Погребальные поля именно этих нескольких больших семей мы и находим рядом с поселениями.

3. Мотивация появления укрепленных поселений синташтинского типа именно в области Зауральского пенеппена, как представляется, может быть понята лишь через металлопроизводство, причем до тех пор, пока: а) не заработали на всю мощь каргалинские рудники, снабжая формирующееся срубное население металлом; б) не были открыты мощные казахстанские медные месторождения, т.е. пока обращение к местным, достаточно небольшим, месторождениям было актуальным. Это относительно небольшой хронологический интервал на рубеже III–II тыс. до н.э., отпущенный историей на энергичное усвоение местными группами населения синташтинских культурных стереотипов. Причем все известные сейчас синташтинские укрепленные поселения были локализованы в своеобразной «пограничной» полосе, северо-восточнее, восточнее и юго-восточнее которой уже в синташтинское время резко активизировались культурогенетические процессы, основным «действующим лицом» которых были именно потомки населения местных постэнеолитических или пережиточно-энеолитических культур. Надо полагать, в самих синташтинских укрепленных поселениях возможно увидеть и места, где или рядом с которыми периодически и происходил процесс трансляции культурных стереотипов. Основным итогом этого процесса было быстрое формирование петровского (раннеалакульского) культурного комплекса.

Таким образом, синташтинские древности Южного Урала, по нашему мнению, должны атрибутироваться как специфический тип памятников переходного от среднего к позднему бронзовому веку периода.

ГЛАВА 3. ПАМЯТНИКИ ПЕТРОВСКОГО ТИПА. ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРОБЛЕМЫ

3.1. История изучения и территориальные пределы распространения памятников петровского типа

История изучения памятников петровского типа, как и синташтинских, началась на рубеже 1960–1970-х гг. Именно тогда они были выделены Г.Б. Здановичем в Петропавловском Приишимье и интерпретированы им первоначально как раннеалакульские, а затем обособлены в отдельную культуру (Зданович, 1983. С. 48–68; Зданович, 1988. С. 16). Круг памятников этого типа представлен здесь как поселениями (Боголюбово I, Новоникольское I, Петровка II), так и могильниками (Берлик II, Кенес, Аксайман, Бектениз, Графские Развалины и др.).

В 1970–1980-е гг. в ходе обследования территории Кустанайской области (ныне Костанайская область Республики Казахстан), в Верхнем Притоболье В.В. Евдокимовым выявлена серия поселенческих памятников с петровскими материалами. В 1971 г. В.В. Евдокимов приступил к изучению укрепленного поселения Семиозерное II в Верхнем Притоболье (Евдокимов, Логвин, 1972. С. 289; Евдокимов, Логвин, Бурнаева, 1975. С. 484–485). Известны петровские материалы и из раскопок В.В. Евдокимовым поселения Конезавод III.

Обживалось в Верхнем Притоболье в петровское время и известное Алексеевское поселение. В фондах ГИМа в составе коллекции керамики из этого памятника имеется серия петровских сосудов (рис. 34, 1–2). Кроме того, на этой же территории начиная с 1991 г. В.Н. Логвиным, А.В. Логвиным, С.С. Калиевой и И.В. Шевниной и рядом других археологов, исследованы несколько петровских могильников (Бестамак, Токанай-1) (Логвин, 2005; Логвин, Шевнина, 2005; Логвин, Шевнина, Колбина, Нетета, 2007).

Работами Т.М. Потемкиной убедительно доказано присутствие петровского населения в районе Среднего Притоболья (поселение Камышное II, могильники Раскатиха, Верхняя Алабуга) (Потемкина, 1985. С. 184, 193. Рис. 77; 83). Археологическое обследование экспедицией ЧГПИ берегов р. Миасс в пределах Щучанского, Шумихинского районов, притоков р. Тобол (Куртамышский, Целинный и др. районы) выявило серию поселенческих и погребальных памятников с петровскими материалами (поселения: Белоярское IV, Кузнецово II, Михалево I и др.), отдельные петровские погребения в Куртамышском районе (могильник Грызаново), Целинном районе (Подуровка IV) (Археологическая карта Курганской области, 1993).

Во второй половине 1970–1980-х гг. усилиями сотрудников научных археологических центров г. Челябинска в Южном Зауралье было выявлено и обследовано большое количество петровских поселений по берегам различных рек (в основном Тоболо-Иртышского бассейна), озер Челябинской области. Это такие памятники, как Селезян I, Архангельский Прииск I, Кулевчи III, Кулевчи «Д», Владимировка I, Городищенское III, Старо-Кумлякское поселение и др. На поселении Кулевчи III, где представлены как петровский, так и собственно алакульский слои, вскрыто 3000 кв. м (Виноградов, 1982. С. 94–100). Второй масштабно исследованный в Южном Зауралье петровский поселенческий памятник – укрепленное поселение Устье I (Виноградов, 2004). К слову сказать, петровский слой имеется и на большинстве известных синташтинских укрепленных поселений в этом районе. Недавняя публикация некоторых сосудов из подъемных сборов на территории укрепленного поселения Исинеи в Варненском районе Челябинской области позволила и этот памятник считать обитавшимся не только в синташтинское, но и в петровское время (Зданович, Батанина, 2007. С. 93. Рис. 44, 5,8,10). Петровские погребения изучены под курганами могильников: Кривое Озеро, Троицк-7 (Костюков, Епимахов, 1999. С. 66–70); Большекараганский (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996. С. 78. Рис. 14). Как петровско-алакульские рассматриваются ранние погребения могильника Кулевчи VI (Виноградов, 1984. С. 149. Рис. 8). Несколько

могильников с петровскими погребениями исследовано в окрестностях с. Степного Пластского района Челябинской области: могильник Степное I (Стоколос, 1962. С. 3–20), могильник Степное-7 (Зданович, Куприянова, 2007. С. 140–144). В последние годы экспедиция Курганского государственного университета (С.Н. Шилов) приступила к изучению петровских погребений в могильнике бронзового века Озерное I в Звериноголовском районе Курганской области (Гилева, Худобородова, 2011. С. 73–75).

Ареал памятников петровского типа намного шире, чем синташтинских (рис. 31). Наиболее западные из них приурочены к долинам небольших рек Тоболо-Иртышского бассейна и левых притоков верхнего течения р. Урал. Восточные пределы их не выходят за границы Среднего Притоболья. Северо-восточные границы распространения памятников петровского типа удалось зафиксировать А.В. Матвееву (Чистолесбийский могильник в Зауралье) (Матвеев, 1998). Юго-восточные петровские памятники находятся в Петропавловском Приишимье, где и были первоначально открыты Г.Б. Здановичем. Наиболее дискуссионны южные границы памятников петровского типа. Верхнее Притоболье, благодаря работам О.А. Кривцовой-Граковой, В.В. Евдокимова, В.Н. Логвина и др., уверенно включается в ареал распространения петровских памятников (Евдокимов, 1983. С. 35–38; Логвин, 1999. С. 115; Логвин, 2005. С. 190–194). В Центральном Казахстане В.В. Евдокимовым, А.А.Ткачевым, И.А. Кукушкиным изучен целый ряд памятников начальной фазы позднего бронзового века таких, как поселение Икпень II, могильники Сатан, Нуртай, Актобе I, II, Икпень I, Ацису, Аяпберген. Памятники этого региона и времени обособлены А.А. Ткачевым в особый нуртайский тип или даже нуртайскую культуру (Ткачев, 1999. С. 22–28). Однако перечень признаков, положенных в основу их обособления, чрезвычайно близок петровским Северного Казахстана и Южного Зауралья. Нуртайские памятники Центрального Казахстана, по нашему мнению, также должны быть включены в территорию, занятую памятниками петровского типа в ранге варианта. И наконец, в последние годы стали известны единичные находки петровских или близких им по облику материалов из района Самарканда в Средней Азии (Кузьмина, 2000. С. 16). Особенно интригующими представляются материалы поселения металлургов Тугай у Самарканда, исследованного Н.А. Аванесовой. Одна из керамических серий из раскопок этого памятника демонстрирует явные петровские признаки, включая формовку на сосудах-основах (Кузьмина, 2008. С. 52. Рис. 11, 7–16).

В общей сложности нами учтено 80 петровских памятников и эта цифра не является окончательной.

Петровским памятникам Южного Зауралья в более западных районах степей соответствуют раннесрубные. В.В. Отрощенко полагает, что петровские древности синхронны первому периоду покровской срубной культуры (Отрощенко, 2000. С. 70). Можно уверенно говорить о наличии в Южном Зауралье петровско-раннесрубной контактной зоны.

3.2. Материальный мир памятников петровского типа

В абсолютном большинстве поселения с петровской керамикой известны в Южном Зауралье лишь по результатам разведочных работ. В отличие от синташтинских, петровские поселения в Южном Зауралье представлены как укрепленными, с оборонительными системами подпрямоугольными в плане, так и неукрепленными поселениями. В серии укрепленных поселений масштабные работы проведены лишь на поселениях Устье I, Аландское, Ольгино (Каменный Амбар). Судя по публикации керамики, в какой-то мере обживалось в петровское время и укрепленное поселение Аркаим.

Особенности конструкции оборонительных стен петровских укрепленных поселений в Южном Зауралье известны пока лишь по материалам поселения Устье I. Здесь ее составляли, вероятнее всего, придвинутые друг к другу деревянные срубы, заполненные землей. Г.Б. Зданович и И.М. Батанина считают, что подобная конструкция стен, дополненная в ряде

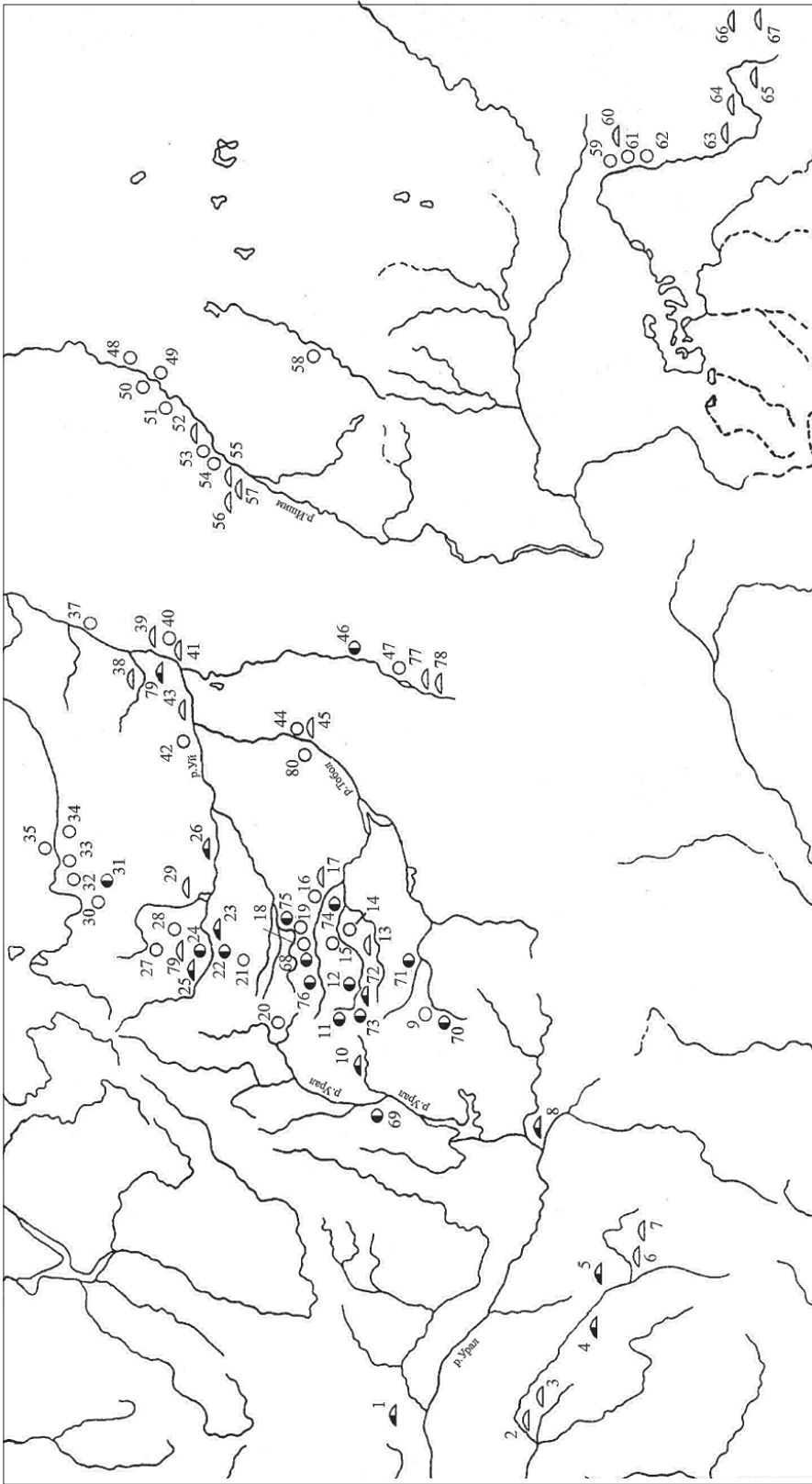

Рис. 31. Карта-схема распространения памятников петровского типа

● — синташтинские поселения; ○ — поселения с синташтинскими и петровскими материалами; ○ — петровские поселения;
 ▲ — синташтинские могильники; ▲ — могильники с синташтинскими и петровскими материалами; ▲ — петровские могильники.
 1 — мог. Герасимовский II; 2 — мог. Близины (Кумак); 3 — мог. Уяк; 4 — мог. Танаберген II; 5 — мог. Восточно-Курайли I; 6 — мог. Жаман-Каргала II; 7 — мог. Ульке II; 8 — мог. Новый Кумак; 9 — пос. Ягодный Дол (Берсуат); 10 — мог. Большескараганский; 11 — пос. Конолянка; 12 — пос. Ольгино (Каменный Амбар); 13 — курганы у с. Княженское; 14 — пос. Городищенское III; 15 — пос. Елизаветпольское VII; 16 — пос. Кулевчи III; 17 — мог. Кулевчи VI; 18 — пос. Ольховка II; 19 — пос. Толсты II; 20 — пос. Куйсак I; 21 — пос. Архангельский Прииск I; 22 — пос. Чернореченское III; 23 — мог. Кривое Озеро; 24 — пос. Степное; 25 — мог. Степное I; 26 — мог. Березовский; 27 — пос. Старо-Кумлякское; 28 — пос. Кинзерское I; 29 — мог. Троицк-7; 30 — пос. Калачево I; 31 — пос. Шибаево I; 32 — пос. Селезья I; 33 — пос. Кыскайкуль (Таукаево I); 34 — пос. Кузнецово II; 35 — пос. Белярское IV; 36 — мог. Чистолесбязжий; 37 — пос. Камышное II; 38 — мог. Грызаново; 39 — мог. Верхняя Алабуга; 40 — пос. Алабуга; 41 — мог. Раскатиха; 42 — пос. Михалево I; 43 — пос. Подуровка IV; 44 — пос. Конезавод III; 45 — пос. Конезавод; 46 — пос. Семизерное II; 47 — пос. Карамурза VIII; 48 — пос. Карлута II; 49 — пос. Боголюбово I; 50 — пос. Олышанка; 51 — пос. Новоникольское I; 52 — мог. Петровка; 53 — пос. Петровка II; 54 — мог. Амангельды I; 55 — мог. Берлик II; 56 — мог. Кенес; 57 — мог. Аксайман; 58 — пос. Кеноткель IX; 59 — пос. Икпелен I; 60 — мог. Икпелен; 61 — пос. Икпелен III; 62 — пос. Икпелен II; 63 — мог. Актобе I; 64 — мог. Актобе II; 65 — погребение на р. Алтынсу; 66 — мог. Нуртай; 67 — мог. Саган; 68 — пос. Устье I; 69 — пос. Кизильское; 70 — пос. Кривой Дол (Андреевское); 72 — мог. Каменный Амбар-5; 73 — пос. Журумбай; 74 — пос. Исиной; 75 — пос. Чекогай; 76 — пос. Родники; 77 — мог. Бестамак; 78 — мог. Токанай I; 79 — мог. Степное-7; 80 — пос. Алексеевское

случаев глиняной или каменной облицовкой, была характерна и для многих синташтинских укрепленных поселений (Зданович, Батанина, 2003. С. 73). Петровское Устье, в отличие от синташтинского (округлого в плане и дважды перестроенного), прямоугольное, с заovalенными углами, площадью до 20000 кв. м (вскрыто раскопом 3000 кв. м). Длинными сторонами петровское Устье вписано в береговую возвышенную площадку (рис. 32). Именно в это время вдоль продольных участков обводной стены, примыкая к ней вплотную изнутри, были сооружены два блока стандартных помещений, разделенных магистральной улицей. Она рассекала внутреннее пространство по продольной осевой линии. Застройку характеризуют неглубокие котлованы (до 0,4 м от уровня материка), засыпные стены-перегородки и угловые выходы с подъемом-пандусом на магистральную улицу (рис. 33). Не вполне ясен вопрос с грунтом засыпки стен. Наличие в котлованах помещений мощных зольников не исключает варианта исключительно зольного заполнения стен. Причем внутреннее пространство стен, скорее всего, заполнялось золой постепенно, в процессе функционирования помещений. Площадь каждого помещения в ССВ половине поселения примерно 160 кв. м. Предполагается деревянное покрытие полов. Стены помещений ССВ массива в одной (жилой?) половине штукатурились, а в другой (производственной?), скорее всего, нет. В «производственной» части каждого помещения находились колодцы, поразительно строго стоявшие «в створе» по всему блоку помещений. Этот факт вместе с многими другими чертами архитектурной цельности поселения дает основание предполагать и существование предварительного плана поселения, и разметку застраиваемой площадки, и использование некоей системы абсолютных измерений.

Другим масштабно изученным (вскрыто 3000 кв. м) поселенческим памятником петровского типа в Южном Зауралье является поселение Кулевчи III (Виноградов, 1982. С. 94–99). Архитектура поселения Кулевчи III представлена руинированными сооружениями, отражающими три этапа истории функционирования памятника. Наиболее ранний (помещения 2–5) характеризует остатки плотной, при отсутствии остатков фортификации, застройки петровского этапа истории алакульской культуры в Южном Зауралье. Второй этап представлен слабо заглубленной в материк обширной по площади постройкой 7 с каркасной системой организации стен и с керамикой типа Алакульского могильника. При ее сооружении был прорезан петровский слой. Заключает историю поселения Кулевчи III небольшое, в сравнении с предшествующими, полуземляночное строение 1 с алакульской и бишкульской (?) керамикой.

В архитектуре поселения Кулевчи III хорошо прослежена доминирующая тенденция эволюции типов построек степных культур Южного Зауралья позднего бронзового века: от массивов помещений под единой кровлей, разделенных засыпными стенами (синташтинский стандарт), к отдельно расположенным каркасным, слабо углубленным большесемейным домам (с керамикой развитого этапа истории алакульской культуры) и, наконец, к отдельно расположенным, относительно небольшим по площади полуземляночным строениям (позднеалакульское время). Однако исследованиями поселения Кулевчи III не выявлены остатки оборонительных укреплений, что вполне может быть объяснено значительными изменениями в организации хозяйственно-экономической жизни петровского населения Южного Урала в сравнении с синташтинским временем.

В Среднем Притоболье оборонительные укрепления зафиксированы Т.М. Потемкиной на поселении Камышное II (Потемкина, 1976. С. 97–106).

Из петровских укрепленных поселений в Северном Казахстане Г.Б. Здановичем широко исследовано лишь Новоникольское I: общая площадь, огражденная укреплениями, — 5700 кв. м; общая вскрытая, за весь период работ, площадь — 4951 кв. м и Петровка II — общая площадь памятника — 8500 кв. м (всего вскрыто 3665 кв. м) (Зданович, 1988. С. 26, 42). И тот и другой памятники демонстрируют сходную с южноуральскими поселениями форму площадки, ограниченной оборонительными сооружениями. Это прямоугольник со скругленными углами. Часть укрепленных поселений Северного Казахстана (поселение Петровка II)

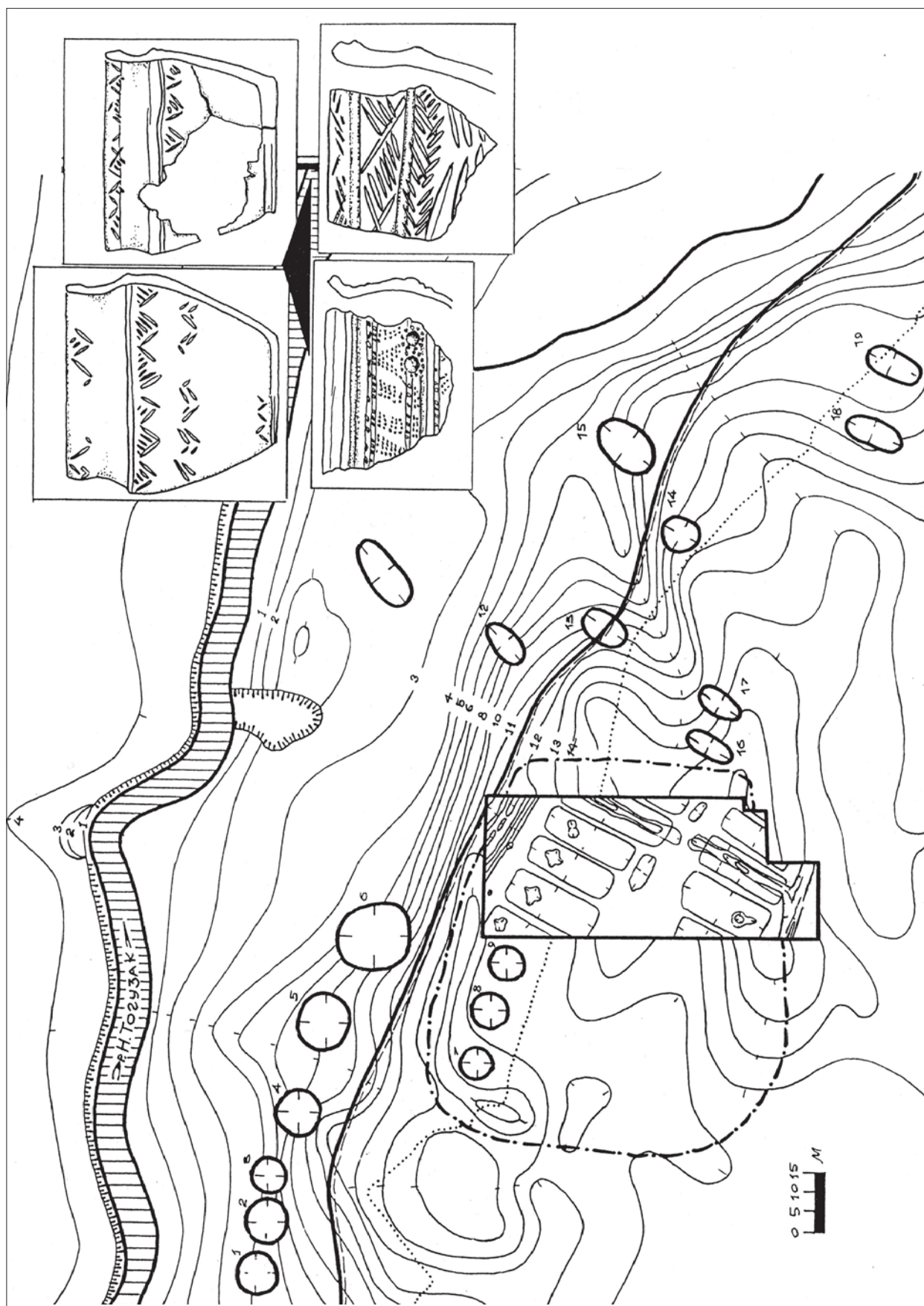

Рис. 32. Укрепленное поселение Устье I. Расположение памятника в рельефе

Рис. 33. Укрепленное поселение Устье I.
Часть очертаний оборонительных сооружений и внутренней застройки

обнаруживает следы перестроек и ремонта оборонительных укреплений. На поселении Новоникольское I, как и на поселении Петровка II (по Г.Б. Здановичу), петровская архитектура исследована фрагментарно и представлена относительно небольшими по площади (до 80 кв. м) наземными постройками с глинобитными полами, очагами нескольких типов, с короткими угловыми или торцевыми выходами. Главное здесь то, что постройки эти не связаны с оборонительными сооружениями (Зданович, 1988. С. 43. Рис. 13), что является нормой для всех остальных петровских поселенческих памятников. Возможно, после полной монографической публикации материалов этого памятника, обозначатся иные варианты решения этого вопроса.

По мнению С.А. Григорьева, фортификационная концепция петровских укрепленных поселений Северного Казахстана аналогична синташтинской и предполагала сооружение засыпных деревянно-грунтовых оборонительных стен (Григорьев, 1999. С. 25).

Полагаем, что на окраинах петровского ареала – в Петропавловском Приишимье (поселение Петровка II, поселение Новоникольское I), в Среднем Притоболье (поселение Камышное II), судя по облику керамики, традиция сооружения укрепленных поселений продолжилась в течение некоторого времени и позднее, на развитом этапе истории алакульских культур этих районов.

Неукрепленные петровские поселения в Северном Казахстане представлены исследованным В.В. Евдокимовым в Верхнем Притоболье поселением Конезавод III, где автор раскопок к петровским отнес две прямоугольные в плане постройки полуземляночного типа (площадью 95–114 кв. м) с глинобитным двуслойным полом, заглубленные в материк до 1,0 м (Евдокимов, 1983. С. 35). Петровские материалы известны и из раскопок О.А. Кривцовой-Граковой Алексеевского поселения (Кривцова-Гракова, 1948). Как петровские трактует ряд жилищ поселения Семиозерное II В.В. Евдокимов (Евдокимов, 1983). Как и синташтинские, большинство петровских построек характеризует значительная площадь, относительно неглубокие котлованы, каркасная организация стен.

Петровские погребения исследованы во всех районах распространения памятников петровского типа. В Южном Зауралье это могильник Кривое Озеро, могильник Каменный Амбар-5, Большекараганский могильник (курган 22), отдельные погребения могильника Кулевчи VI, могильников Степное I, Троицк-7. В Зауралье петровские погребения серийно изучены Т.М. Потемкиной в могильнике Верхняя Алабуга. Известны они и в Грызановском могильнике, в могильнике Чистолебяжье и ряде других погребальных памятников Среднего Притоболья. В Северном Казахстане петровские могильники, помимо могильника у с. Петровка, представлены такими памятниками, как Кенес, Берлик II, Аксайман, Улубай, Бекте-низ, Графские Развалины, Бестамак, Токанай I.

Петровский погребальный обряд в Южном Зауралье обнаруживает значительные черты сходства с синташтинским. Говоря об особенностях планиграфии подкурганной площадки петровских некрополей, нужно отметить, что господствует кольцевое расположение периферийных погребений относительно центрального или центральных. Это отмечено как для могильника Троицк-7, так и для могильника Кривое Озеро (Костюков, Епимахов, 1999. С. 66–67; Виноградов, 2003. С. 243). Однако известны и одномогильные погребальные комплексы (см., например, Логвин, Шевнина, Колбина, Нетета, 2006. С. 126). Мы настаиваем на целесообразности понимания одномогильных петровских курганов, не столько как погребений социально значимых персон, сколько как начального этапа функционирования некрополя большой семьи, рост которого мог быть прерванным в силу самых разнообразных конкретных причин.

Модель функционирования петровских некрополей была близка синташтинской. Как и в синташтинское время, надмогильные сооружения возводились над отдельными центральными погребениями и в процессе руинирования смыкались над всей погребальной площадкой. Для петровских могильников в Южном Зауралье (Кривое Озеро) отмечено использование части объема выкида для возведения над ямой некоей конструкции, площадь

которой ограничивалась размерами ямы. Затем конструкция заполнялась горючими материалами и поджигалась (Виноградов, 2003. С. 243). После совершения огненного ритуала над ямой возводилось надмогильное сооружение, возможно, ограниченное кольцевой (?) стенкой из дерновых блоков.

Однако, в сравнении с синташтинскими, параметры петровских могильных ям на Южном Урале иные. Яма под курганом 22 Большекараганского могильника имела размеры 2,55 × 1,6 × 0,8 м (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996. С. 75). В таких могильниках как Кривое Озеро в Южном Зауралье, Бестамак в Северном Казахстане, исследованные ямы с петровскими захоронениями взрослых людей имели размеры 3,35–3,9 × 2,0–2,6 × 1,2–1,5 м (Виноградов, 2003. С. 243), 3,44 × 1,8 × 1,0 м (Логвин, Шевнина, Колбина, Нетета, 2007. С. 126). Ямы, если сравнивать их с синташтинскими, менее глубоки. Однако продолжилась традиция сооружения деревянных или каменных погребальных камер, которые изготавливались из толстых досок, плах или каменных плит. Их высота не превышала 0,9 м. В углах детали погребальной камеры соединялись столбами или «в распор». Для всех районов распространения петровских памятников деревянные или выполненные из каменных плит погребальные камеры с захоронениями взрослых людей перекрыты поперечными деревянными перекрытиями или плитами камня (Центральный Казахстан). Особенностью петровской части могильника Кривое Озеро является устройство деревянного перекрытия погребальной камеры на уступах ямы. Безраздельно доминирует широтная ориентировка могильных ям.

Петровская погребальная обрядность предполагала для взрослых погребенных захоронение на левом боку, скорченно, головой преимущественно в западном секторе (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996. С. 78) (Логвин, Шевнина, Колбина, Нетета, 2007. С. 126). Как и в синташтинское время, детская погребальная обрядность не была обусловлена жесткой каноничностью. Особенно это касается позы погребенных и их ориентировки (Виноградов, 2003. С. 245). В сравнении с синташтинским временем уменьшается количество предметов погребального инвентаря.

Непосредственно со времени открытия памятников петровского типа в Северном Казахстане исследователи приступили и к систематизации представлений о петровском гончарстве.

Первооткрыватель памятников петровского типа в Северном Казахстане Г.Б. Зданович в специальной статье (Зданович, 1973. С. 21–43) охарактеризовал петровскую керамику практически по материалам лишь эпонимного могильника у с. Петровка, оставив без внимания петровские керамические коллекции из петровских поселений Северного Казахстана.

В комплексе керамики из могильника Петровка исследователь выделил три разновидности сосудов: «с острореберной профилировкой, оттянутым верхним, плоско срезанным краем; сосуды с более сглаженным ребром; банки с прямыми или выпуклыми стенками» (Зданович, 1973. С. 26). Наружная поверхность около половины из 28 обнаруженных при раскопках могильника у с. Петровка сосудов полностью орнаментирована. Остальные орнаментированы на 2/3 высоты от венчика до верхней части тулова включительно. Широко распространено орнаментирование днищ. Выполненный прочерчиванием орнамент представлен преимущественно зигзагами, заштрихованными наклонно равнобедренными треугольниками, горизонтальными желобками и ямочными вдавлениями. Единичны меандры, свастические символы (Зданович, 1973. С. 26–27. Табл. III). В редакции описания петровской керамики 1988 г. Г.Б. Зданович выделяет три группы петровской керамики: острореберные горшки горизонтальных пропорций с широкими горловинами и небольшим дном, составляющие «специфику петровской посуды»; подобные же горшки, но со сглаженным ребром при переходе от плеча к тулову; баночные формы (Зданович, 1988. С. 110). Исследователь вновь подчеркнул немногочисленность орнаментальных элементов ранней и поздней петровской керамики и подразделил технику их выполнения в соответствии с логикой развития выделенной им петровской культуры.

По итогам исследования серии ярких петровских комплексов в пределах Кустанайской области современной Республики Казахстан В.В. Евдокимов выделил в петровском керамическом комплексе четыре разновидности сосудов: «горшковидные сосуды с плавной линией профилировки; горшковидные с ребром; горшечно-баночные и банковидные» (Евдокимов, 1983. С. 35). В.В. Евдокимов отмечает, что для большой выборки петровских сосудов характерна полная орнаментированность наружной поверхности и использование относительно небольшого набора орнаментальных элементов.

Т.М. Потемкина, в соответствии с авторской концепцией автохтонного происхождения алакульской культуры в Среднем Притоболье, при классификации керамики из исследованных ею алакульских памятников выделяет большую группу остросереберных сосудов «часто с воротничком на шейке» и трехзональным членением орнаментации (наклонно заштрихованные треугольники, горизонтальные линии, зигзаги) (Потемкина, 1983. С. 23–24). Именно эту группу керамики Т.М. Потемкина связывает как с памятниками новокумакского хронологического горизонта (Потемкина, 1983. С. 22. Рис. 3), так и с петровскими комплексами Северного Казахстана. Характеризуя керамику из выделенной ею второй группы погребений могильника Верхняя Алабуга, исследователь отмечает, что она представлена исключительно (кроме единственного баночного сосуда) остросереберными сосудами с «воротничком» по шейке, орнаментированным по двум-трем зонам тремя основными элементами (Потемкина, 1983а. С. 15–17. Рис. 2). И вновь Т.М. Потемкина подчеркивает связь этой группы керамики могильника Верхняя Алабуга с петровскими памятниками Северного Казахстана (Потемкина, 1983а. С. 18). Ею же была разработана типология керамики бронзового века Среднего Притоболья из трех групп. В подгруппе I Г находим интересующую нас керамику (Потемкина, 1985. С. 193. Рис. 83; С. 268).

Характеризуя петровскую керамику, ведущий исследователь памятников петровского типа в Степном Приуралье В.В. Ткачев приводит свое видение ее эволюции от синташтинской к петровской, когда «наряду с остросереберными горшками, у которых исчезает внутреннее ребро, появляются сосуды с уступчатым плечом и посуда промежуточных форм. На подобной керамике шейка иногда оформлена каннелюрами и имеет неорнаментированную зону в нижней части» (Ткачев, 1998. С. 41). Полемицируя с А.В. Матвеевым об особенностях керамики «кулевчинского» (по А.В. Матвееву) этапа, В.В. Ткачев, не приводя системы поддерживающих аргументов, скептически оценивает тезис о доминанте в петровском керамическом комплексе сосудов с «воротничком» по шейке, указывая, что в петровских памятниках керамика с утолщением-воротничком под венчиком имеет региональное распространение, поскольку зафиксирована лишь в Зауралье и Притоболье (Ткачев, 2003. С. 119). Полагаем, что для столь решительного заключения нет оснований. Посуда «кулевчинского» типа с утолщением-воротничком под венчиком, ребром или ребром-уступом при переходе к усеченно-коническому или слегка выпуклому тулову, двух-трехзональным размещением орнаментации, где набор элементов достаточно невелик, широко распространена практически во всех районах петровских (раннеалакульских) памятников, включая Центральный Казахстан (памятники нуртайского типа), за исключением окраинного в петровском ареале Степного Приуралья, которое на протяжении позднего бронзового века постоянно было частью срубно-алакульской контактной зоны (Ткачев, 1998. С. 45) с достаточно нестабильным в культурном отношении населением и археологически не фиксируемой его периодической сменой. Это достаточно хорошо отражает облик керамики из исследованных В.В. Ткачевым могильников Степного Приуралья (Ткачев, 1998. С. 51. Рис. 3; С. 52. Рис. 4). Технология лепки самого «воротничка» сосудов из могильников Степного Приуралья, слегка изогнутого в профиле, насколько возможно судить по публикации, указывает на относительно поздний, в пределах истории рассматриваемого типа, возраст. Авторские наблюдения над подобными формами позволяют отнести их практически ко времени развитой алакульской культуры Южного Зауралья. Мы не считаем возможным, вслед за Г.Б. Здановичем и В.В. Ткачевым, говорить о «реминисцентном» сосуществовании в пределах одного

и того же погребального комплекса керамических форм, которые в поселенческой жизни никогда уже вместе не использовались. Известные нам материалы не подтверждают этот тезис. Если в пределах одной погребальной площадки центральные и периферийные могилы содержат разновременную керамику, то подобные факты не обязательно должны интерпретироваться как сохранение архаичных традиций в погребальной обрядности. Более уместно предположение о хронологической последовательности совершения центральных и периферийных погребений.

В то же время нет оснований считать ясной и однозначно решаемой проблему смены синташтинского керамического стиля и погребального обряда петровским (раннеалакульским). По мере введения в научный оборот всех полученных за последние десятилетия XX в. комплексов уже сейчас возможно говорить о том, что в ряде петровских, по сути, погребальных памятников в Южном Зауралье (могильник Степное VII) (Зданович, Куприянова, 2007. С. 141–142. Рис. 1), а также в Костанайской области Республики Казахстан (Бестамак, Токанай I) и в Центральном Казахстане вместе с достаточно поздними формами керамики и типами металлических изделий (ножи-кинжалы, головные венчики и т.д.) устойчиво встречаются комплексы наконечников украшений, модель которых, впервые найденная при исследовании Синташтинского I могильника, выглядит для данного времени достаточно архаично (Усманова, 2010. С. 26. Рис. 26; С. 27. Рис. 29; С. 30. Рис. 34) (рис. 52, 10). Кроме этого, симптоматично сохранение некоторых архаических деталей формы петровской керамики в Северном и Центральном Казахстане, как, например, наклонных внутренних срезов венчика (см. И.А. Кукушкин, 2007).

Пока невозможно однозначно объяснить эти факты. Соблазнительно, конечно, объяснить их синхронным развитием синташтинских памятников Южного Урала и петровских памятников Казахстана, а сами эти памятники объявить отражением ранней стадии истории «петровской культуры». Однако отсутствие в этих районах синташтинских поселений и могильников, поселенческих памятников с массовым наполнением культурных слоев «синташтоидной» керамикой, убедительные стратиграфические наблюдения за чередованием синташтинских и петровских культурных слоев на памятниках Южного Зауралья, новейшие серии дат по C14, типологически более поздние серии роговых псалиев из петровских памятников Казахстана, в сравнении с синташтинскими Южного Зауралья, — все эти аргументы свидетельствуют, скорее, о пережиточных, палеоэтнографических, возможно, социальных маркерах, характерных для периферийных районов действия синташтинского культурогенетического импульса в аборигенной культурной среде, а также о миграционной активности петровского населения из Казахстана в Южное Зауралье.

В начале 1980-х годов мной была изучена петровская керамика в полном на то время объеме (Виноградов, 1983). Керамика памятников петровского типа, в их современном понимании, была отнесена ко второй группе классификации.

По-прежнему, как и в синташтинском гончарстве, петровские мастера используют технологию формовки новых сосудов на старых, обтянутых тканью (Виноградов, Мухина, 1985. С. 81). О технологической преемственности синташтинского и петровского гончарства свидетельствует и А.И. Гутков (Гутков, 1995. С. 134).

Петровская керамика, как и синташтинская, характеризуется преимущественным применением в качестве примесей к тесту измельченного талька и шамота.

Керамика из петровских памятников может быть подразделена на несколько подгрупп. Наиболее многочисленна подгруппа горшечно-баночных сосудов. Ведущим типом здесь являются сосуды преимущественно острореберной формы (с ребром или ребром-уступом в верхней трети высоты корпуса), с характерным утолщением — валиком под венчиком с внешней стороны (Виноградов, 2004. С. 266. Рис. 3; С. 271. Рис. 7) (рис. 34, 1–7; 35, 1–13). Однако, в сравнении с синташтинской керамикой, дьяла петровской существенно увеличивается доля сосудов со слабо выпуклым туловом. Отличает ее и отсутствие «внутреннего ребра» при переходе от шейки к плечу.

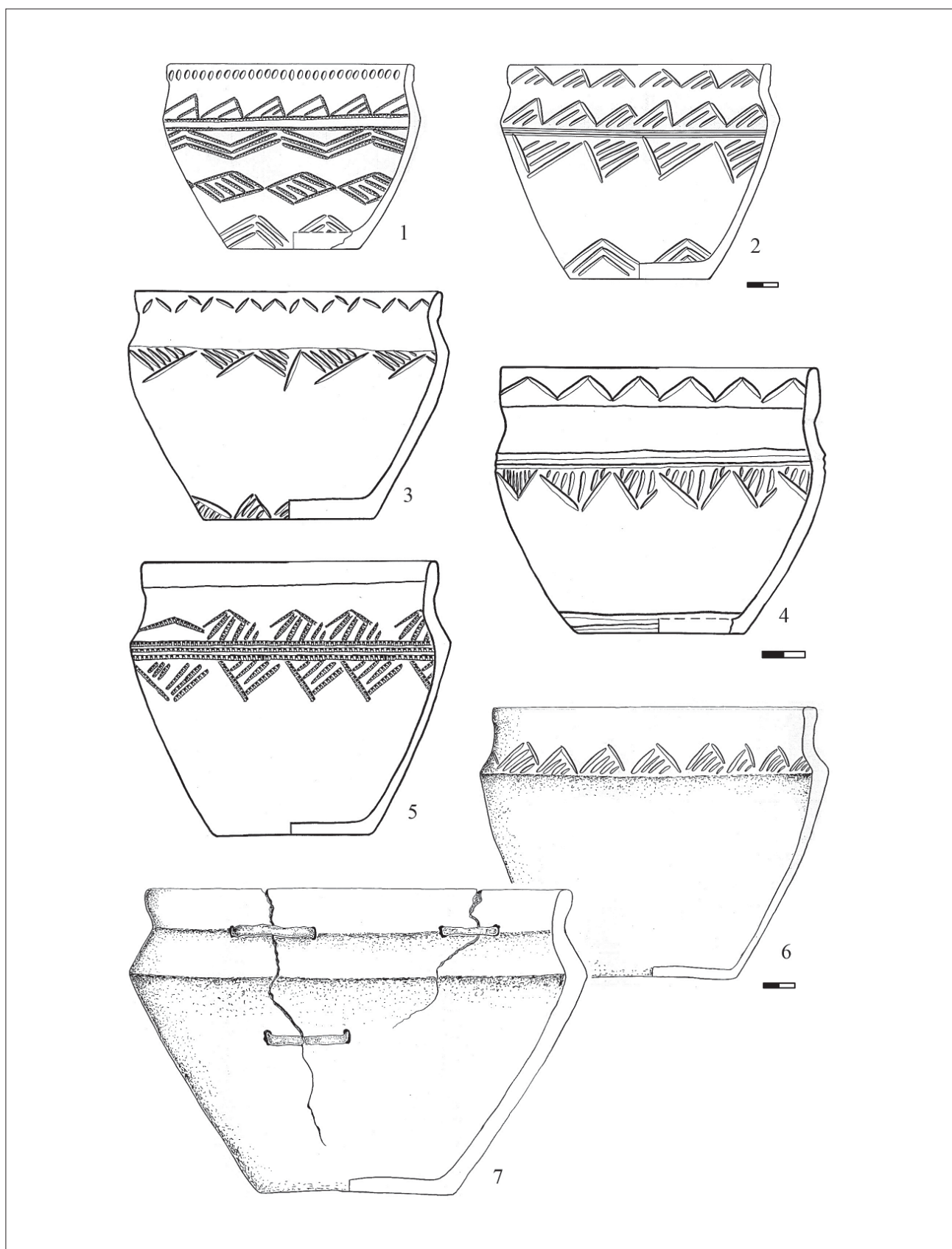

Рис. 34. Керамика памятников петровского типа

1-2 – Алексеевское поселение; 3-5 – могильник Степное I; 6-7 – могильник Грызаново.
1-2 по: (Кривцова-Гракова, 1948); 3-5 по: (Стоколос, 1962)

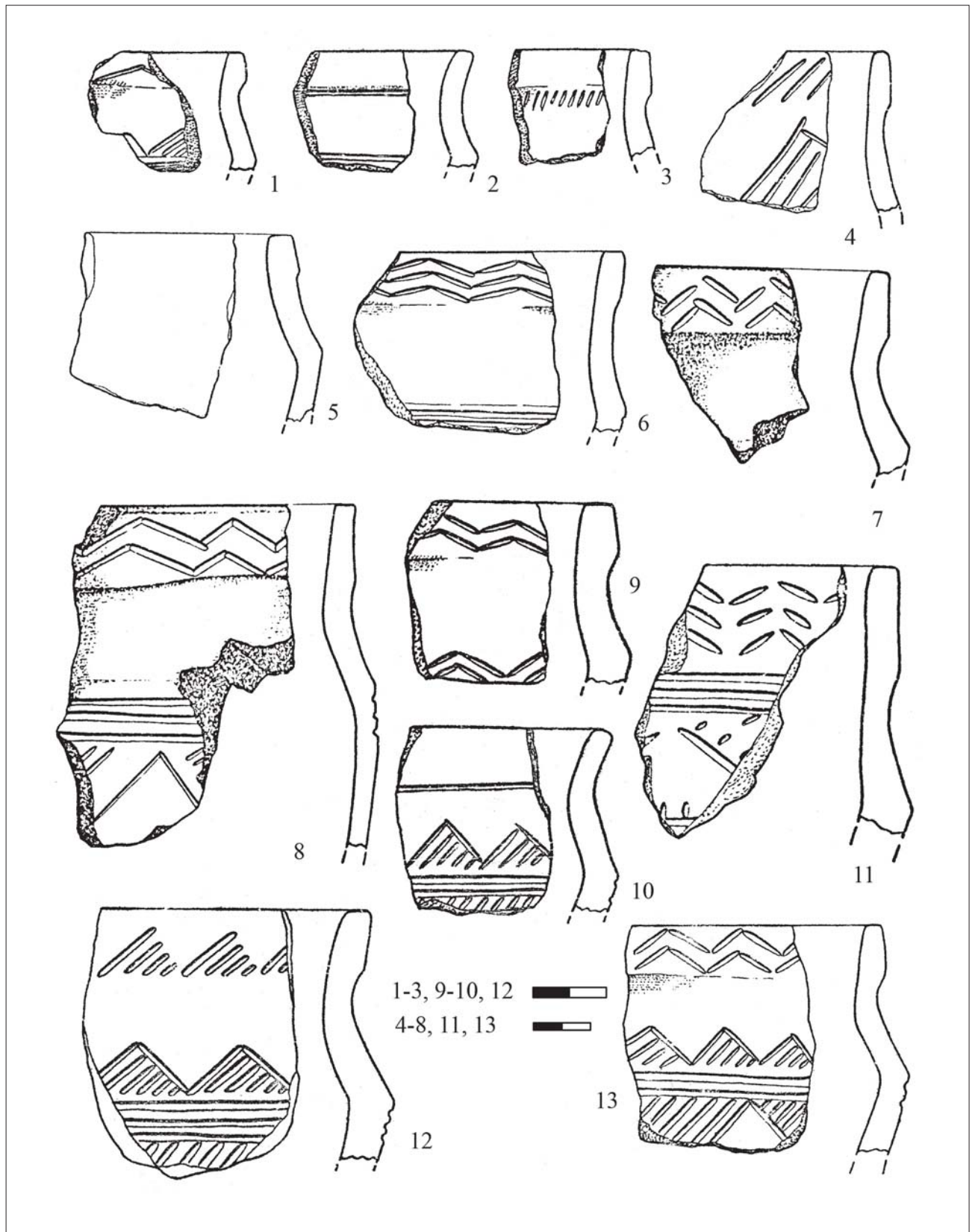

Рис. 35. Керамика памятников петровского типа

1-3 – поселение Владимировка I; 4 – поселение «У моста»; 5 – поселение Кинзерское I;
6 – поселение Городищенское III; 7-8 – Старо-Кумлякское поселение;
9-10 – поселение Архангельский Прииск I; 11 – поселение Кулевчи «Д»;
12 – поселение Чернореченское III; 13 – поселение Селезян I

Необходимо заметить, что ведущий тип петровской посуды ни на одном петровском памятнике не является единственным. Как правило, он сочетается с остросреберными горшечно-баночными сосудами с усеченно-коническим или слабо выпуклым туловом, прямой или отогнутой наружу, редко «сдвоенной» шейкой (рис. 36, 1–7; 37, 1–7) или с биконическими формами (рис. 38, 1–5). Мы полагаем, что А.В. Матвеев совершенно справедливо указывает, что при обсуждении хронологической позиции того или иного петровского памятника процентная доля ведущего типа петровской посуды выступает в качестве хронологического индикатора (Матвеев, 1998. С. 282–283). Чем больше в керамическом комплексе памятника сосудов упомянутого типа, тем более ранним в пределах петровских он должен считаться. Упомянутая прогрессия отражает эволюционное движение, маркированное постепенным увеличением доли сосудов с уступчатым плечом.

Подгруппа петровских баночных сосудов представлена преимущественно крупными сосудами-корчагами с утолщением-валиком под венчиком с внешней стороны (рис. 39, 1–4). Однако присутствуют и баночные сосуды небольшого объема (рис. 40, 1–7).

Орнаментация петровской керамики, как правило, устойчиво распределяется по двум-трем орнаментальным зонам. Сплошь орнаментированные по внешней поверхности сосуды крайне редки, как и орнаментирование донной части. Для петровских сосудов применялось от двух до семи элементов орнамента. Главным образом это наклонно заштрихованные равнобедренные треугольники, горизонтальные зигзаги в сочетании с горизонтальными линиями. И симптоматично, в этом контексте, выделение Ф.Н. Петровым в керамической коллекции из раскопок укрепленного поселения Аркаим типа 2 (Петров, 1996. С. 59. Рис. 1), сосуды которого, по мнению автора типологии, «близки петровским». Близость срубного «мира» обусловила в Южном Зауралье формирование срубно-петровской контактной зоны с неустойчивой типологией керамики. Материалы ряда могильников, в частности Большекараганского, — убедительное тому подтверждение (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996. С. 74–77. Рис. 12; 13). Отмечены также единичные случаи импортов раннесрубной (покровской) керамики в петровских погребениях, где они находились в одном комплексе с собственно петровскими сосудами (рис. 41). Однако эволюционная трансформация петровских комплексов в комплексы развитого (среднего) этапа истории алакульских культур Южного Зауралья и Казахстана обусловила наличие в петровских керамических коллекциях некоторого количества сосудов, форма которых вполне может быть соотнесена с алакульской керамикой развитого этапа. Это, в частности, можно сказать и о коллекции из петровского культурного слоя укрепленного поселения Устье I (рис. 42–46), из раскопок петровских построек поселения Кулевчи III (рис. 47–49). В керамических коллекциях из раскопок петровских памятников имеются единичные сосуды, определенные как изложницы (рис. 50, 1–2).

В целом, петровское гончарство отражает устойчивые, канонические традиции и может быть определено как раннеалакульское.

Заключая рассмотрение петровского гончарства необходимо подчеркнуть еще раз авторское видение памятников петровского типа. Таковыми могут считаться только поселенческие и погребальные памятники с керамикой хорошо известной по раскопкам укрепленного поселения Устье I, поселения Кулевчи III, Большекараганского могильника (курган 22), могильника Кривое Озеро (курганы 1, 2, частично курган 10).

Что касается погребальных петровских памятников Северного Казахстана с синташтоидной (по нашему определению) керамикой, то эти памятники, скорее всего, отражают кратковременный период сосуществования петровских и синташтинских комплексов, зафиксированный, кстати, и радиоуглеродным датированием (Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005). Первое, что бросается в глаза, это поразительная немногочисленность подобных памятников в сравнении с поселениями и могильниками петровского типа, основу керамического комплекса которых составляют остросреберные сосуды с воротничком-утолщением под венчиком. Второе, на наш взгляд, синташтоидные сосуды в петровской среде возможно трактовать и как существовавший в течение непродолжительного времени маркер соци-

альной идентификации петровской (раннеалакульской) элиты. Примечательно то, что в петровской керамике Северного Казахстана синташтоидность проявляется, прежде всего, в технологии и форме сосудов. С одной стороны, рнаментальная абашоидная «вуаль», столь привычная для ряда синташтинских памятников Южного Зауралья, в керамике синташтоидных петровских памятников Северного Казахстана практически не проявляется. Это касается даже миниатюрных остросереберных сосудов («светильников») (Логвин, Шевнина, Колбина, Нетета, 2007. С. 125. Рис. 1,4). С другой стороны, симптоматично нахождение в петровских синташтоидных комплексах Северного Казахстана плавнопрофилированных сосудов с вертикальной организацией орнамента (Логвин, Шевнина, Колбина, Нетета, 2007. С. 125. Рис. 1,1), которая близка энеолитической терсекской (Калиева, Логвин, 1997. С. 75. Рис. 18; С. 79. Рис. 20; С. 81. Рис. 21; Калиева, 2005. С. 176. Рис. 1). Ярким примером таких явно не случайных параллелей является широкое использование в практике орнаментации петровских и алакульских сосудов в Северном Казахстане т.н. «шагающей гребенки», гладкой «качалки» (Зданович, 1988. С. 48. Рис. 16, 6; С. 51. Рис. 18, 8; С. 63. Рис. 25, 6–7; С. 77. Рис. 31, 16).

Исследование петровских памятников как на Южном Урале, так и в Северном Казахстане дало большие серии металлических предметов. Так, из культурного слоя поселения Кулевчи III извлечено около 70 бронзовых предметов, в том числе большое количество медных слитков, серия разнообразных ножей (специализированные однолезвийные ножи, ножи-кинжалы), тесло, вислообушный топор, серповидные орудия, втульчатое долото и черешковая стамеска, шилья без упора, фрагменты предметов и украшения. Как и в коллекции из раскопок укрепленного поселения Устье I, среди металлических предметов из поселения Кулевчи III имеется металлический стержень, раскованный с одного торца. Назначение подобных предметов не ясно.

А.Д. Дегтярева, С.В. Кузьминых, Л.Б. Орловская уже сделали выводы об облике петровского металлопроизводства, проанализиров коллекцию металлических предметов из раскопок поселения Кулевчи III (Дегтярева, Кузьминых, Орловская, 2001. С. 23–54). Как оказалось, большая часть металлических предметов этой коллекции изготовлена из металлургически чистой меди (около 70%). Представлены и оловянные бронзы (около 17%). Остальные изделия выполнены из оловянно-мышьяковой бронзы (Дегтярева, Кузьминых, Орловская, 2001. С. 29–34). Металлографическое изучение коллекции выявило, по мнению авторов, «архаичные технологические приемы металлообработки с преобладанием кузнечной формовки изделий» (Дегтярева, Кузьминых, Орловская, 2001. С. 38). А.Д. Дегтярева и С.В. Кузьминых исследовали часть металлических предметов из петровских погребений могильника Кривое Озеро (Дегтярева, Кузьминых / Виноградов, 2003. С. 285–309). В результате исследования выяснено, что синташтинское и петровское металлопроизводство базировалось на одних и тех же схемах получения металлических предметов, однако различается по химическому составу металла (низколегированные мышьяковые бронзы — для синташтинского населения и металлургически чистая медь — для памятников петровского типа), а также по уровню развития литейной технологии и особенностям кузнечной доработки изделий (Дегтярева, Кузьминых / Виноградов, 2003. С. 306). Необходимо заметить, что указанные выше авторы считают петровские и синташтинские древности синхронными, а население этих общностей — влиявшим друг на друга, в том числе и в аспекте металлопроизводства.

Приведем для примера укрепленное поселение Устье I. В коллекции из его раскопок имеется несколько значительных серий артефактов, связанных с металлургией бронзы и ее обработкой, т.е. с металлопроизводством. Прежде всего, это несколько сотен мелких кусочков медьсодержащих минералов (малахит и азурит). В результате раскопок памятника получена яркая коллекция принадлежностей процесса получения металла: изложницы (рис. 50, 1), тигли, сопла, льячки. Многочисленны и обломки шлаковых «лепешек». В коллекции — большое количество бронзовых слесков и капель, не менее четырех слитков черновой меди, отливки — заготовки. Из законченных форм отметим ножи различного

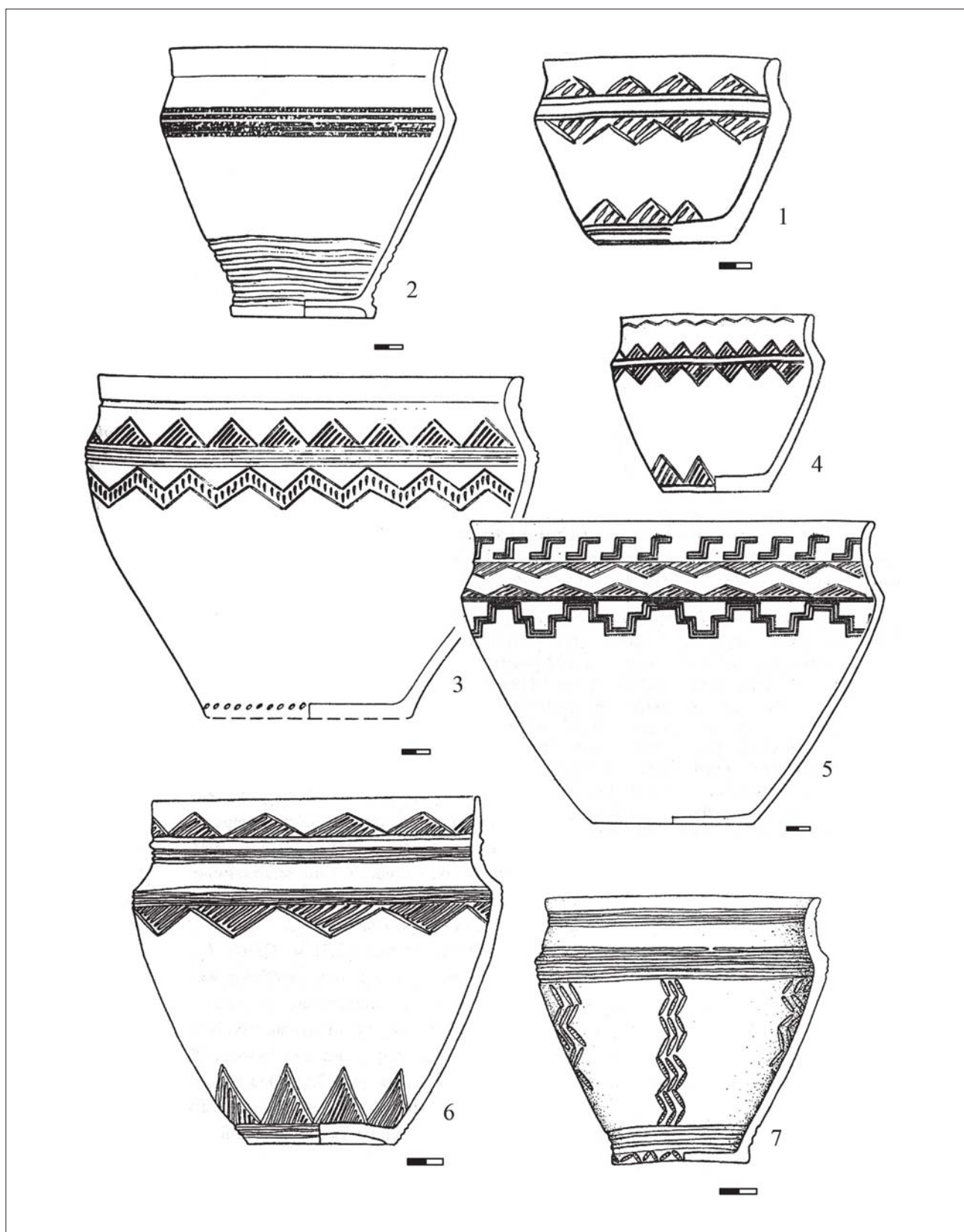

Рис. 36. Керамика памятников петровского типа

1 – могильник Петровка; 2–3 – могильник Берлик II; 4 – могильник Аксайман. Курган 10;
5 – могильник Аксайман. Курган 9; 6 – могильник Кривое Озеро. Курган 1. Яма 7;
7 – могильник Кривое Озеро. Курган 2. Яма 8.

1–5 по: (Зданович, 1988)

Рис. 37. Керамика памятников петровского типа

1-2 – могильник Кривое Озеро. Курган 1. Из насыпи; 3-4 – могильник Кривое Озеро. Курган 1. Яма 5;
5-6 – могильник Кривое Озеро. Курган 2. Яма 3; 7 – могильник Кривое Озеро. Курган 1. Яма 3

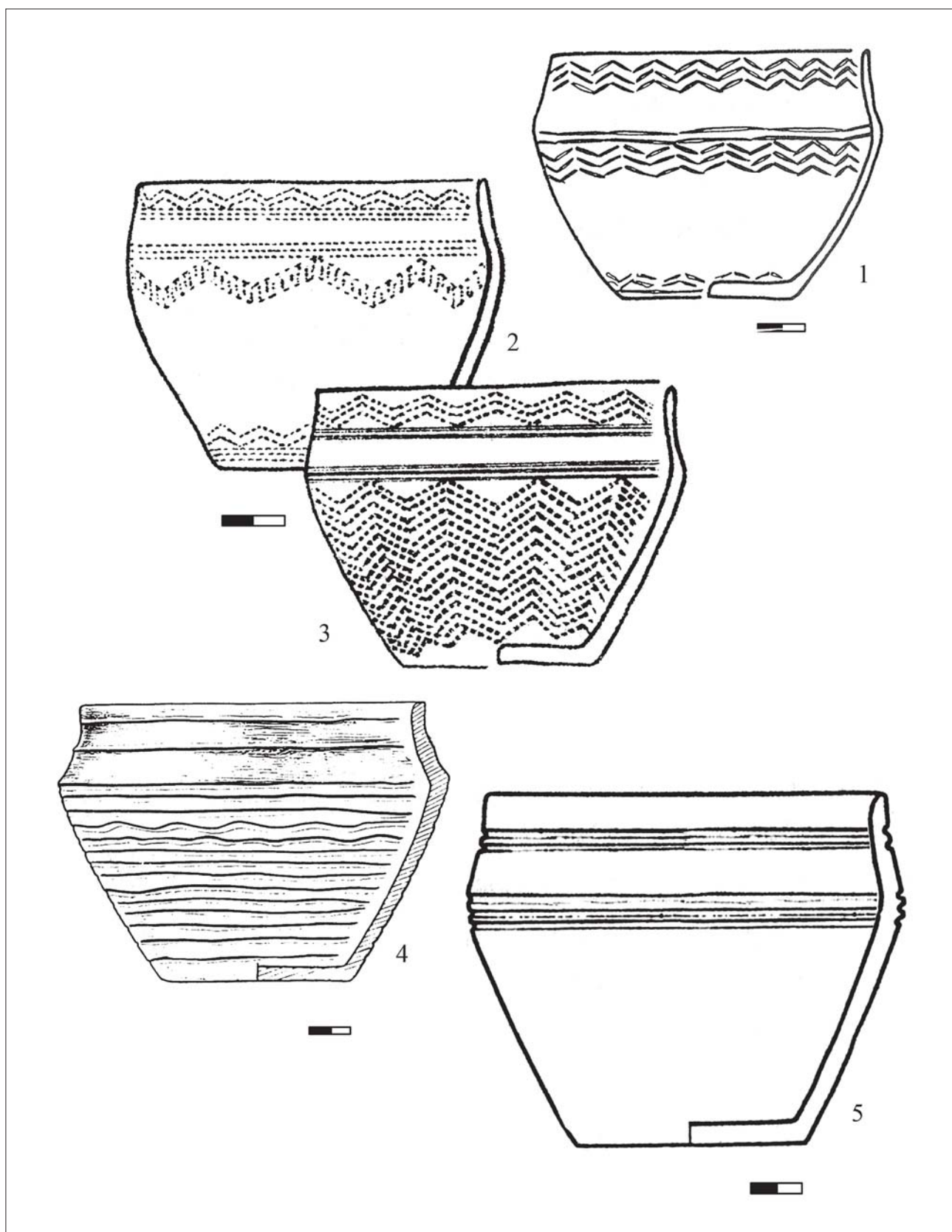

Рис. 38. Керамика памятников петровского типа

1-3 – Чистослебяжский могильник. Курган 10; 4 – могильник Верхняя Алабуга. Яма 6;
5 – могильник Аксайман. Курган 4. Яма 9.

1-3 по: (Матвеев, 1998); 4 по: (Потемкина, 1985); 5 по: (Зданович, 1988)

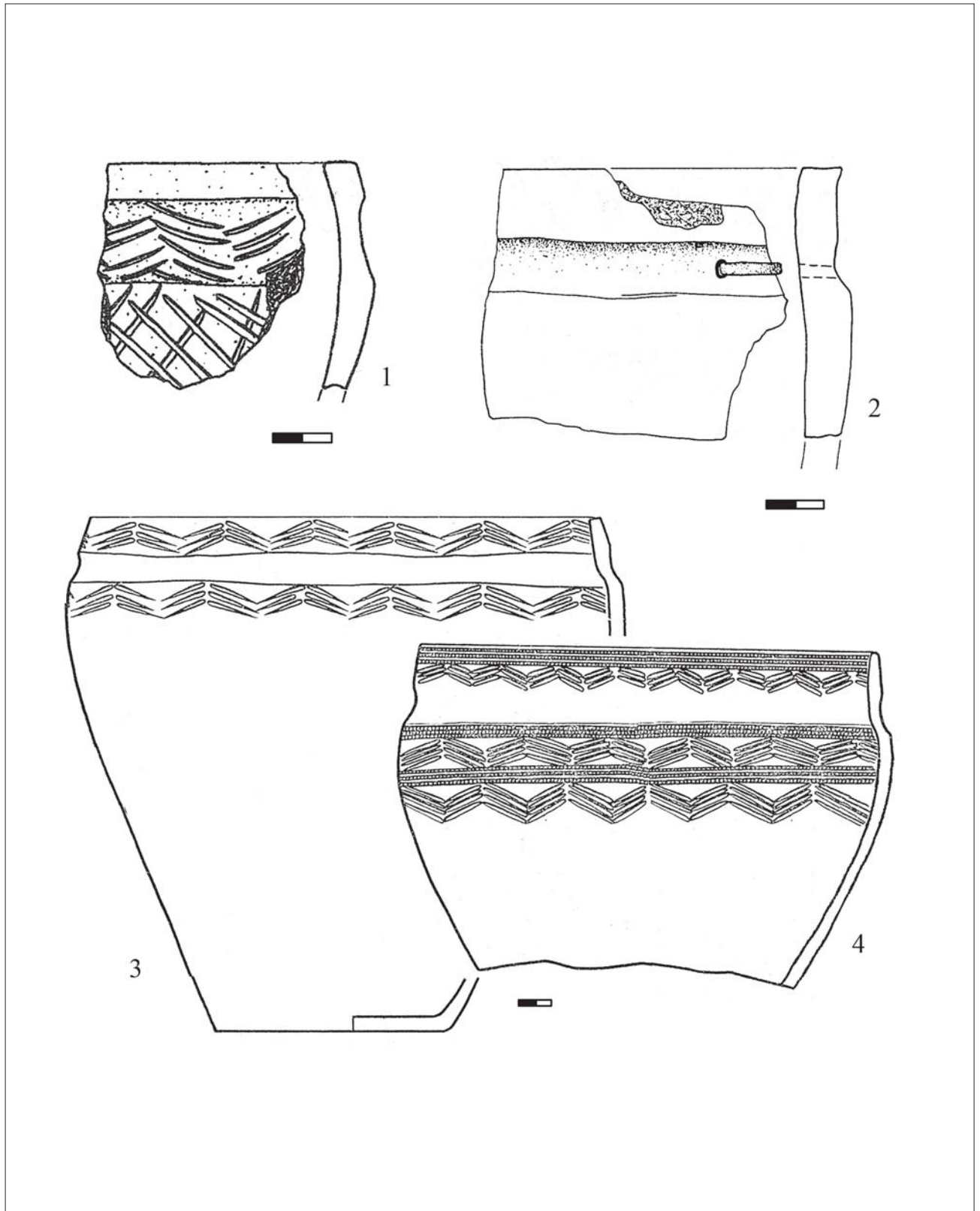

Рис. 39. Керамика памятников петровского типа

1 – поселение Шибаетово I. Подъемные сборы; 2 – могильник Кривое Озеро. Курган 1. Из насыпи;
3–4 – могильник Кулевчи VI. Курган 4. Яма 1.

1 по: (Нелин, 2004)

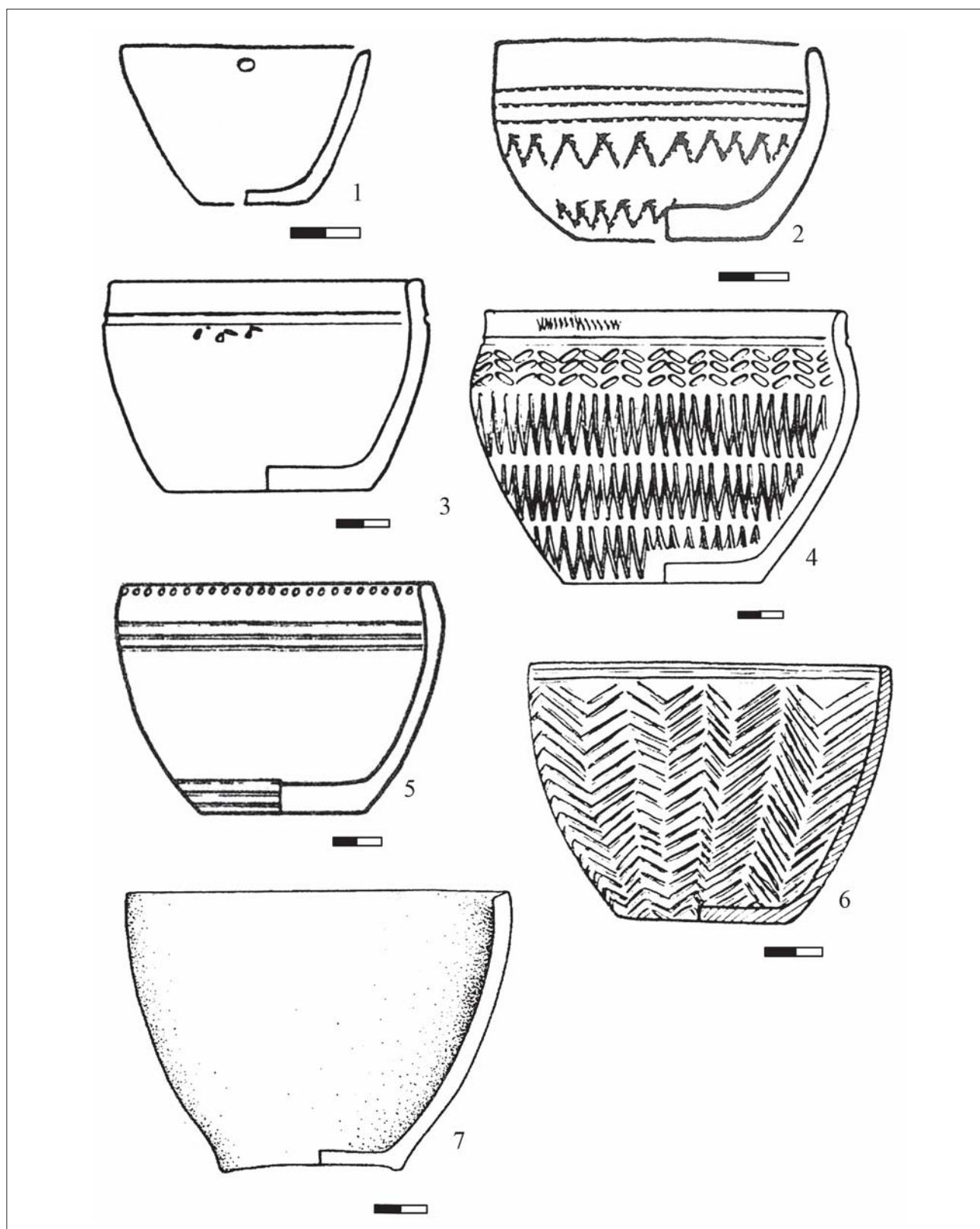

Рис. 40. Керамика памятников петровского типа

1-2 – Чистолебяжский могильник. Курган 10; 3-4 – могильник Берлик II. Курган 10;
5 – могильник Аксайман. Курган 10; 6 – могильник верхняя Алабуга. Яма 2;
7 – могильник Кривое Озеро. Курган 10. Яма 3.

1-2 по: (Матвеев, 1998); 3-5 по: (Зданович, 1988); 6 по: (Потемкина, 1985)

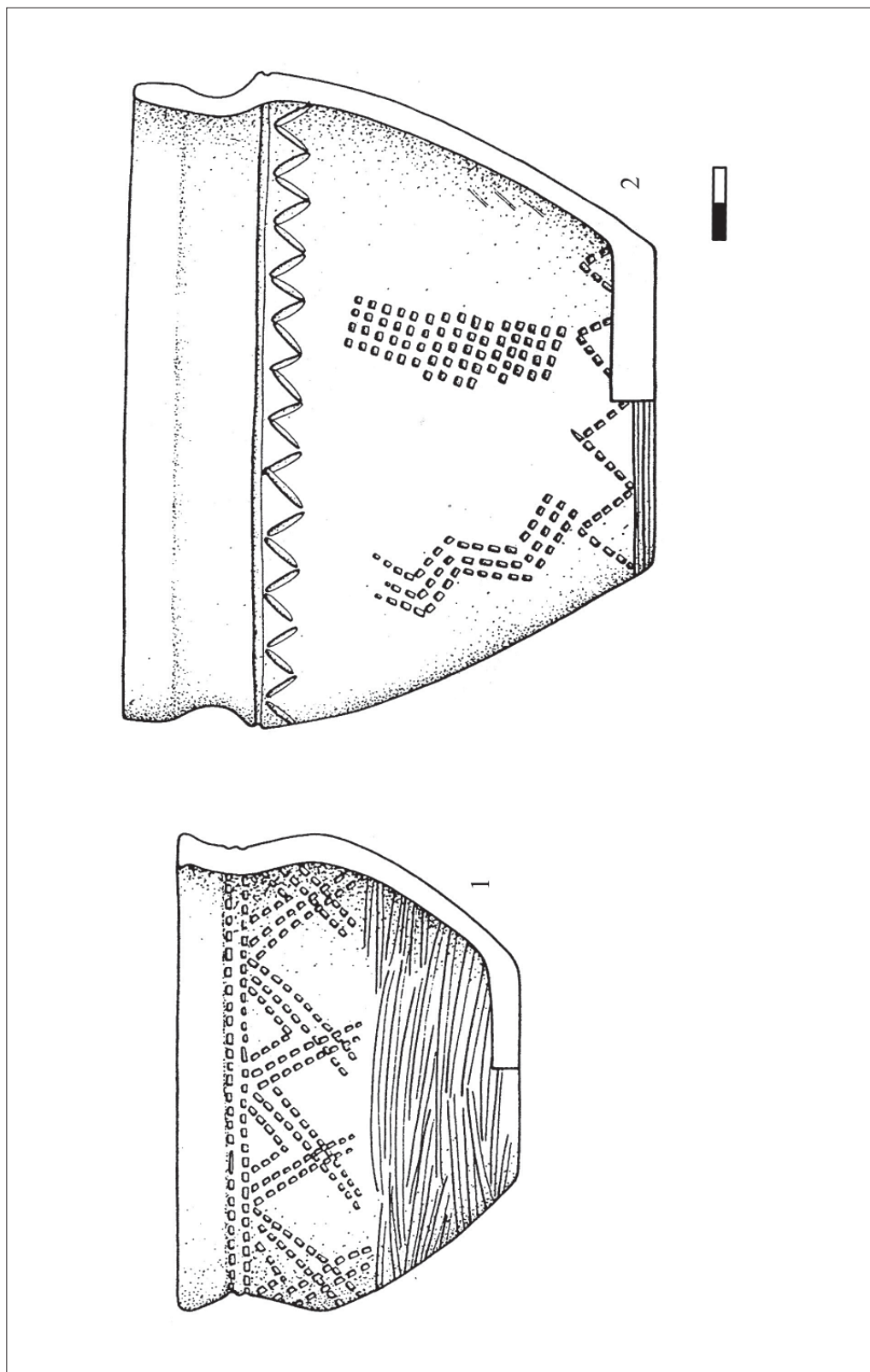

Рис. 41. Керамика памятников петровского типа
1-2 — могильник Кривое Озеро. Курган 2. Яма 7

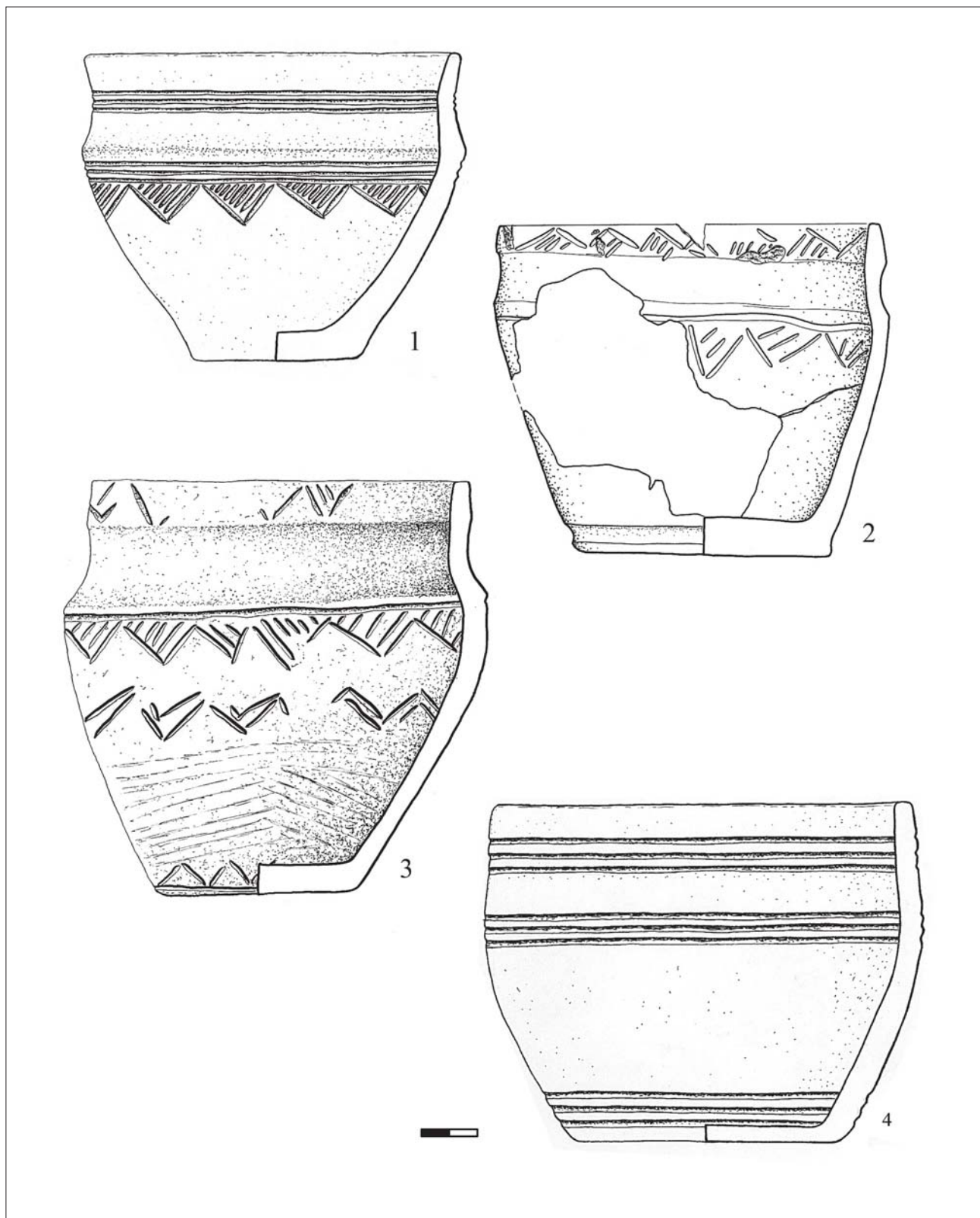

Рис. 42. Керамика памятников петровского типа
1-4 – укрепленное поселение Устье I

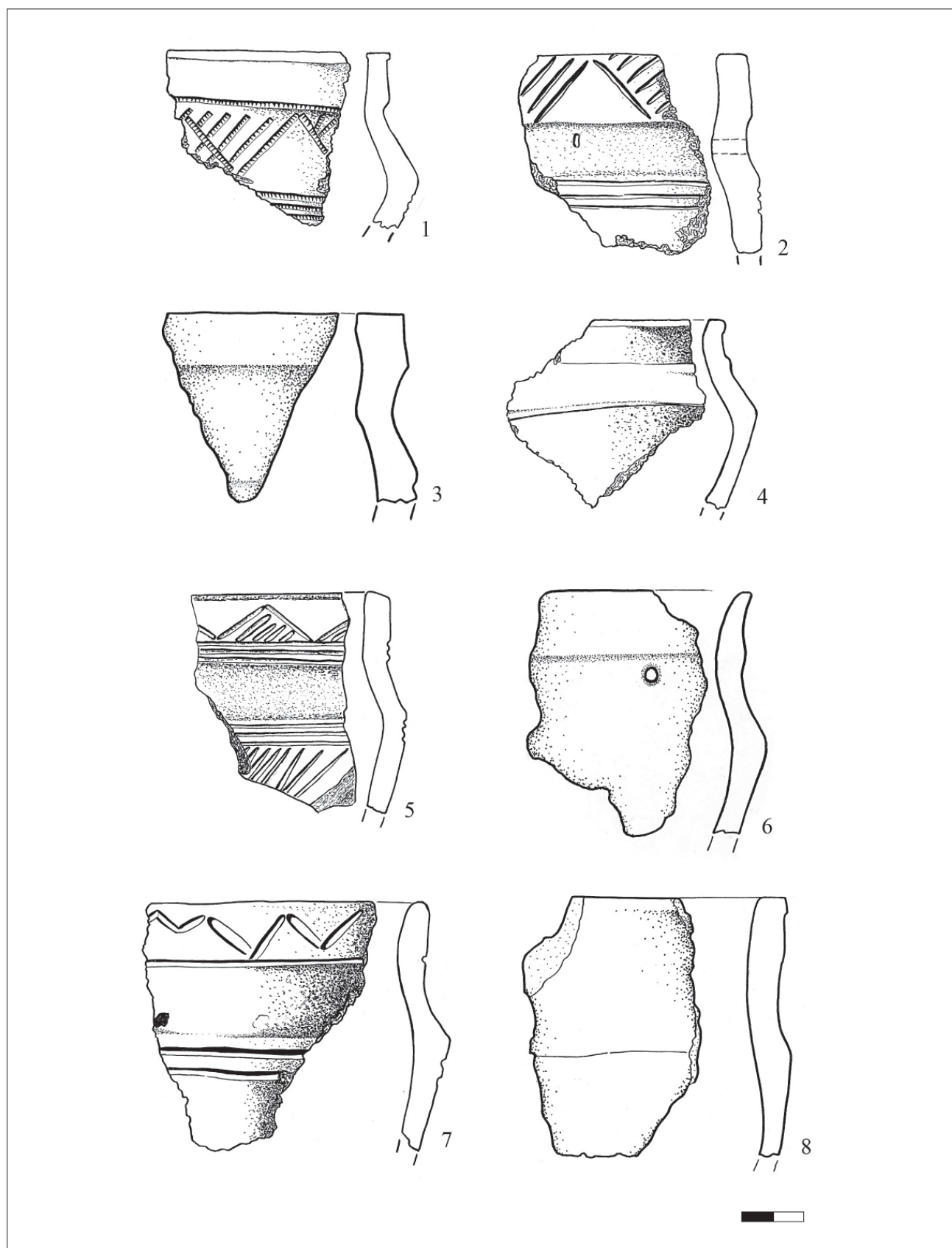

Рис. 43. Керамика памятников петровского типа
1-8 — укрепленное поселение Устье I

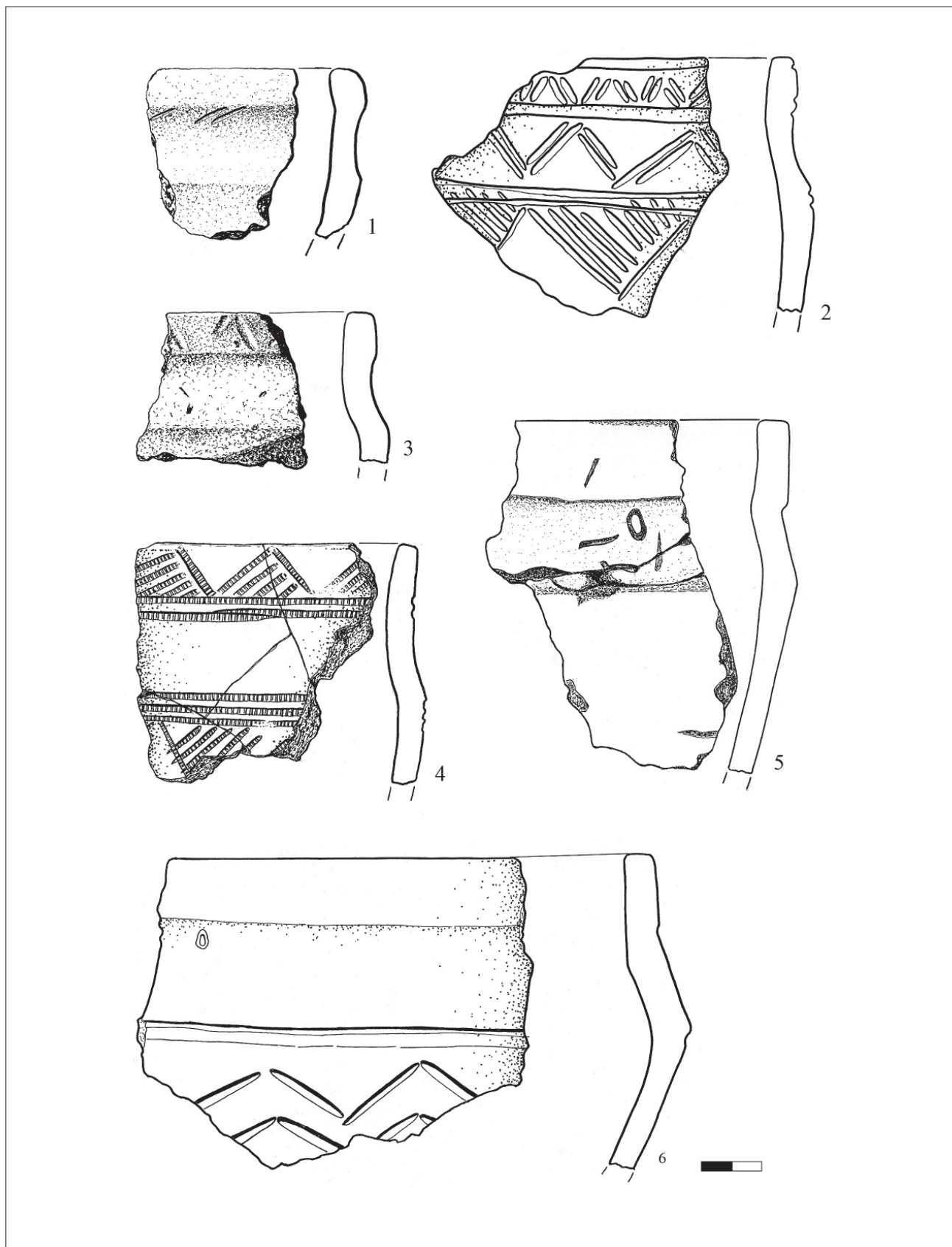

Рис. 44. Керамика памятников петровского типа
1-7 — укрепленное Устье I

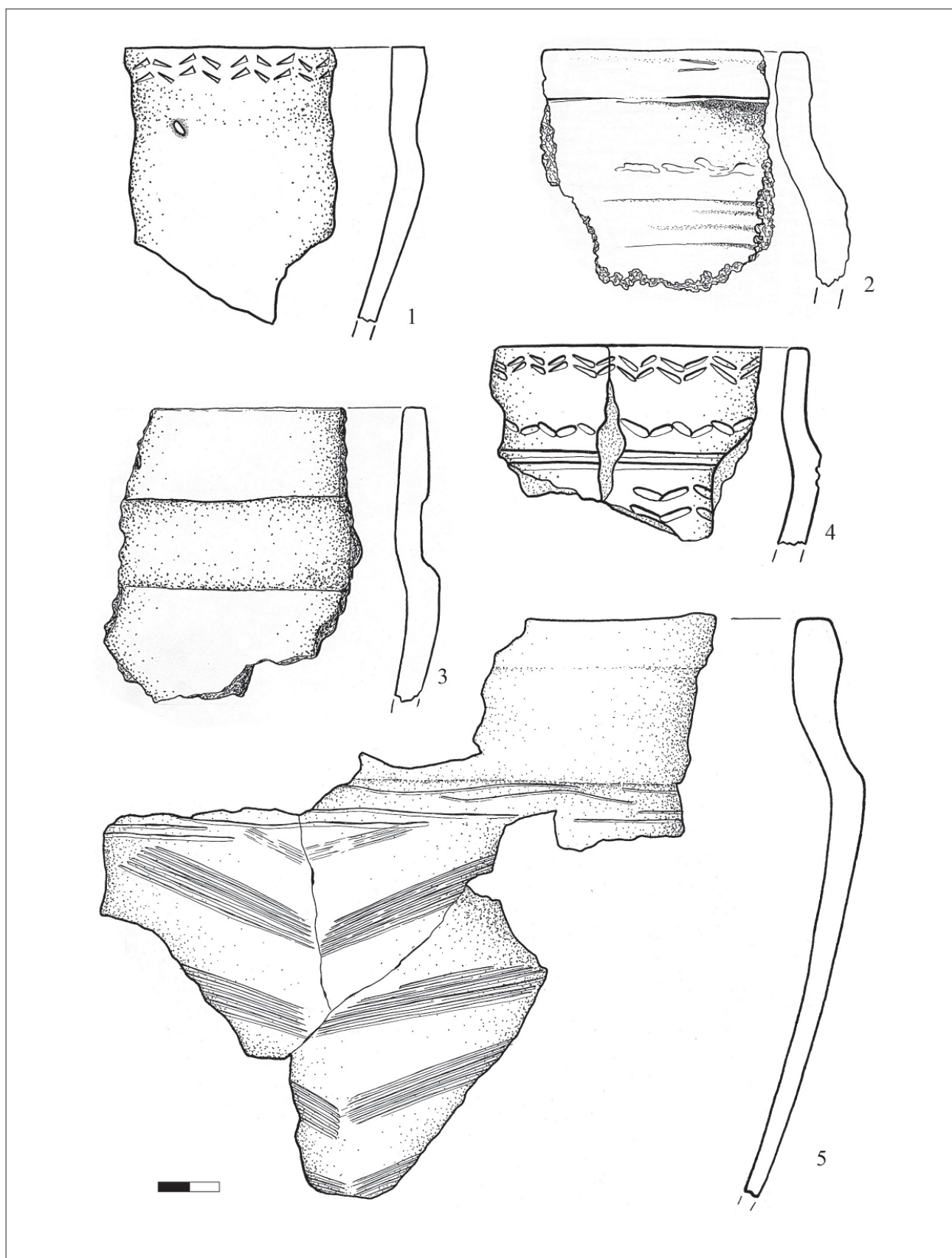

Рис. 45. Керамика памятников петровского типа
1-5 — укрепленное поселение Устье I

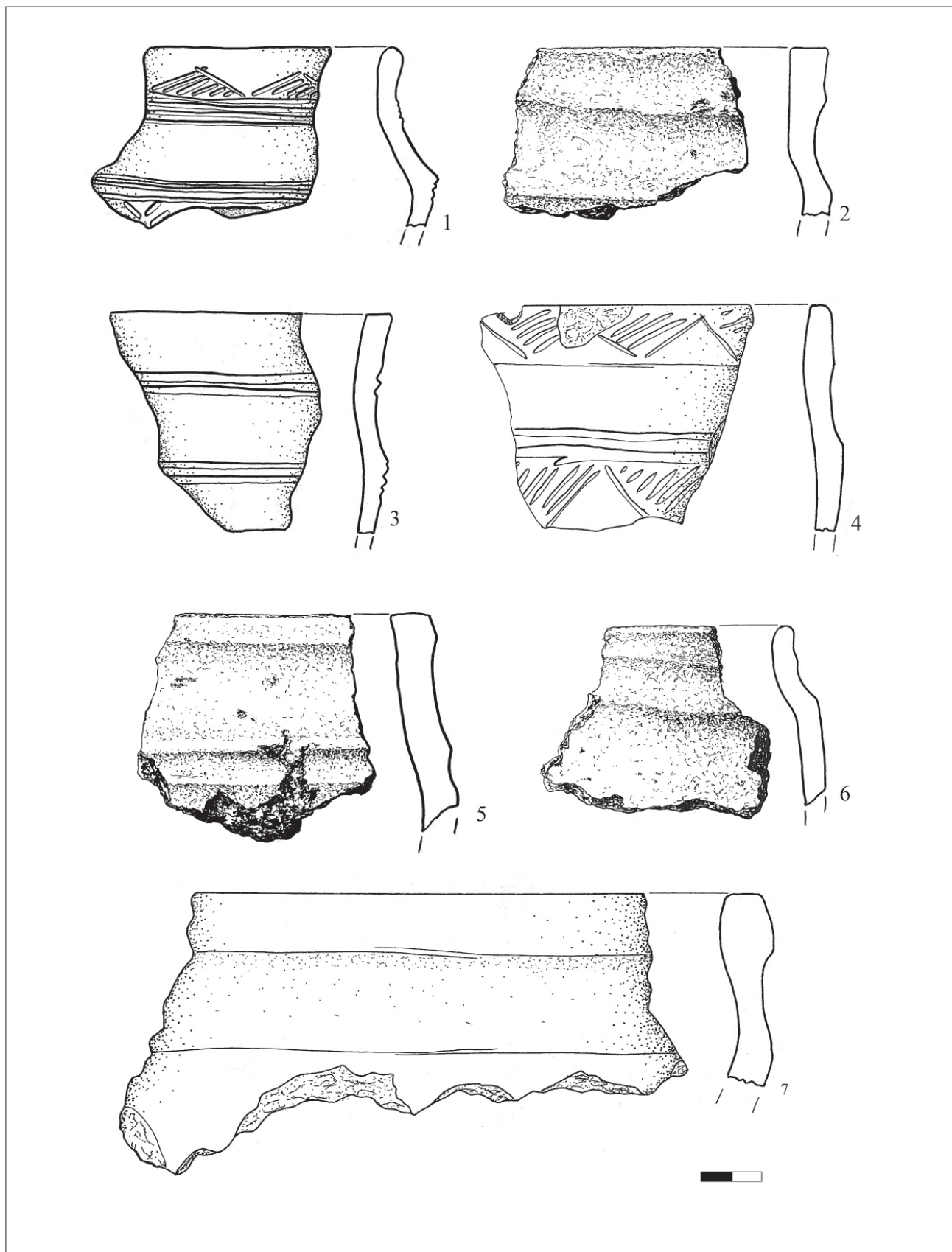

Рис. 46. Керамика памятников петровского типа
1-7 — укрепленное поселение Устье I

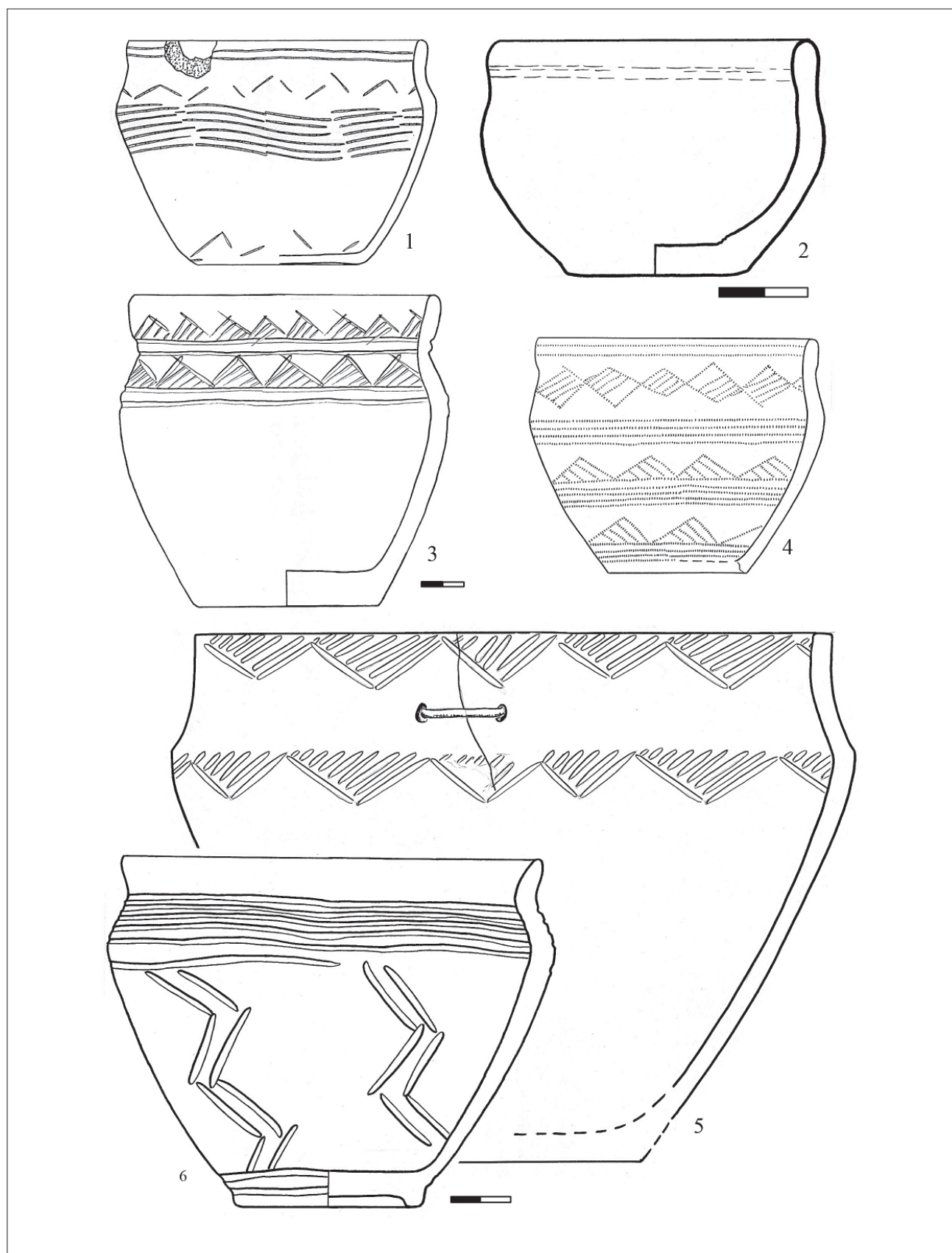

Рис. 47. Керамика памятников петровского типа
1-6 – поселение Кулевчи III

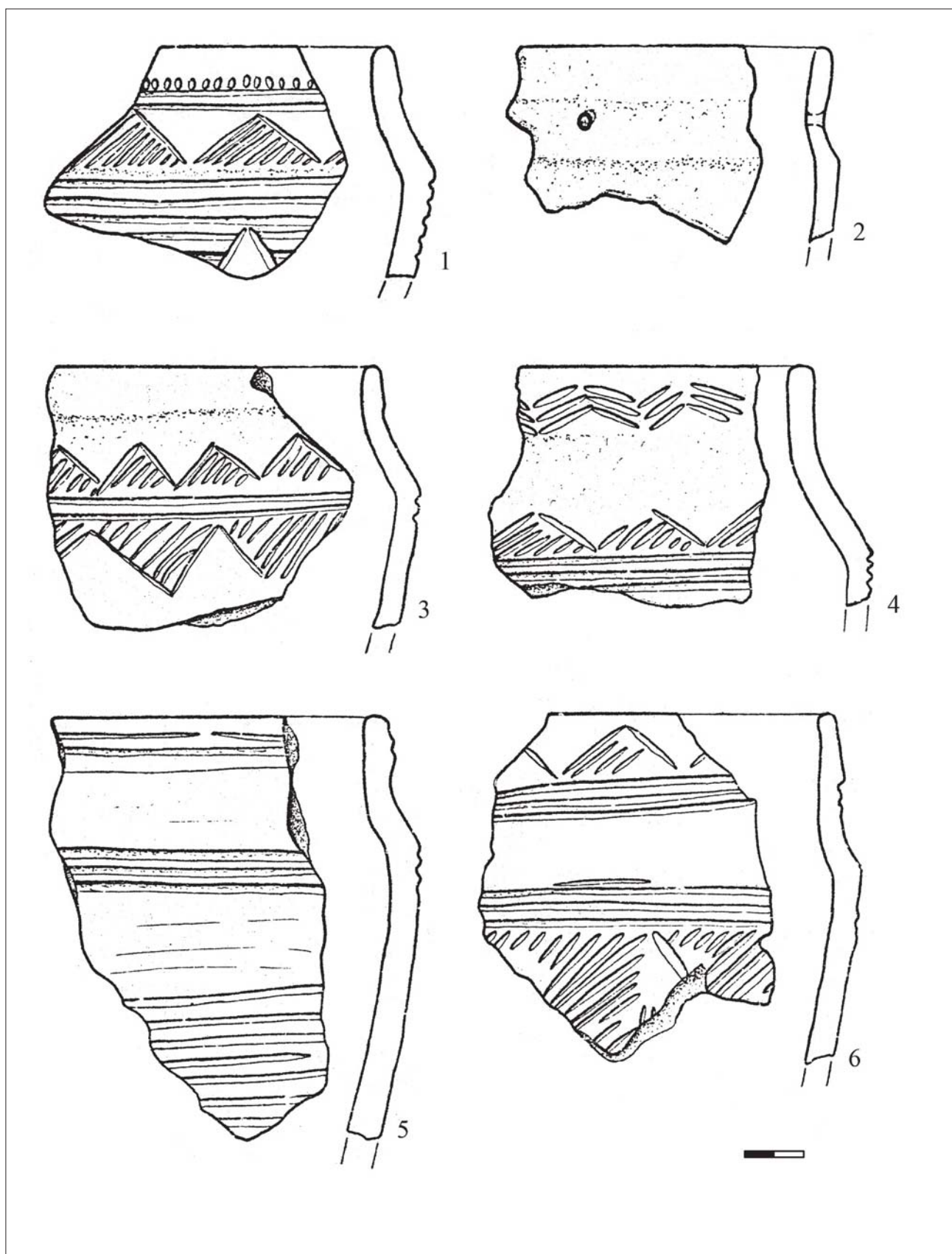

Рис. 48. Керамика памятников петровского типа
1-6 — поселение Кулевчи III

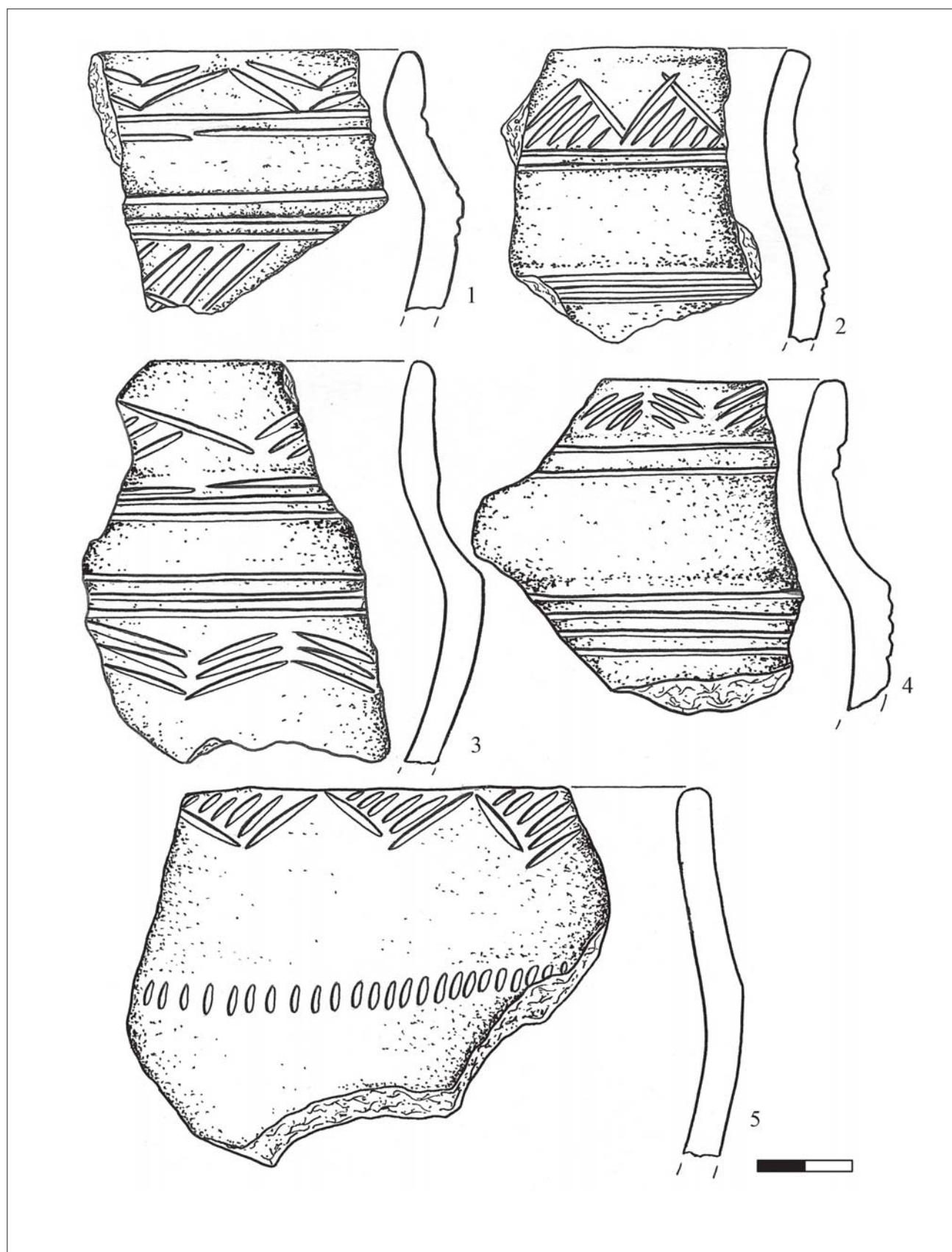

Рис. 49. Керамика памятников петровского типа
1-5 – поселение Кулевчи III

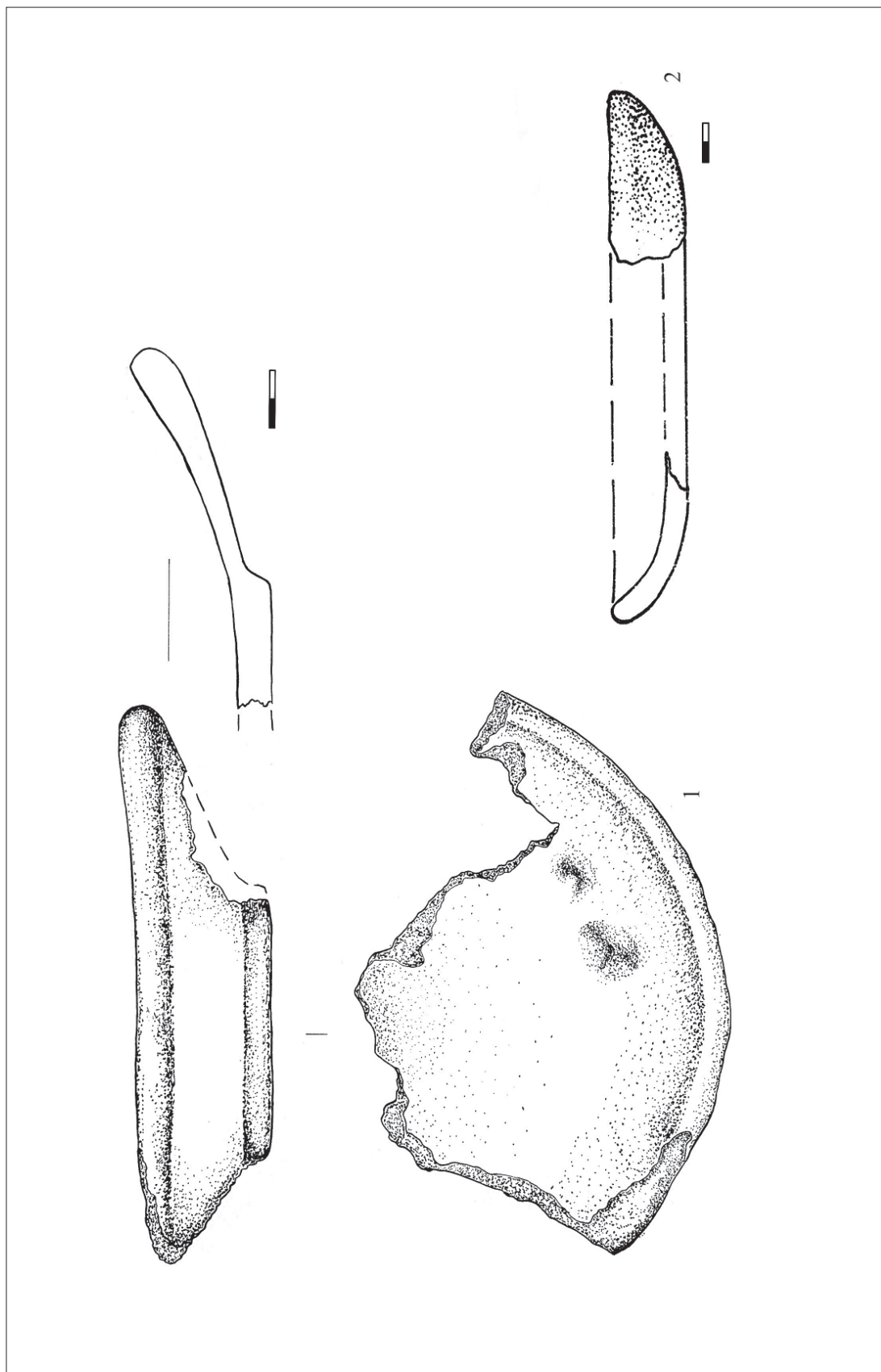

Рис. 50. Керамика памятников петровского типа. Фрагменты изложниц
1 – укрепленное поселение Устье I (колодец на участке Ф/24, глубин – 292 см);
2 – поселение Семиозерное II.
2 по: (Евдокимов, 1983)

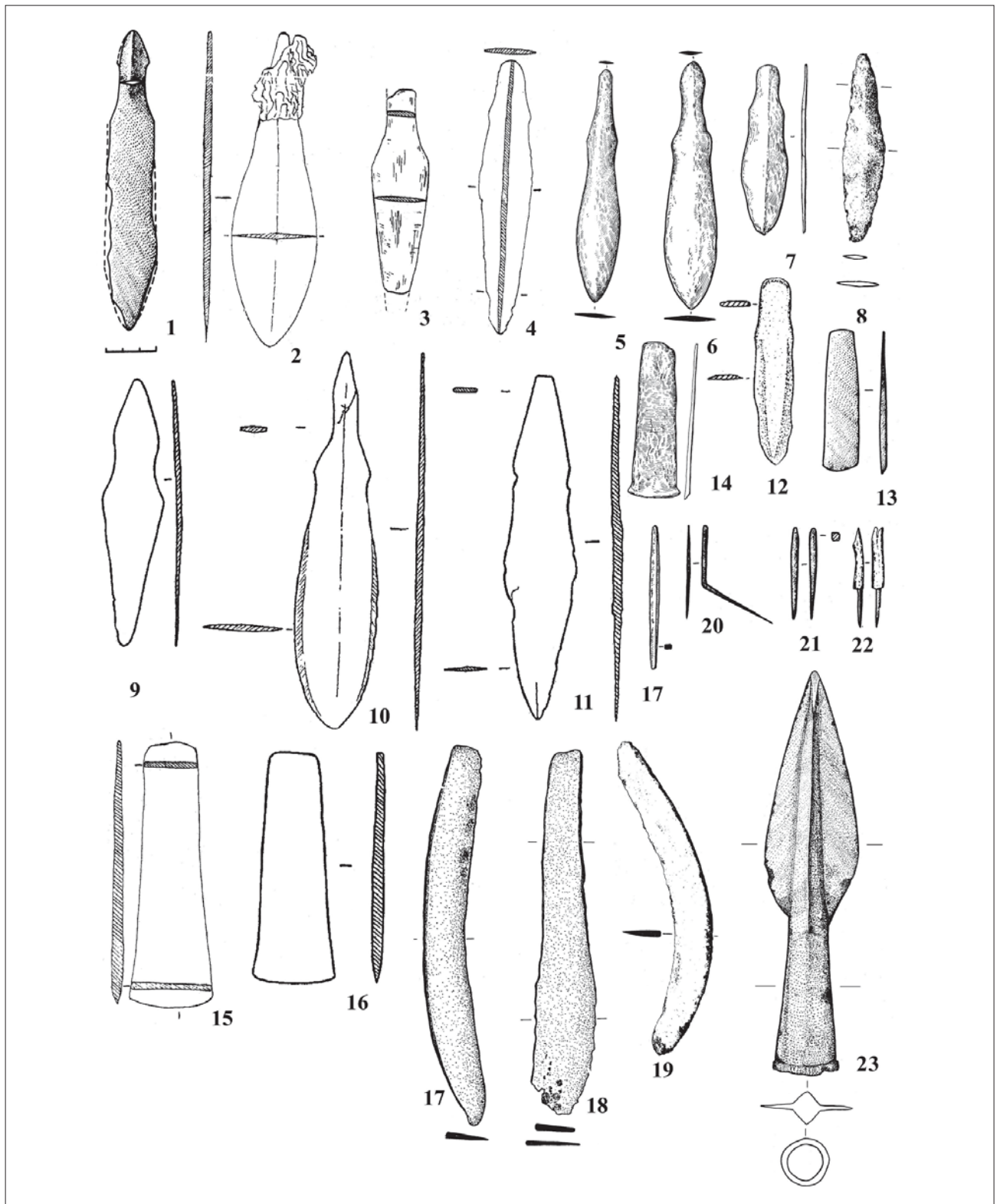

Рис. 51. Металлокомплекс памятников петровского типа. Орудия труда и предметы вооружения

1, 13, 20 – могильник Кенес; 2-4, 15 – могильник Восточно-Курайли I; 5-7, 14 – могильник Верхняя Алабуга; 8, 19 – могильник Грызаново; 9-11, 16 – могильник Жаман-Каргала II; 12 – могильник Нуртай I; 17-18 – укрепленное поселение Камышное II; 21 – могильник Берлик II; 22 – могильник Аксайман; 23 – могильник Кривое Озеро.

1, 13, 20-22 по: (Зданович, 1988); 2-4, 9-11, 15-16 по: (Ткачев, 2007); 5-7, 14, 17-18 по: (Потемкина, 1985); 12 по: (Ткачев, 2002)

назначения, массивное втульчатое долото (горнопроходческое орудие?), шилья, серповидные орудия, бронзовый крюк), бронзовые украшения. Всего в коллекции около 100 бронзовых предметов. В среднем в каждом из котлованов помещений укрепленного поселения Устье I петровского периода его истории найдено по 4–6 бронзовых предметов. Резко выделяются помещения 3 (14 бронзовых предметов) и особенно помещение 5 (23 бронзовых предмета). Мы склонны связывать эти факты с активным процессом металлопроизводства на площади именно указанных помещений. К сожалению, повторим, что разделение коллекции металлических предметов из Устья I на синташтинскую и петровскую части типологически вряд ли возможно именно в силу их типологической близости.

Петровские металлические предметы отличает выраженная пластинчатость, указывающая на синташтинское происхождение основных петровских стереотипов, связанных с металлопроизводством.

В петровских памятниках получают распространение различные типы явно специализированных ножей (Виноградов, 1982. С. 99. Рис. 3, 2, 12) (рис. 51, 18); (Логвин, Шевнина, 2005. С. 260. Рис. 1, 7) и ножи-кинжалы (Виноградов, 1982. С. 99. Рис. 3, 4–5) (рис. 51, 1–12). Петровские ножи-кинжалы с ромбовидным оформлением пятки черешка, перекрестьем и перехватом – (разряд НК-14) (Черных, Кузьминых, 1989. С. 102. Рис. 58, 1–5, 7; Логвин, Шевнина, 2005. С. 260. Рис. 1, 8), либо с коротким плоским черешком, выраженным перекрестьем и перехватом, листовидным клинком с ребром, либо со слабо намеченным черешком и перекрестьем, длинным перехватом и листовидно-треугольным клинком широко известны в петровских комплексах и близки синташтинским. Для могильника Кривое Озеро нужно отметить, что от подобных же из синташтинских погребений указанного погребального памятника петровские ножи-кинжалы отличает разве что традиция проковки лезвия с двух сторон, а не с противоположащих, как у синташтинских аналогов (Виноградов, 2003. С. 249. Рис. 103, 3–4). А.Д. Дегтярева, С.В. Кузьминых и Л.Б. Орловская аналогии петровским ножам-кинжалам находят в покровских, срубных памятниках, реже – среди металлических предметов абашевских, синташтинских памятников (Дегтярева, Кузьминых, Орловская, 2001. С. 26).

В памятниках петровского типа известны наконечники копий разряда КД-36 с округло-ромбическим стержнем, без ушек, с отверстиями для крепления в цельнолитой втулке (Черных, Кузьминых, 1989. С. 80–81; С. 86. Рис. 47, 3). Подобные наконечники обнаружены, в частности, в петровском погребении кургана 4 могильника Бектениз в Северном Казахстане (Зданович, 1983. С. 56) и в могильнике Кривое Озеро (курган 2, яма 1) (рис. 51, 23). А.Д. Дегтярева и С.В. Кузьминых указывают, что близкие по особенностям формы наконечники копий происходят из памятников культуры многоваликовой керамики (бабинской), позднеабашевских и покровских, сейминско-турбинских комплексов. Они подчеркивают, что подобные, но технологически отличные наконечники копий хорошо известны и в памятниках синташтинского типа, но там они кованые (Дегтярева, Кузьминых / Виноградов, 2003. С. 291–292).

Из раскопок поселения Кулевчи III получен массивновислообушный топор (Виноградов, 1982. С. 99. Рис. 3, 1). Историки металлургии находят ему аналогии в синташтинских, сейминско-турбинских, поздних абашевских памятниках (Дегтярева, Кузьминых, Орловская, 2001. С. 24).

Теслу из ямы 2 кургана 1 могильника Кривое Озеро – разряд ТД-2 (Черных, Кузьминых, 1989. С. 128–129. Рис. 71, 1–7; Виноградов, 2003. С. 249. Рис. 103, 2) имеется лишь одна аналогия – из раскопок поселения Кулевчи III (Виноградов, 1982. С. 99. Рис. 3, 7). Отличает описываемое тесло значительно меньшая длина пятки в сравнении с длиной лезвия и легкие (функционально обусловленные?) выемки на одной из боковых сторон. Подобные по пропорциям тесла происходят из синташтинского погребения 33 кургана 7 могильника Та-наберген II (Ткачев, 1998. с. 50. Рис. 2, 15); из петровских памятников Северного Казахстана, таких как Кенес (Зданович, 1983. С. 58. Рис. 3, 20) и Аксайман (Зданович, 1988. С. 75).

Рис. 30, 2). В целом тесла из петровских памятников имеют иные соотношения длины и ширины, чем синташтинские (рис. 51, 13–16).

Как и в синташтинских, в памятниках петровского типа единственным типом шильев являются шилья без упора (Виноградов, 2003. С. 249. Рис. 103, 5) (рис. 51, 20–22).

Необходимо упомянуть среди изделий петровской металлообработки и серповидные орудия (Виноградов, 1982. С. 99. Рис. 3, 8–11). От синташтинских их отличает больший угол кривизны лезвия и большая ширина. Однако как тип они явно имеют синташтинское происхождение (Дегтярева, Кузьминых, Орловская, 2001. С. 25–26). Анализирувавшие кулевчинский металл историки металлургии разделяют серпы и пластинчатые серповидные орудия.

Металлические украшения из памятников петровского типа представлены типом браслетов выпукло-вогнутого сечения с несомкнутыми концами, либо со спиральными завитками на окончаниях (рис. 52, 1–6, 17–20), височными кольцами (рис. 52, 8), редкими очковидными привесками (рис. 52, 9), подвесками в полтора оборота (рис. 52, 11, 16), проволочными перстнями со спиралевидными щитками (рис. 52, 12–14), различными бляшками и бусами (рис. 52, 15).

Изредка в погребальных памятниках петровского типа встречаются погребения с принадлежностями металлопроизводства. Ярким примером подобного рода может служить погребение в яме 7 могильника Бестамак, где встречены три керамических сопла и керамическая же литейная форма для отливки двух пластин-заготовок (Калиева, Логвин, 2008. С. 41. Рис. 10,1; С. 43. Рис. 12, 3–4). Кусок металлургического шлака встречен при исследовании погребения в яме 21, а в погребении 13 и 51 — кусок медной руды и слиток меди (Калиева, Логвин, 2008. С. 48).

В целом, металлические предметы из раскопок памятников синташтинского и петровского типов в Южном Зауралье при сравнении также обнаруживают целый ряд типологических различий. Так, например, в петровских памятниках, за редким исключением (могильник Ащису, курган 1в Центральном Казахстане) (Кукушкин, 2007. С. 55. Рис. 7) не встречаются такие типы, как бронзовые крюки, наконечники копий с кованой несомкнутой втулкой. Другие типы орудий, продолжая бытовать и в петровское время, видоизменяются. Петровские серповидные орудия, к примеру, более широки и изогнуты, нежели синташтинские. Изменяются пропорции (соотношение длины и ширины) тесел, значения ширины бронзовых желобчатых браслетов. Что касается типологии ножей, то авторские наблюдения позволяют утверждать, что при сохранении выраженной пластинчатости и аналогичной номенклатуре однолезвийных специализированных ножей, двулезвийные ножи в петровских памятниках видоизменяются, прежде всего, по увеличению доли их кузнечной доводки, в частности, двусторонней проковки лезвия.

Номенклатура костяных изделий памятников петровского типа на Южном Урале иллюстрируется коллекциями из раскопок укрепленного поселения Устье I и поселения Кулевчи III. Из раскопок укрепленного поселения Устье I происходит 108 костяных орудий. Анализ их планиграфического распределения по 15 объектам внутренней застройки и элементам оборонительных сооружений показал, что наиболее насыщенными костяными и роговыми изделиями являются петровские помещения: помещение 3 (13 предметов), помещение 10 (12 предметов) и помещение 11 (11 предметов). Возможные причины этой насыщенности предстоит выяснить. Особо следует остановиться на помещении 3. Все костяные и роговые орудия здесь использовались при работе по коже и шкурам. Из 13 предметов 8 определены как проколки. В рамках обсуждаемой коллекции наиболее распространенными типами костяных и роговых орудий являются: проколки — 21 экземпляр; ложила — 17 экземпляров; тупики — 9 экземпляров. Проколки, судя по облику линейных следов и характерной заполированности, использовались при работе по коже и шкурам. Тупики изготовлены преимущественно из нижних челюстей крупного рогатого скота и лошадей и служили скребковыми инструментами, предназначенными для волососгонки, снятия мездры и разминания

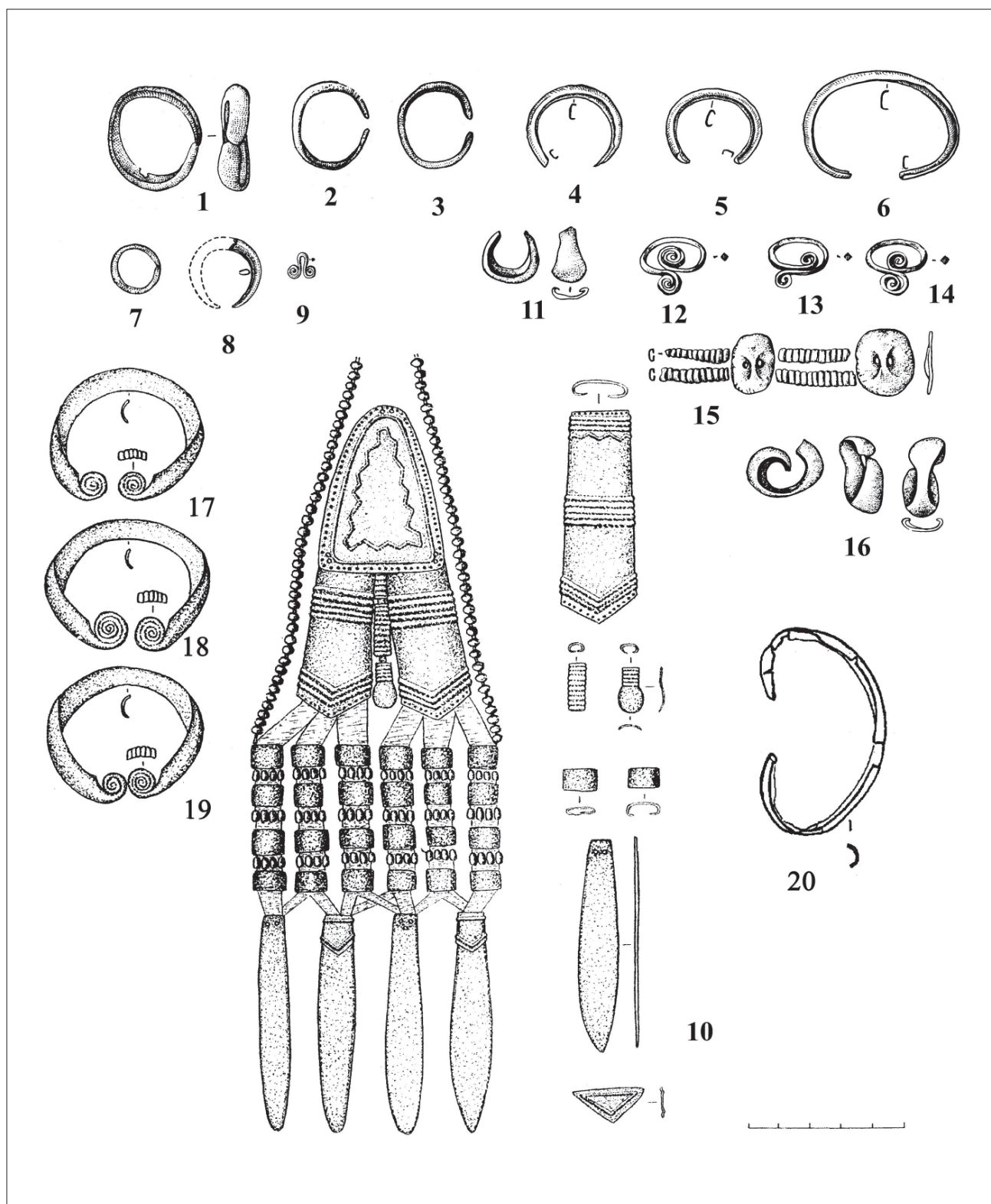

Рис. 52. Металлокомплекс памятников петровского типа

1 – могильник Кенес; 2, 3, 7 – могильник Аксайман;
 4-6, 8-9, 11-16 – могильник Верхняя Алабуга;
 10 – могильник Бозенген; 17-19 – могильник Нуртай;
 20 – могильник Жаман-Каргала II.

1-3, 7 по: (Зданович, 1988); 4-6, 8-9, 11-16 по: (Потемкина, 1985);
 10, 17-19 по: (Ткачев, 2002); 20 по: (Ткачев, 2007)

полос кожи. Лошила из раскопок Устья I, скорее всего, обеспечивали несколько рабочих операций. С.А. Семенов считает, что подобные орудия использовались как полировальники каменных изделий, поскольку губчатая масса хорошо удерживала абразивные песчинки, с помощью которых и производилась отделка каменных изделий. Об этом же свидетельствуют и следы утилизации, наблюдаемые на рабочих поверхностях дисков лошил. Другой рабочей операцией для костяных лошил из Устья I можно считать работу по кожам. Номенклатура костяных и роговых изделий из раскопок укрепленного поселения Устье I достаточно традиционна для поселений бронзового века в Южном Зауралье и представлена, в основном, орудиями для работы по кожам и шкурам (Коробкова, Виноградов, 2004. С. 57–87).

Из 44 изученных трасологами костяных орудий из раскопок поселения Кулевчи III, большинство обеспечивали различные этапы работы с продуктами скотоводства – от первичной их обработки (тупики), до изготовления из них различных готовых изделий (шила, кочедыки, лошила) (Коробкова, Виноградов, 2004. С. 57–87).

Из петровских памятников Южного Урала и Северного Казахстана происходит достаточно представительная коллекция щитковых псалиев, изготовленных как из рога, так и из расколотых повдоль костей. В Северном Казахстане это могильники Аксайман и Берлик II (Зданович, 1985. С. 110–119; Зданович, 1986. С. 60–65; Зданович, 1988. С. 75. Рис. 30, 22–25; С. 77. Рис. 31, 7–8). Г.Б. Зданович подразделил их по форме щитка на три типа: прямоугольные, дисковидные и сегментовидные. Все они без исключения характеризуются выделенной в различной степени планкой. Основываясь на материалах петровских памятников Северного Казахстана, Г.Б. Зданович выдвинул предположение о сосуществовании дисковидных и прямоугольных псалиев с шипами (Зданович, 1985. С. 118). С петровской частью могильника Кривое Озеро связаны шесть псалиев (Виноградов, 2003. С. 51. Рис. 104, 1–2, 4–7) (рис. 53, 1–2, 4–7). Половина из них (Виноградов, 2003. С. 251. Рис. 104, 4–6) представлена типом псалиев с сегментовидным щитком, треугольной, либо трапециевидной планкой, с центральным прямоугольным сквозным отверстием на щитке (рис. 53, 4–6). Важной функциональной деталью этих псалиев является симметрично расположенная у основания планки пара выступов-«рожек». Сквозные отверстия на планке (от одного до трех) округлые и прямоугольные. На щитках этого типа псалиев – по три прямых шипа, вырезавшихся заодно со щитком. Ближайшие аналогии этому типу кривоозерских псалиев находим в петровских памятниках Северного Казахстана (поселение Новоникольское I) (Зданович, 1988. С. 168. Табл. 10, 9) (рис. 55, 3), в Центральном Казахстане (могильник Ащису, курган I) (Кукушкин, 2007. С. 41, 42, 46, 52, 60. Рис. 4; 14) и в петровском поселении Кулевчи III в Южном Зауралье (Виноградов, 1982. С. 98) (рис. 55, 4). Вполне возможно, что псалии именно этого и близкого к нему типов и характеризуют зародившийся еще в синташтинское время (Костюков, Епимахов, Нелин, 1995. С. 198. Рис. 22, 5; С. 200. Рис. 24, 2–4) петровский стандарт этой детали упряжи коней. Второй тип псалиев из петровских погребений иллюстрируют два псалия из ямы 3 кургана 1 могильника Кривое Озеро (Виноградов, 2003. С. 251. Рис. 104, 1–2). Их щитки со сквозным круглым отверстием в центре дисковидны, снабжены двумя шипами. Роль «планки» выполняет стержневидный выступ трапециевидной формы с округлым отверстием в основании. При оформлении основания выступа в щитках описываемых псалиев вырезалась сегментом часть толщины (рис. 53, 1–2). Прямых аналогий этому типу кривоозерских псалиев нет. С долей вероятности (по конструктивному признаку) в качестве аналогии можно указать лишь на заготовки псалиев из культурного слоя поселения Петровка II в Северном Казахстане (Зданович, 1988. С. 168. Табл. 10, 8) (рис. 56, 5–7).

Другой яркой деталью комплекса принадлежностей конской узды являются распределительные бляхи для ремней узды. В Южном Зауралье эти предметы известны по экземпляру из ямы 2 кургана 1 могильника Кривое Озеро (Виноградов, 2003. С. 251. Рис. 104, 3) (рис. 53, 3). Аналогии из синхронных памятников автору данного исследования не известны, хотя подобные по конструктивным особенностям предметы обнаружены

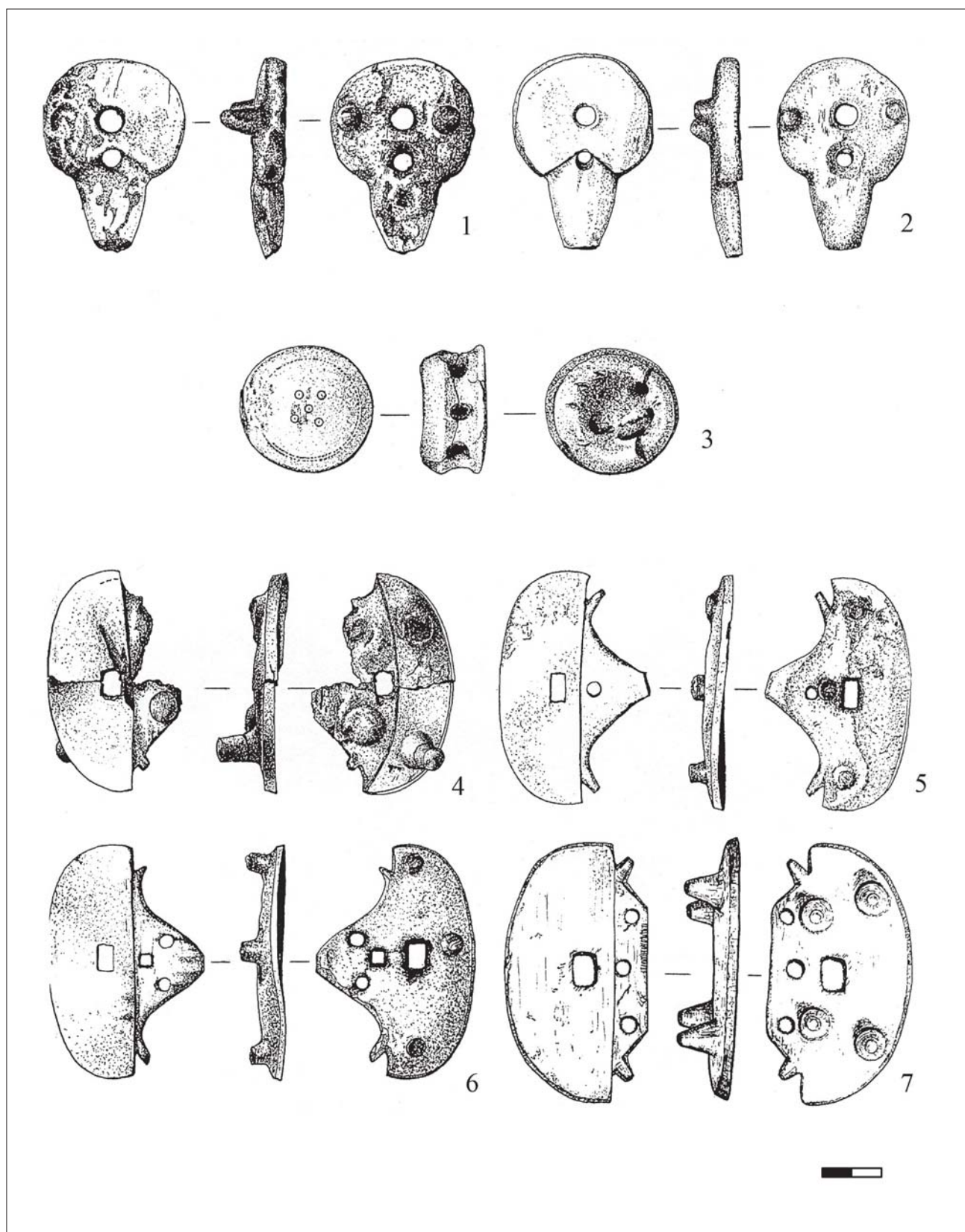

Рис. 53. Принадлежности конской упряжи из памятников петровского типа. Псалии
 1, 2, 4-7 – псалии; 3 – распределитель ремней; 1-2 – могильник Кривое Озеро. Курган 1. Яма 3;
 3-4 – могильник Кривое Озеро. Курган 1. Яма 2; 5-6 – могильник Кривое Озеро. Курган 1. Яма 1;
 7 – могильник Кривое Озеро. Курган 2. Яма 1

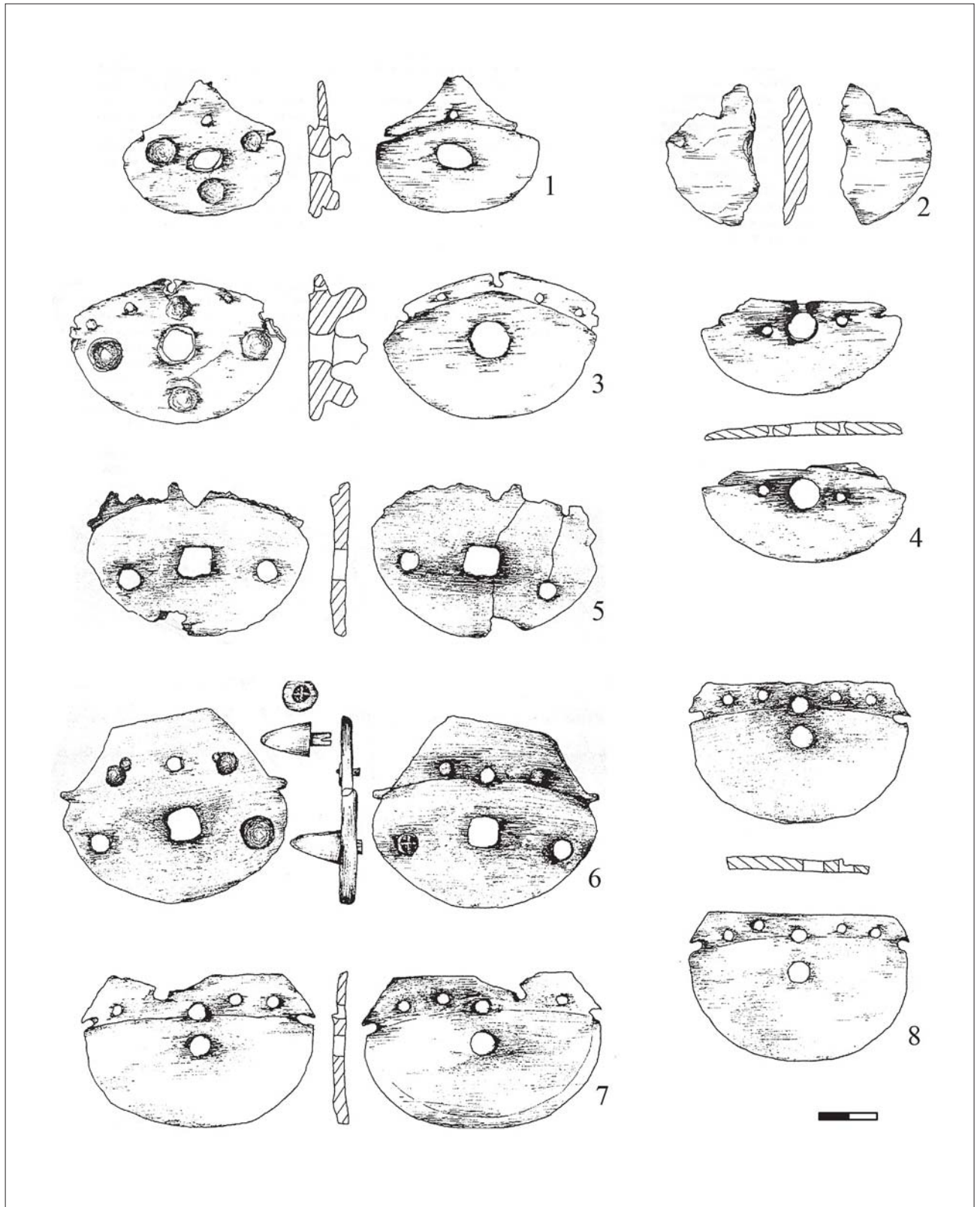

Рис. 54. Принадлежности конской упряжи из памятников петровского типа. Псалии

1-4 – могильник Восточно-Курайли I. Курган 11. Яма 4;

5-8 – могильник Жаман-Каргала II. Курган 14. Яма 2.

По: (Ткачев, 2004)

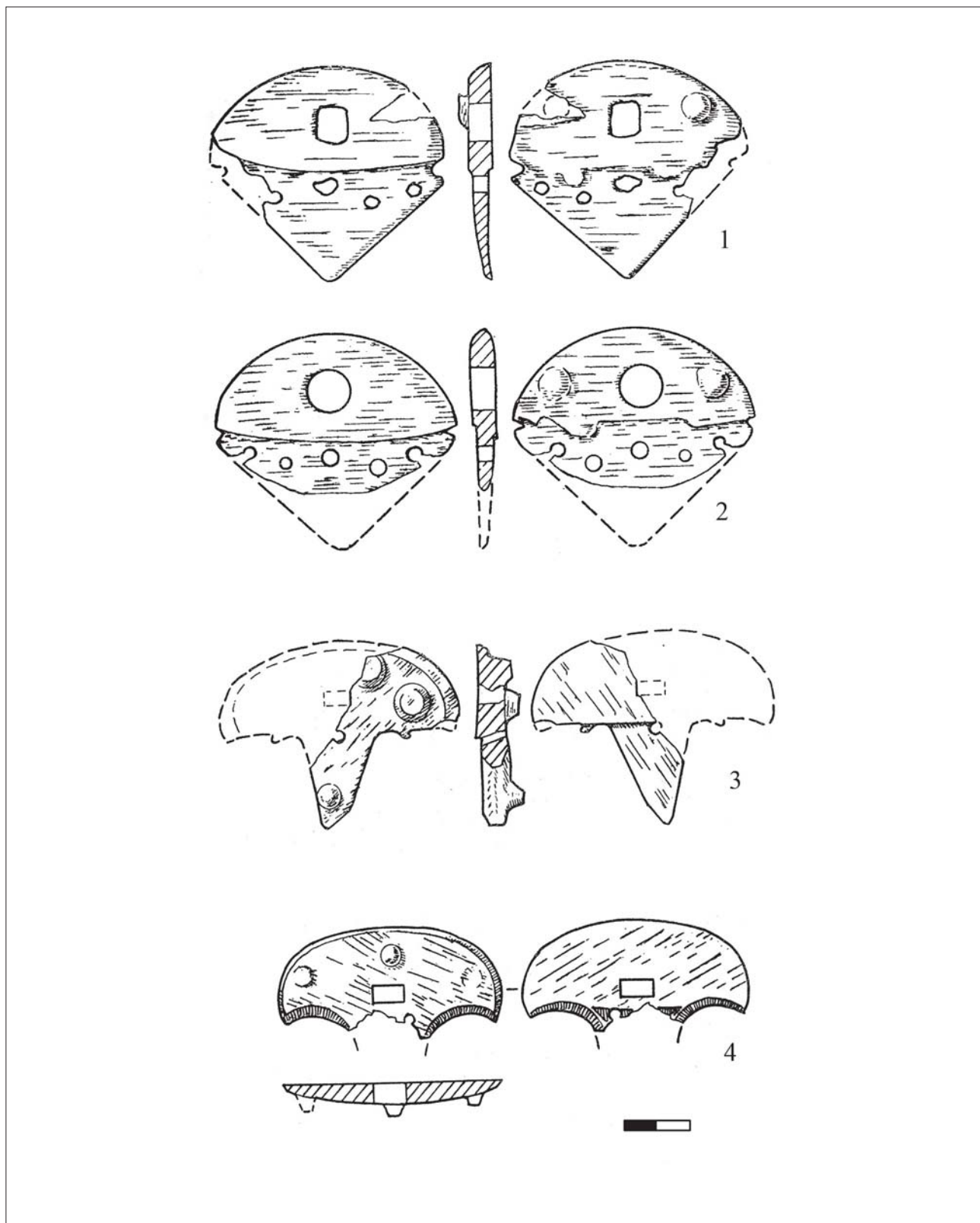

Рис. 55. Принадлежности конской упряжи из памятников петровского типа. Псалии
1-2 – могильник Берлик II. Курган 10; 3 – укрепленное поселение Новоникольское I;
4 – поселение Кулевчи III.

По: (Зданович, 1986)

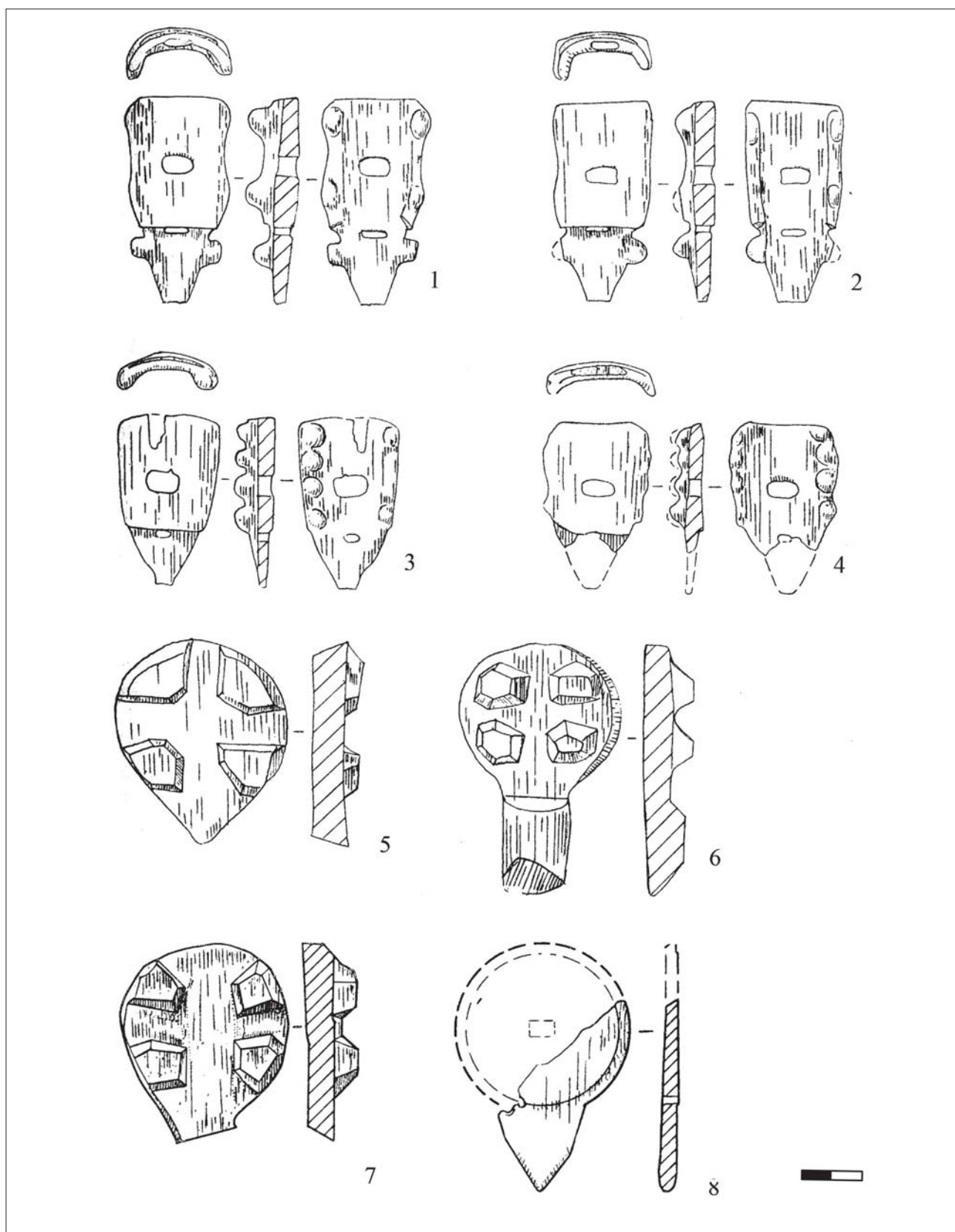

Рис. 56. Принадлежности конской упряжи из памятников петровского типа. Псалии 1-4 – могильник Аксайман. Курган 2; 5-8 – укрепленное поселение Петровка II. По: (Зданович, 1986)

в более поздних, в пределах бронзового века, погребальных памятниках Северного Казахстана, в частности, в могильнике Амангельды (Зданович, 1988. С. 69. Рис. 28, 10). Еще один экземпляр распределительной бляхи происходит из алакульской части культурного слоя поселения Коркино I в Южном Зауралье (Чемякин, Епимахов, 2004. С. 107, 109. Рис. 1, 1).

В целом, именно серия роговых псалиев из могильника Кривое Озеро позволяет уверенно говорить об отличиях петровских псалиев от синташтинских. В петровское время архаичные дисковидные псалии без выделенной планки, столь обычные для синташтинских комплексов, заменяются на дисковидные, сегментовидные и прямоугольные (для Северного Казахстана) с непременной выделенной планкой, зачастую снабженной выступами-«рожками» у основания (Зданович, 1988. С. 75. Рис. 30, 24; Виноградов, 2003. С. 251. Рис. 104, 6).

Многочисленны в петровских памятниках и каменные предметы. С.Я. Зданович и Г.Ф. Коробкова, используя трасологический метод, проанализировали функциональное назначение каменных орудий из раскопок укрепленного поселения Петровка II в Северном Казахстане (Зданович, Коробкова, 1988. С. 60–79). Каменные орудия здесь были распределены по двум классам: I – горно-металлургические и металлообрабатывающие орудия; II – орудия домашних производств. Исследование показало, что в коллекции из раскопок этого памятника наиболее представлены орудия первого класса (песты, рудотерки, молоты и разнообразных молотки, подставки-наковальни, гладилки-выпрямители, оселки, абразивы (рис. 57, 1–3). Сходные результаты трасологического изучения функций каменных орудий получены Г.Ф. Коробковой и Н.Б. Виноградовым для поселения Кулевчи III. В абсолютном большинстве орудия оказались связаны с производством и обработкой металлов (рис. 58–60). Остается лишь сожалеть, что для поселенческих памятников выводы, учитывая их многослойность и «открытость» культурного слоя, не могут быть окончательными.

Среди категорий каменных предметов из раскопок укрепленного поселения Устье I, (всего 243 предмета) наиболее многочисленны абразивы (101 экземпляр). Абразивы – достаточно распространенная находка в синташтинских памятниках Южного Урала (Епимахов, 1996. С. 39. Рис. 12, 14, 15; Боталов, Григорьев, Зданович, 1996. С. 83. Рис. 18, 10; Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 141. Рис. 62, 1–2, 4, 6). На втором месте – песты (16 экземпляров). Облик их рабочих поверхностей и следов работы на них позволяет определить их как песты для дробления и растирания руды (Зайков, Зданович, 2000. С. 83–84; Коробкова, Виноградов, 2004. С. 60–61. Рис. 3–6). 11 каменных наконечников стрел, обнаруженных в ходе исследования укрепленного поселения Устье I, имеют типичную для петровских памятников подтреугольную форму с подтесанным основанием. Наконечники стрел подтреугольной формы с прямым подтесанным основанием изготовлены в технике двусторонней ретуши и распространены в Южном Зауралье как в синташтинских памятниках (Епимахов, 1996. С. 38. Рис. 11, 3–5; Боталов, Григорьев, Зданович, 1996. С. 81. Рис. 17, 9; Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 124. Рис. 51, 1–6), так позднее и в петровских, и собственно алакульских. Интересен тот факт, что в синташтинских погребениях могильника Кривое Озеро нет ни одного экземпляра наконечников стрел второго, распространенного в прочих синташтинских могильниках Южного Зауралья, типа наконечников стрел – с выделенным черешком. В ряде синташтинских памятников подобные наконечники составляют до 43% от общего количества (Нелин, 1996. С. 61). В единичных экземплярах они известны и в других регионах распространения петровских памятников, в частности, в Центральном Казахстане (Кукушкин, 2007. С. 54, 1).

Из прочих типов каменных орудий в культурном слое Устья I присутствуют в единичных экземплярах молотки и молоты, рудотерки. Если судить по результатам планиграфической раскладки, то наибольшая концентрация каменных предметов наблюдается в петровских помещениях 1–3 (от 21 до 29 предметов в каждом из упомянутых котлованов), а также в котловане петровского помещения 11 (30 предметов).

Необходимо еще раз особо подчеркнуть наше сожаление по поводу невозможности для многослойных укрепленных поселенческих памятников Южного Зауралья расчленения коллекций вещевых материалов на синташтинскую и петровскую части.

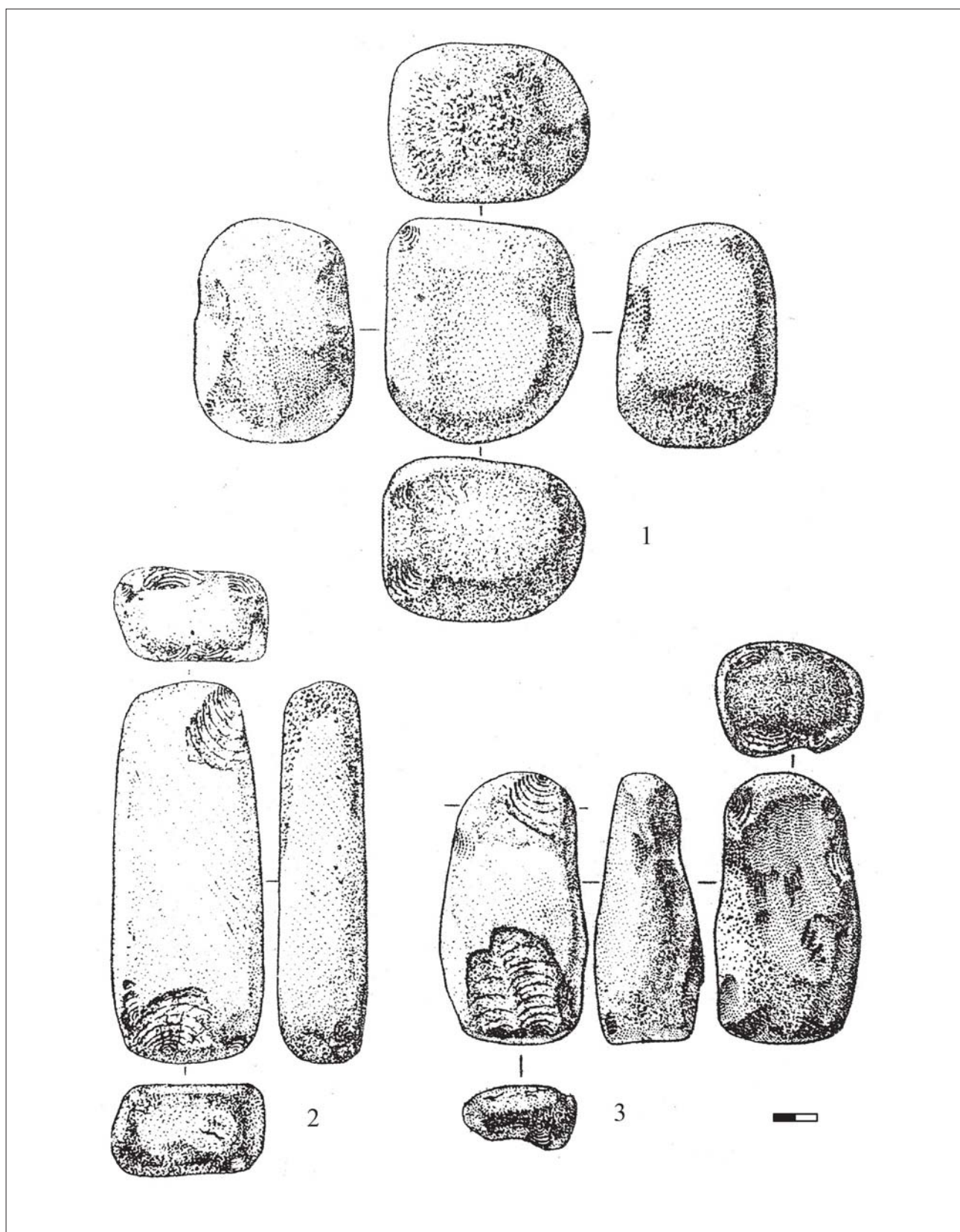
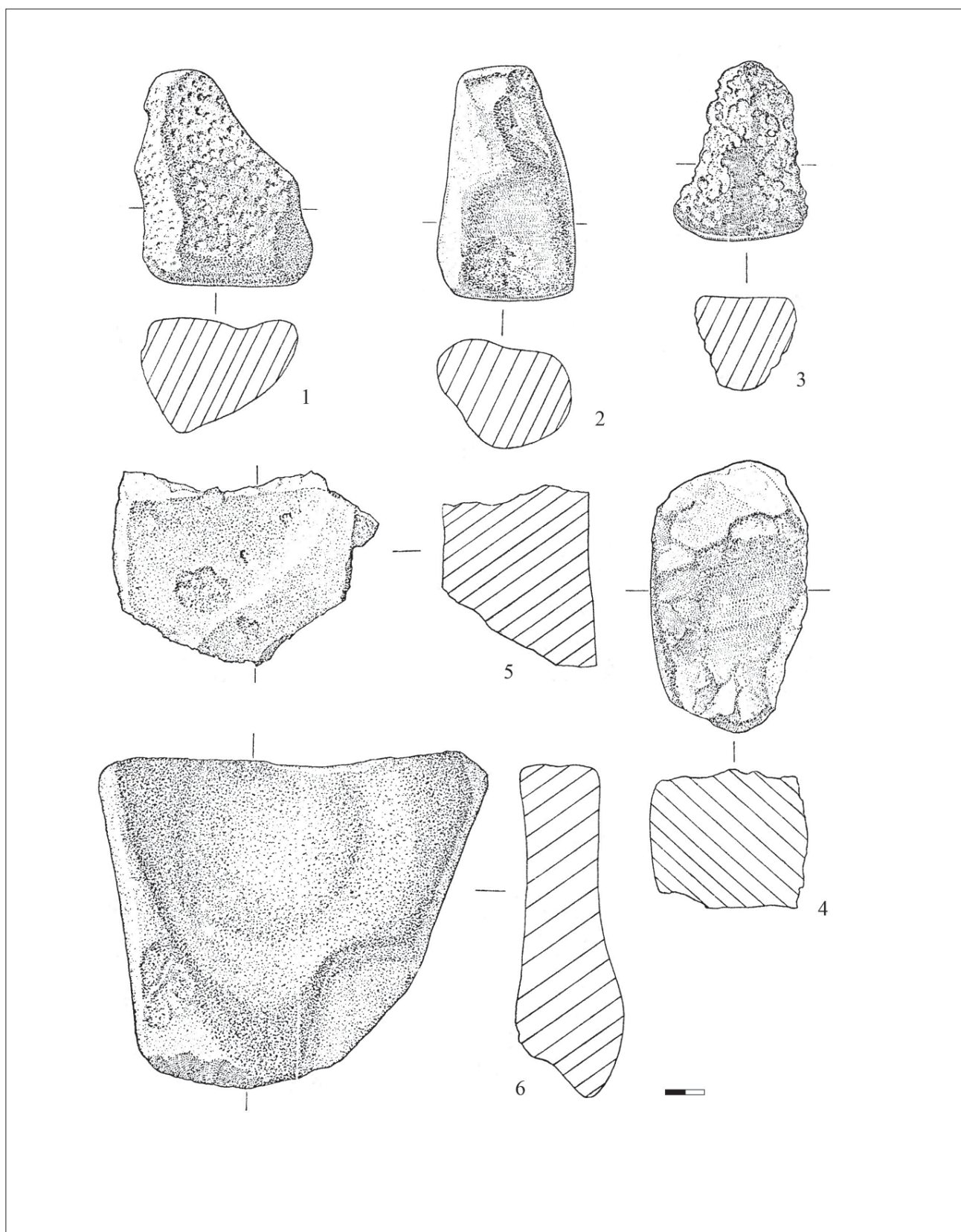

Рис. 57. Каменные орудия из памятников петровского типа.
Укрепленное поселение Петровка II

1-3 — молотки и молоты.

По: (Зданович, Коробкова, 1988)

**Рис. 58. Каменные орудия из памятников петровского типа.
Поселение Кулевчи III**

1-4 – песты для дробления и растирания руды; 5-6 – рудотерки

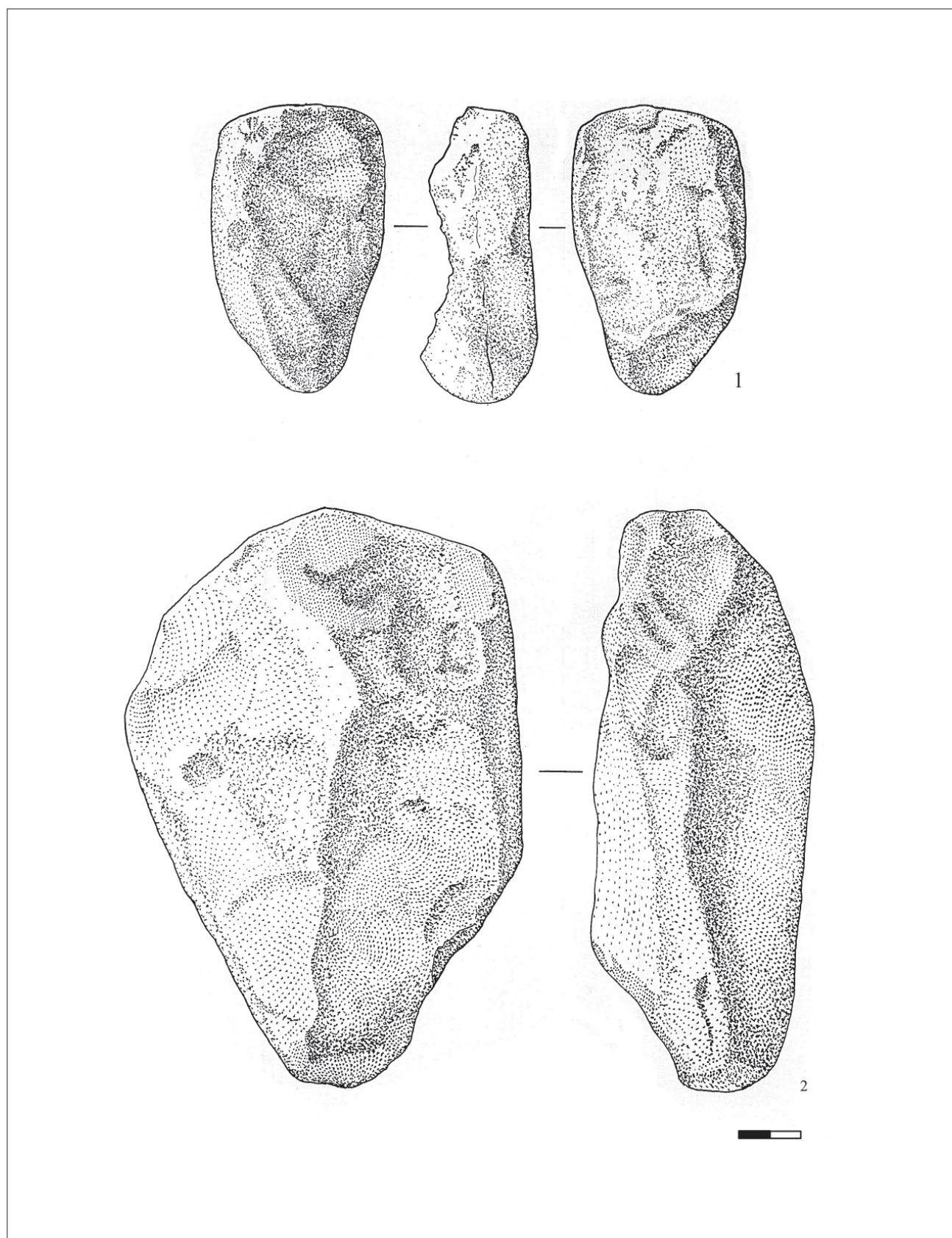

Рис. 59. Каменные орудия из памятников петровского типа. Поселение Кулевчи III
1 — МОЛОТОК; 2 — МОЛОТ

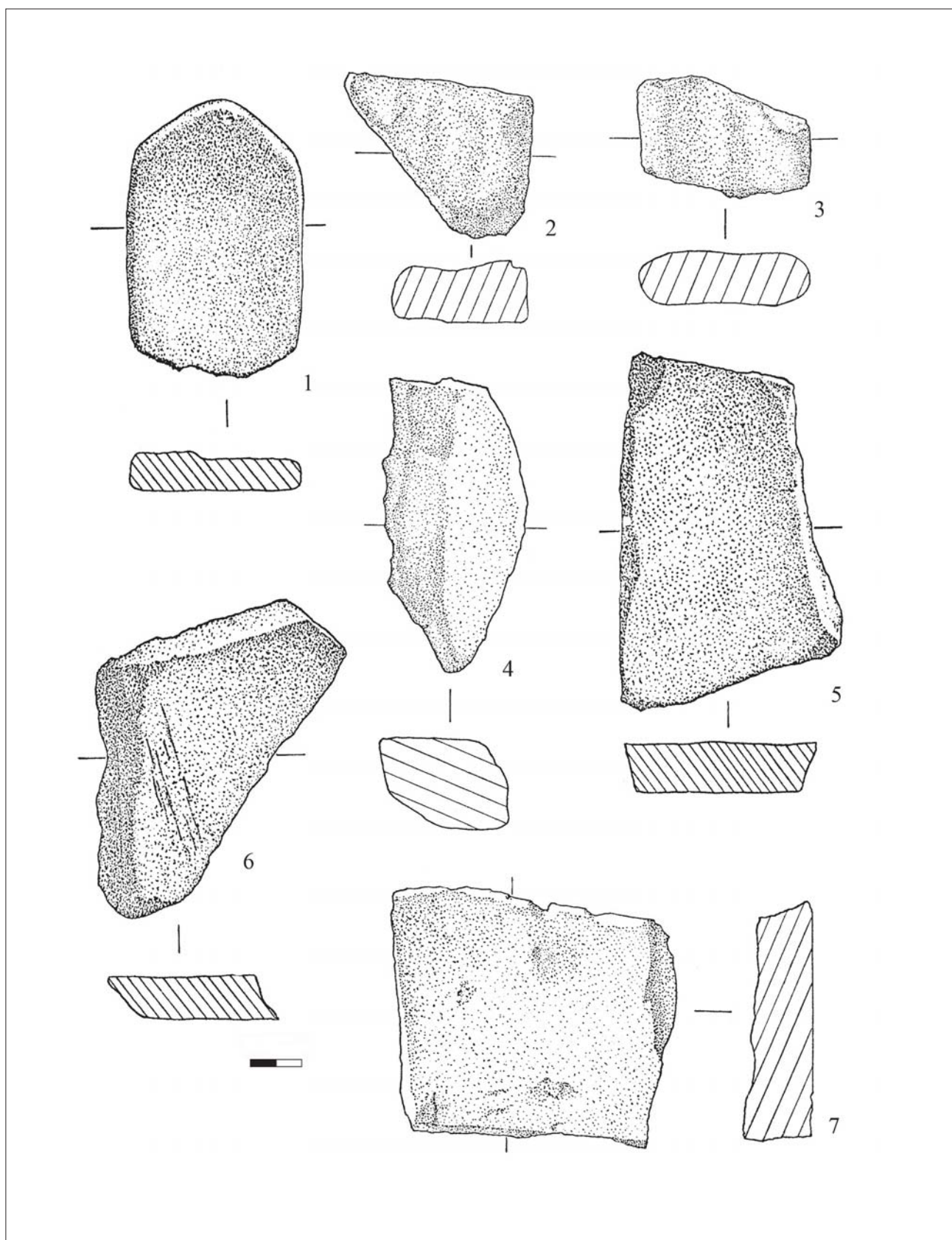

Рис. 60. Каменные орудия из памятников петровского типа. Поселение Кулевчи III
1-7 – абразивы

3.3. Проблема хронологии памятников петровского типа

А.А. Ткачев относит начало «процесса формирования андроновской культурной традиции» к рубежу III—II тыс. до н.э. (Ткачев, 2002. С. 213) и, вслед за В.С. Мосиным, связывает его с резкой аридизацией климата. А.Я. Щетенко на основе анализа находок «степной» керамики в культурном слое раннеземледельческих памятников эпохи бронзы Южной Туркмении утверждает, что контакты ранних земледельцев со степным скотоводческим населением «алакульско-федоровского круга» произошли в период XVI—XV вв. до н.э., а уже в XIII в. до н.э. здесь появляются группы «саргаринцев-алексеевцев» (Щетенко, 2003. С. 258).

Стратиграфическое соотношение синташтинских и петровских комплексов установлено нами при изучении ряда памятников в Южном Зауралье. На поселении Устье I (вскрыто 3000 кв. м) синташтинская застройка площадки, ограниченной оборонительными укреплениями, сильно пострадала во время строительства Устья петровского времени. Факт перекрытия петровским слоем синташтинского для поселения Устье I неоспорим. Подобная же картина наблюдалась при исследовании укрепленного поселения Ольгино (Каменный Амбар) в Карталинском районе Челябинской области. Петровские культурные слои пререзают синташтинские и на укрепленном поселении Аландское (Зданович, Малютина, 2004. С. 60—61). Имеются данные о наличии как синташтинских, так и петровских материалов, на укрепленном поселении Аркаим. Помимо укрепленных поселений, стратиграфическое предшествование синташтинских слоев петровским доказано несколькими фактами пререзания петровскими могильными ямами синташтинских (курган 10 могильника Кривое Озеро). В погребальных памятниках петровские комплексы всегда занимают либо периферийное положение (Каменный Амбар-5, Большекараганский, Степное I, Танаберген II), либо являются впускными в насыпи синташтинских курганов (курган 10 могильника Кривое Озеро).

Хронологический приоритет памятников синташтинского типа по отношению к петровским в Южном Зауралье, по данным стратиграфии, таким образом, очевиден.

Чрезвычайно важны и стратиграфические наблюдения, полученные при исследовании поселения Кулевчи III, где на площади 3000 кв. м петровский слой был пререзан сооружениями с керамикой, представленной сосудами с уступчатым плечом и трехзональной орнаментацией, характерными для развитого этапа истории алакульских культур (Виноградов, 1982. С. 94—99).

Полученные А.В. Епимаховым, Б. Хэнксом и К. Ренфрю несколько дат по C14 для петровского слоя укрепленного поселения Устье I указывают как на более позднюю его дату в сравнении с синташтинским, так и на отсутствие хронологического разрыва между ними (Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005. С. 99).

Серия дат по C14, полученная для различных по времени существования сооружений срубного периода истории селища Горный, указывает на хронологический диапазон (при вероятности в одну сигму) между 1690—1390 гг. до н.э. Исследователи полагают, что селище существовало в 17—15 вв. до н.э. (Каргалы. Т. 2, 2002. С. 125—128).

Для нуртайских памятников Центрального Казахстана на 2002 г. имелась лишь одна дата по C14 — для могильника Сатан (погребение с колесницей) — 1575—1255 гг. (1420 +160) до н.э. (калиброванное значение 1880—1490 гг. до н.э.) (Новоженков, 1989. С. 115).

Новейшая серия дат по C14 для памятников петровского типа свидетельствует: наиболее вероятным хронологическим диапазоном для памятников петровского типа является XIX—XVIII вв. до н.э. При этом надо отметить, что верхняя граница их существования представляется достаточно размытой, учитывая эволюционный облик перехода от петровских к собственно алакульским памятникам с сосудами с уступчатым плечом, орнаментацией, организованной по двум-трем зонам.

3.4. Проблема содержания памятников петровского типа

По мере накопления источников по памятникам петровского типа все более и более разнилось их осмысление отдельными исследователями. Ключевым звеном этого процесса стал состав признаков, которым каждый исследователь наделял памятники петровского типа. В зависимости от варианта понимания содержания, соответственно, решался целый круг важнейших проблем (происхождение, культурный статус, исторические судьбы петровского населения).

Еще во второй половине 1970-х гг. первооткрыватель памятников петровского типа Г.Б. Зданович наиболее ранними среди петровских считал материалы поселения Боголюбово I и могильника Петровка. По мнению Г.Б. Здановича, их керамика архаична и отражает наследие местных культур эпохи ранней бронзы (Зданович, 1973. С. 41). Особенностью ранней петровской керамики из Северного Казахстана, согласно Г.Б. Здановичу, также является незначительное, в сравнении с синташтинской керамикой Южного Зауралья, проявление абашевского влияния.

Выделив в начале 1980-х гг. петровскую культуру, Г.Б. Зданович должен был, соответственно, представить раннюю, развитую и позднюю (переходную к алакульской культуре) стадии истории петровского населения. Ранняя фаза в ряде статей Г.Б. Здановича лишь упоминается; развитая фаза обозначена эскизно. Справедливости ради надо отметить, что в керамическом комплексе поселения Петровка II раннепетровские сосуды и посуда развитого этапа петровской истории (по Г.Б. Здановичу) присутствуют, но в крайне небольшом количестве (Зданович, 1988. С. 48. Рис. 16). Однако частично они, по нашему мнению, могут и не быть связаны с укрепленным поселением. Так, несколько скопленных костей ног и черепов домашних животных и сосуды, типологически сопоставимые с керамикой могильника Петровка, обнаружены в «ответвлении» оборонительного рва (Зданович, 1988. С. 53, 133). Связь их с культурным слоем поселения Петровка II не очевидна. Дело в том, что в абсолютном большинстве керамическая коллекция (петровская ее часть) из раскопок обсуждаемого памятника относится именно к позднепетровскому (по Г.Б. Здановичу) времени. Упомянутые выше комплексы вполне могут отражать эпизод истории, более ранний по отношению к укрепленному поселению Петровка II и, возможно, связаны, скорее, с неким более ранним, по отношению к поселению, погребальным (?) памятником или одной из групп объектов расположенного рядом с поселением могильника Петровка. Не противоречит этому утверждению и планиграфия раскопанной части поселения, где именно позднепетровские или даже алакульские (?) помещения 1 и 2, со значительным преобладанием в культурном слое сосудов баночного типа, уверенно вписаны во внутреннюю площадку относительно расположенного несколько восточнее их рва, в то время как петровские (по Г.Б. Здановичу) помещения не увязаны в принципе с оборонительными сооружениями (Зданович, 1988. С. 45. Рис. 14). Планиграфическая композиция поселения Петровка II близка планиграфии петровского поселения Устье I в Южном Зауралье.

В области Петропавловского Приишимья и до настоящего времени не известны поселения с керамикой типа могильника у с. Петровка. Количество погребальных комплексов с подобными формами сосудов в Северном Казахстане также весьма невелико. По прошествии нескольких десятилетий исследования подобную странность вряд ли возможно объяснить лишь стечением обстоятельств процесса изучения. В то же время петровские поселенческие памятники с позднепетровской (по Г.Б. Здановичу) керамикой характеризуются в Северном Казахстане мощными культурными слоями, например, на поселении Новоникольское I.

Так или иначе, согласно представлениям Г.Б. Здановича, петровский керамический комплекс за несколько столетий истории населения, его создавшего, претерпел значительные изменения.

Петровским памятникам посвящен ряд исследований В.В. Ткачева (Ткачев, 1998. С. 38–39; Ткачев, 2003б. С. 109–124). Как и мы, В.В. Ткачев понимает памятники петровского типа как раннеалакульские (Ткачев, 2002. С. 53–54; Ткачев, 2003б. С. 111). Однако, по нашему глубокому убеждению, разделение В.В. Ткачевым раннеалакульского периода на два этапа: «петровский» и «кулевчинский» — лишено достаточных оснований. Если комплекс признаков «кулевчинского» (по Г.Б. Здановичу и В.В. Ткачеву) этапа достаточно конкретен, а памятники, относимые к нему, многочисленны, то «петровский» этап раннеалакульского (по В.В. Ткачеву) периода в этом смысле проблематичен. Южном Зауралье и в Среднем Притоболье «петровский» (по В.В. Ткачеву) этап раннеалакульского периода не представлен в принципе. Обсуждая материалы могильника Верхняя Алабуга в Среднем Притоболье, В.В. Ткачев полемизирует с А.В. Матвеевым по поводу наличия здесь более архаичных погребений, нежели погребения, относимые к «кулевчинскому» этапу и указывает на более, по его мнению, архаичную керамику из могильника Верхняя Алабуга. Однако отсылка к рисункам из монографии Т.М. Потемкиной (Потемкина, 1985. Рис. 77, 5, 8; 78, 3) приводит нас к сосудам типа I A 3 нашей классификации начала 80-х гг. XX в. Подобные сосуды, по нашим сведениям, до сих пор не встречались в одних и тех же закрытых комплексах с сосудами типа IA1 (типа могильника у с. Петровка в Северном Казахстане или Синташтинского могильника в Южном Зауралье). В то же время подобные сосуды в закрытых комплексах соседствуют с типичными для «кулевчинского» этапа сосудами I Б. Таким образом, пока нет никаких оснований их удревять. В начале 1980-х гг. было установлено их бытование, как мы тогда считали, в позднепетровское время (Виноградов, 1983. С. 12). Так же скромно иллюстрирован «петровский» (по В.В. Ткачеву) этап и в Южном Зауралье. Отсылка к материалам могильника Степное I указывает опять-таки на сосуды, типичные для «кулевчинского» этапа (Стоколос, 1962. С. 8. Рис. 2, а-е). Что касается рисунка 4 из той же статьи, то сосуды «а» и «б» здесь соответствуют материалам Синташтинского могильника, т.е. относятся к более раннему времени, чем «петровский» (по В.В. Ткачеву) этап. По нашему мнению, в могильнике Степное I рельефно представлена ситуация, прослеженная, в частности, при раскопках могильника Каменный Амбар-5. Основные погребения там дали синташтинские материалы, а периферийные — по окраинам курганов и в их насыпях — были отнесены исследователями к петровскому времени (Костюков, Епимахов, Нелин, 1995. С. 171–174). В Северном Казахстане «петровский» этап представлен по В.В. Ткачеву лишь погребениями с синташтоидными сосудами. Думается, что памятники с керамикой типа могильника у с. Петровка отражают, скорее, синташтинский культурогенетический импульс в аборигенную среду, а их керамический комплекс может быть определен как «синташтоидный». Что касается «вещного мира» петровского и кулевчинского этапов (по В.В. Ткачеву), то он практически аналогичен.

В.В. Ткачев понимает выделенный им «петровский» этап как время трансформации синташтинской культуры. Но, в силу своей явной немногочисленности и узкой территориальной локализации, синташтинское население могло играть лишь роль культурогенетического ядра. Поиски причин синташтинской культурогенетической активности — актуальная задача для современных исследователей. Утверждение В.В. Ткачева о замене многомогильных синташтинских погребальных комплексов «индивидуальными захоронениями с престижным инвентарем» (Ткачев, 2003б. С. 114), во всяком случае, для территории Южного Зауралья материалами не подтверждается. Традиция сезонного совершения захоронений, а стало быть, традиция коллективных захоронений, практиковалась в среде южноуральских степных скотоводов вплоть до времени бытования памятников с керамикой типа Алакульского могильника (по К.В. Сальникову) включительно. Логика формирования большесемейных некрополей предполагала постепенное их приращивание путем подзахоронений последующих умерших к предшествовавшим надмогильным сооружениям. Выборка индивидуальных центральных погребений, на которую ссылается В.В. Ткачев, вполне может оказаться и случайной. Большое значение, очевидно, имела продолжительность

функционирования отдельного семейного некрополя. При современной источниковой базе изучения алакульских культур Южного Зауралья и Казахстана, а также методах их изучения вряд ли стоит надеяться на появление в скором будущем еще «более дробной периодизации раннеалакульских памятников» (Ткачев, 2003б. С. 111). Причина подобной убежденности кроется в эволюционном облике изменений в материальной культуре алакульских памятников на протяжении всей их истории. Эволюционность эта локально была осложнена местным своеобразием различного генезиса (как внутреннее саморазвитие, так и внешние воздействия), что подчеркивает оригинальность каждой из алакульских культур в пределах алакульского ареала. Поэтому количество выделенных исследователем этапов в конечном счете будет зависеть от случайных выборов.

Многочисленность петровских (раннеалакульских) поселений и могильников в Южном Зауралье ныне общеизвестна. Мнение А.В. Матвеева об отсутствии здесь петровских памятников (Матвеев, 1998. С. 341) основано, очевидно, на не вполне корректном понимании как материального содержания петровских памятников, так и особенностей их замещения на собственно алакульские. Если, конечно, речь не идет о памятниках с керамикой типа могильника у с. Петровка, т.е. «синташтоидных», которые, по-нашему мнению, в Южном Зауралье, в собственно синташтинском ареале, вряд ли когда-либо будут найдены. Справедливым кажется утверждение А.В. Матвеева о том, что «к кругу петровских относили и продолжают относить не только очень разнородные, но и разновременные археологические объекты (Матвеев, 1998. С. 338). В то же время логика рассмотрения исследователем в качестве истинно петровских комплексов лишь незначительной (действительно несколько более ранней в пределах петровских, по нашему мнению) части петровских памятников и лишь в Северном Казахстане (Матвеев, 1998. С. 338–339) представляется «логикой наоборот». Указанные А.В. Матвеевым эталонные памятники, в частности, могильник у с. Петровка, логичнее рассматривать не как петровские, а синташтоидные. Выделение им особой «кулевчинской фазы» выглядит весьма искусственным, если принять во внимание сугубо эволюционный характер изменения в керамике от петровского этапа к собственно алакульскому. К тому же в Южном Зауралье эта эволюция была осложнена внешними воздействиями, прежде всего, со стороны срубного населения Южного Урала.

3.5. Происхождение памятников петровского типа

Появление памятников петровского типа – результат энергичного распространения синташтинских культурных стереотипов в среде позднейшего местного энеолитического населения. Оно и стало основой для сложения достаточно монолитного по признакам петровского (раннеалакульского) единства со сходными как в Северном Казахстане, так и в Южном Зауралье чертами (Виноградов, 2003).

В решении вопроса о районе формирования петровского (раннеалакульского) культурного комплекса вряд ли, следуя за В.В. Ткачевым, стоит ограничивать его синташтинской территорией на Южном Урале (Ткачев, 2003б. С. 113). Основные характеристики как поселенческих, так и погребальных петровских и нуртайских памятников Казахстана невозможно вывести из культурного контекста предшествующих местных культур. На наш взгляд, распространение пастушеско-скотоводческого образа жизни и металлопроизводства в начале II тыс. до н.э. было достаточно энергичным и привело к быстрому оформлению петровского (раннеалакульского) ареала и комплекса раннеалакульских стереотипов в материальной культуре практически одновременно как в Южном Зауралье, так и в степях Казахстана. При этом однозначное отрицание аборигенного компонента в сложении групп населения Южного Урала, а тем более Казахстана, оставившего петровские и культурно близкие им памятники, вряд ли оправдано. Во всяком случае, на археологическом уровне и археологическими методами доказать приоритет Южного Урала в процессе формирования

петровского населения вряд ли возможно. С таким же успехом можно утверждать, учитывая возросшее в петровское время значение медных месторождений Казахстана, Еленовско-Ушкаттинского микрорайона для населения обширного района степей, в том числе и для Южного Зауралья, и обратный вариант раннеалакульского генезиса с приоритетом именно скотоводческого населения Казахстана в формировании комплекса раннеалакульских традиций.

Расходимся мы с В.В. Ткачевым и по вопросу о роли сейминско-турбинского феномена в формировании облика «раннеалакульского культурного комплекса» (Ткачев, 2001. С. 3–14). В отличие от В.В. Ткачева полагаем, что пока нет достаточных оснований говорить о значительном хронологическом приоритете сейминско-турбинских памятников относительно петровских (раннеалакульских). Вопрос пока не имеет однозначного решения. Материалы могильника у горы Березовой (Халяпин, 2001), металлокомплекс и стратиграфия которого представляются основанием для утверждения о хронологическом приоритете Сеймы-Турбино перед памятниками петровского типа, вряд ли могут быть истолкованы однозначно. Способ крепления металлических пилок, зафиксированный в сейминско-турбинских памятниках и в могильнике «У горы Березовой», скорее, может быть стадийным явлением, чем принадлежностью одной культуры или культурной группы. Сами пилки хорошо известны как в сейминско-турбинских, так и в петровских памятниках, в частности, в поселении Кулевчи III, в укрепленном поселении Устье I. Некоторые экземпляры петровских пилок также имеют рабочий край, расположенный под углом к рукояти, но металлической, а не роговой или деревянной. Более логично, на наш взгляд, присмотреться к синташтинским корням петровской металлургии и металлообработки, особенно в свете серии новых дат для памятников синташтинского и петровского типов.

В.В. Ткачев моделирует миграционное происхождение скотоводческого петровского (раннеалакульского) населения в Южном Зауралье и в степях Казахстана с достаточно быстрой интеграцией охотничье-рыболовецкого аборигенного населения (Ткачев, 2003б. С. 111). Сомнения есть лишь в части количественных характеристик местного населения. Что лежит в основе тезиса о его немногочисленности? Малая степень исследованности памятников? В проблеме происхождения населения, оставившего памятники петровского типа, «зонами неизвестного» пока являются две: в какой степени местное население участвовало в алакульском культурогенезе и почему при явных следах культурного воздействия различных групп населения Волго-Уралья пока нет практически никаких данных о взаимодействиях формирующегося раннеалакульского населения с синхронными культурами бронзового века Западной Сибири (Потемкина, 1985. С. 288).

Происхождение чрезвычайно близкого петровскому нуртайского населения в Центральном Казахстане, по А.А. Ткачеву, связано с «наложением на местные культурные традиции ямно-афанасьевских инноваций» (Ткачев, 2002. С. 188). Вслед за Т.М. Потемкиной, в решении проблемы происхождения населения, оставившего памятники петровского типа, он твердо стоит на позициях автохтонизма. Однако пока не представлено никаких убедительных данных о «давлении на петровцев с востока канайского (раннефедоровского по А.А. Ткачеву. — Н.В.) населения. Синхронизация петровских и канайских памятников нуждается в подробном обосновании, как, впрочем, и мысль А.А. Ткачева о появлении петровских укрепленных поселений в Северном Казахстане и Среднем Притоболье как ответной реакции на вторжение ранних федоровцев с востока (Ткачев, 2002. С. 191–192). Отсылку к федоровской части коллекции керамики из могильника у с. Петровка мы считаем не вполне корректной, поскольку еще в начале 1980-х гг. было выяснено, что федоровские сосуды здесь группируются по овалу вокруг ямы 8 (ямки 1, 2, 5, 7, 10, 11), а их одновременность остальным сооружениям могильника фактами стратиграфии не доказана. Скорее, возможно говорить о частичном наложении комплекса федоровского времени петровский с центральной ямой 12. Мы считаем необходимым повторить свою уже высказанную в печати точку зрения о том, что единичные и в Северном Казахстане погребальные памятники с ранней

петровской (по Г.Б. Здановичу) керамикой, скорее, являются синташтоидными и отражают синташтинское влияние в среде местного населения (Виноградов, 2003. С. 256, 261) и могильник у с. Петровка не исключение.

Перспективным направлением разработки проблемы формирования петровского (раннеалакульского) комплекса черт культуры населения Южного Зауралья и Казахстана, на наш взгляд, может быть поиск следов взаимодействия синташтинского населения, в условиях продолжавшихся степных миграций, и потомков мира культур «геометрической керамики» Южного Урала и Казахстана (Зайберт, 1993; Калиева, Логвин, 1997). Синташтинское население Южного Урала выступает здесь лишь как культурогенетическое ядро для формирования раннеалакульского культурного комплекса. Чрезвычайно важным в этой связи представляется наше понимание данного исследования многочисленных раннепетровских (по Г.Б. Здановичу) памятников Северного Казахстана как синташтоидных. В отличие от южноуральских синташтинских, они практически полностью лишены абашевской «вуали» и отражают, скорее, трансформацию культуры местного населения, чем дальнейшее продвижение волн новопришедшего с запада скотоводческого населения. Итогом этих процессов было чрезвычайно быстрое распространение синташтинского «стиля жизни» в восточном и юго-восточном направлениях. Примечательно и еще одно наблюдение. При всех очевидных чертах преемственности между синташтинским и сменившим его петровским населением степей Южного Зауралья и Казахстана в керамике тем не менее нет археологически прослеживаемой эволюционной трансформации синташтинского керамического комплекса в петровский.

Так или иначе, результатом этих миграций и взаимодействий стало формирование памятников петровского (раннеалакульского) типа в Южном Зауралье, в Северном Казахстане и чрезвычайно близких им памятников нуртайского типа в Центральном Казахстане (Ткачев, 1999. С. 22–29). Причем этот процесс проходил достаточно быстро, в условиях тесного взаимодействия с группами раннесрубных племен Южного Урала. Мы убеждены также в том, что как в синташтинское, так и в петровское время для Южного Зауралья и Северного Казахстана возможно говорить о многообразных по причинам и направленности возвратных миграциях групп скотоводческого населения, что и обусловило энергичное формирование петровских (раннеалакульских) стереотипов материальной культуры в пределах обширного района, включавшего как Южный Урал, так и степи Казахстана. Конечно, этот процесс сопровождался региональным своеобразием, отмеченным, прежде всего, в керамике. Модель развития алакульских культур в степях и лесостепях Южного Урала и степях Казахстана, начиная с петровского времени и практически до заключительного этапа бронзового века можно обозначить как эволюционную, осложненную внешними (срубными и федоровскими) воздействиями.

3.6. Таксономическая атрибуция памятников петровского типа

Обсуждение культурной атрибуции памятников петровского типа стало неизбежным после резкого увеличения фонда источников по памятникам петровского типа как в Южном Зауралье, так и в Казахстане за последние два десятилетия XX в. В начале – в середине 1970-х гг. XX в. Г.Б. Зданович атрибутировал открытые им в Северном Казахстане памятники петровского типа как ранний этап истории алакульской культуры (Зданович, 1973. С. 41; Зданович, 1975. С. 22). В основу аргументации легли материалы масштабного исследования поселения Петровка II и могильника у села Петровка, расположенного рядом с упомянутым поселением, а также ряда других памятников как Северного Казахстана, так и Зауралья. В этот период петровские памятники виделись Г.Б. Здановичу как достаточно монолитные, хотя тенденция эволюции петровской керамики была им понята уже тогда (Зданович, 1973. С. 41). После открытия в Южном Зауралье памятников синташтинского

типа встал вопрос о соотношении петровских материалов поселения Кулевчи III с петровскими памятниками Северного Казахстана. В определенной части эта работа была проделана нами в начале 1980-х гг. Тогда же были скоррелированы типы петровской и алакульской керамики по взаимовстречаемости в закрытых комплексах (погребальные памятники) и соотношены по целому комплексу признаков керамические коллекции основных раскопанных к тому времени петровских поселенческих памятников как в Северном Казахстане (Петровка II, Новоникольское, Боголюбово I), так и в Южном Зауралье (поселение Кулевчи III). В результате алакульский керамический комплекс был разбит на две группы: петровскую (раннеалакульскую) и собственно алакульскую, а в самой петровской группе керамики определена эволюция от ранних форм к поздним (Виноградов, 1983. С. 8–13). Керамические материалы поселения Кулевчи III, исходя из имевшихся материалов, трактовались как позднепетровские. Однако уже тогда мы не нашли оснований для выделения особой «петровской» культуры.

В начале 1980-х г. Г.Б. Зданович, стремясь учесть как явную неоднородность петровских памятников в Северном Казахстане, так и открытие в Южном Зауралье памятников синташтинского типа и целой серии петровских памятников, среди которых наиболее ярким явилось поселение Кулевчи III, предложил выделить петровскую культуру, а историю петровских памятников рассматривать в рамках трехчленной периодизации, с выделением раннего, развитого и позднего этапов (Зданович, 1983), но без развернутых характеристик каждого из них. Однако уже тогда первооткрыватель петровских памятников отмечал полное отсутствие материалов ранних (по Г.Б. Здановичу) петровских памятников, «комплексов, связанных с их формированием» (Зданович, 1983. С. 65). В свою очередь, подчеркивалась многочисленность «позднепетровских» (по Г.Б. Здановичу) памятников. По мнению исследователя, выделенная им петровская культура (Зданович, 1988. С. 132–139) сложилась в Северном Казахстане. Синташтинские памятники в Южном Зауралье тогда интерпретировались Г.Б. Здановичем как южноуральский вариант петровской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана (Зданович, 1988. С. 110, 132). В 1990-е гг. он выделяет уже две культуры: петровскую для Северного Казахстана и синташтинско-аркаимскую для Южного Зауралья (Зданович, 1999. С. 42). Г.Б. и Д.Г. Здановичами в 1995 г. была предложена периодизация истории так называемой «Страны городов» (термин предложен Г.Б. Здановичем) с тремя этапами (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 51–56). Эта периодизация, по существу, синхронизировала петровские и синташтинские комплексы, разделяя их по району формирования и культурным составляющим.

А.А. Ткачев, обсуждая подоснову андроновского этапа истории степей Казахстана, утверждает, что она была составлена из памятников синташтинской, петровской и выделенной им для Центрального Казахстана нуртайской культур (Ткачев, 1999; Ткачев, 2002). Все эти культуры, по мнению исследователя, возможно считать одновременными. Петровские памятники Северного Казахстана А.А. Ткачев синхронизирует с нуртайскими (без подразделения петровских памятников Северного Казахстана на ранние и более поздние). Не отрицая близости петровских и нуртайских древностей, обусловленной единой (местной. — *Н.В.*) подосновой, он подчеркивает, что нуртайские памятники демонстрируют «более чистую линию развития от местных энеолитических и раннебронзовых племен» (Ткачев, 2002. С. 188).

Необходимо отметить, что все приведенные в работе А.А. Ткачева нуртайские керамические серии чрезвычайно близки керамике поселения Кулевчи III и основному (позднепетровскому или «кулевчинскому», по Г.Б. Здановичу) (Зданович, 1983. С. 51) массиву керамики из петровских памятников Северного Казахстана. Напротив, в нуртайских памятниках нет сосудов, определяемых Г.Б. Здановичем как ранние петровские. Стало быть, хронологическая позиция нуртайских памятников Центрального Казахстана должна быть соотносима, скорее, со временем поселения Кулевчи III, нежели со временем могильника у села Петровка. Исходя из изложенного выше, нуртайские комплексы Центрального Казахстана

вряд ли могут быть синхронизированы с синташтинскими Южного Урала, поскольку нет убедительных аргументов в пользу синхронизации нуртайских, петровских (в ранней, по Г.Б. Здановичу, их части) и тем более синташтинских (Ткачев, 1999. С. 28–29) памятников.

Если к материальной культуре памятников синташтинского типа вполне применим тезис В.С. Бочкарева о «начальной фазе культурогенеза» (Бочкарев, 1995. С. 27), то применительно к петровским памятникам этого никак нельзя сказать. Петровские (раннеалакульские) памятники Южного Зауралья демонстрируют все признаки уже сложившейся культуры. По нашему мнению, петровские и близкие им памятники Южного Урала и Казахстана должны быть атрибутированы именно как тип памятников, который отражает ранний этап истории алакульских культур Южного Урала и Казахстана, ранний этап истории собственно андроновской культурно-исторической общности.

Мир алакульских культур Южного Урала и Казахстана должен рассматриваться как логическое развитие преимущественно петровских стереотипов, локально осложненных внешними, для Южного Зауралья в основном раннесрубными, взаимодействиями. Исследованиями последних лет получены прямые свидетельства непосредственных контактов петровского населения Южного Урала и синхронных культур Поволжья. Так, в могильнике Кривое Озеро явно импортный (покровский?) сосуд найден вместе с достаточно обычным петровским сосудом на дне ямы 7 кургана 2 (рис. 41, 1–2). Состав теста, технология изготовления, детали формы и орнаментации этого сосуда резко отличны от остальной выборки петровской керамики могильника.

По содержанию главы можно сделать следующие выводы:

1. Переход от памятников синташтинского типа к петровским не был линейным и не имел вида простой эволюции. Формирование памятников петровского типа, на наш взгляд, скорее всего, было результатом структурной перестройки культуры местного постэнеолитического населения на основе творческого усвоения и переосмысления престижных синташтинских стереотипов и с явным участием в процессе алакульского культурогенеза срубного населения Южного Урала и Волго-Уралья.

2. Стратиграфическое следование петровских комплексов за синташтинскими и более поздняя их хронологическая позиция, с точки зрения относительной хронологии, подтверждены достаточным количеством фактов.

3. Можно утверждать о более ранней стратиграфической позиции петровских памятников по отношению к памятникам развитой поры истории алакульских культур, характеризующихся керамическим комплексом типа Алакульского могильника (по К.В. Сальникову).

4. Сопоставление позиций памятников синташтинского и петровского типа в сетке абсолютной хронологии не столь однозначно. Однако пока не просматривается иного, кроме С14, метода датировки, который позволил бы расставить точки над «i».

5. Памятники петровского типа, по данным С14, датируются несколько более поздним временем в сравнении с синташтинскими, при возможности частичного периода их сосуществования.

6. Петровский (раннеалакульский) этап в истории алакульских культур Южного Зауралья и Казахстана достоверно документирован лишь памятниками с керамикой типа поселения Кулевчи III в Южном Зауралье или могильника Верхняя Алабуга в Среднем Притоболье («кулевчинская», по А.В. Матвееву, группа погребений) и большинства петровских памятников Северного и Центрального Казахстана. Его можно однозначно определить как ранний (петровский) период истории собственно алакульских культур.

7. Памятники петровского типа на всей территории их распространения (Южный Урал, Зауралье, Северный и Центральный Казахстан) не могут быть атрибутированы в ранге культур, поскольку их материальный мир эволюционно сменяется памятниками развитого этапа истории алакульских и очень близких им по облику культур на обозначенных территориях. Если трактовать термин «археологическая культура» в традиционном для

отечественной науки понимании, то памятники петровского типа уверенно могут быть определены как петровский тип памятников, отражающий ранний (петровский) этап истории алакульских культур на всей территории распространения алакульских памятников.

8. Анализ петровского гончарства показал, что технологически оно восходит к гончарству синташтинского населения. Однако лишь в петровском гончарстве проявились основные алакульские стереотипы. Результаты комплексного анализа остатков металлургического производства, металлических, каменных предметов из синташтинских и петровских памятников Южного Зауралья и Северного Казахстана указывают, что, помимо пастушеского скотоводства, в хозяйственно-экономической жизни петровского населения в этих регионах значительную роль играло металлопроизводство, однако возможно поставить вопрос о постепенном уменьшении роли металлопроизводства в хозяйственно-экономической жизни петровского населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование памятников синташтинского типа в Южном Приуралье на рубеже III—II тыс. до н.э. было одним из частных результатов распада «мира» позднейших катакомбных культур и соединения нескольких групп культурных традиций: катакомбных, абашевских. На базе южноуральской металлопроизводящей области на рубеже III—II тыс. до н.э. оформилось и непродолжительное время функционировало специфическое культурное сообщество, в которое, помимо синташтинских, какое-то время входили и абашевские общины. И у тех и у других металлопроизводство, наряду со скотоводством, стало одной из базовых хозяйственных отраслей.

Основной социальной единицей этого сообщества, скорее всего, выступал клан (большесемейная община). Именно в металлургии и металлопроизводстве необходимо искать причины тотальной сакрализации жизни синташтинских общин, значительного количества архитектурно-планировочных и планиграфических инноваций для поселенческих памятников, всеобщей пышности погребальной обрядности.

Время появления синташтинских памятников в Южном Зауралье совпало с комплексным кризисом развития присваивающего хозяйства у носителей абorigенных праургорских культур: суртандинской и терсекской. Именно это обстоятельство обусловило возможность активного течения интеграционных процессов и усвоения синташтинских культурных стереотипов абorigенным населением, стремительного формирования на этой базе облика петровского этапа истории алакульских культур Южного Урала, Зауралья и Северного Казахстана.

Появление серии укрепленных синташтинских поселений в зоне Зауральского пенеплена, по нашей версии, связано как с наличием здесь многочисленных проявлений медьсодержащих минералов, так и с возможностью контактов по поводу металла с носителями абorigенных культур. Функционирование самих синташтинских укрепленных поселений в режиме полной заселенности происходило, вероятнее всего, на сезонной основе. Постоянные обитатели этих поселений оставили рядом с ними относительно небольшие некрополи, подтверждающие необходимость объяснения ситуации с несоразмерностью синташтинских поселений и относящихся к ним могильников.

Материалы синташтинских памятников, в силу их экстраординарности, должны с осторожностью использоваться для сравнения и анализа содержания «стандартных» скотоводческих культур позднего бронзового века, поскольку отражают не «норму» развития степных скотоводческих культур, а некое исключение, обусловленное и широко развитым металлопроизводством.

Совокупности признаков, характеризующие синташтинские и петровские памятники, дают веское основание уверенно их различать.

Синташтинские представлены укрепленными поселениями округлых очертаний (Южное Зауралье) и многомогильными погребальными площадками (Степное Приуралье, Южное Зауралье). Вне пределов Южного Урала могильники с синташтоидными чертами встречены в Северном Казахстане. Их культурные слои содержат керамику, сформованную в большинстве на сосудах-основах с использованием текстильной прокладки. Синташтинская керамика представлена разнообразными формами, преимущественно горшечно-баночными с высоко поднятым ребром, сплошной разнообразной орнаментацией внешней поверхности. Она разделена на две основных подгруппы: «протосрубную» и «абашоидную». Металлокомплекс, пластинчатый в основе, представлен разнообразными типами. Щитковые псалии, в основном дисковидные, с выделенной планкой и фигурными шипами.

Петровские памятники представлены как укрепленными (прямоугольной формы), так и неукрепленными поселениями (Южное Зауралье, лесостепное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан). Синташтинские истоки петровского культурного комплекса иллюстрируют как архитектурно-планировочные решения поселений, так и могильники, представ-

ленные погребальными площадками отдельных больших семей. Погребальный обряд вместе с тем обнаруживает черты своеобразия. Материальный мир петровских памятников в большей или меньшей мере, в зависимости от конкретных категорий, также связан с синташтинскими традициями. Керамика горшечно-баночных форм, с высоко поднятым ребром (ребром-уступом, уступом-ребром), орнаментацией, разнесенной преимущественно по двум-трем зонам, с небольшим набором орнаментальных мотивов. Металлокомплекс пластинчатый, по типологии близок синташтинскому. Однако в нем присутствуют принципиальные инновации (наконечники копий с литой втулкой, иные пропорции ряда типов пластинчатых орудий). Псалии из раскопок петровских памятников характеризуются следующими чертами: щитки округлые, сегментовидные либо прямоугольные с выделенной удлинённой планкой и прямыми шипами.

Стратиграфическое следование петровских слоев за синташтинскими надежно доказано исследованиями широкими площадями поселенческих и погребальных памятников на Южном Урале (укрепленные поселения Устье I, Аландское, могильники Кривое Озеро, Та-наберген II). В синташтинских памятниках в различной степени прослежены следы нескольких культурных составляющих: позднейшего катакомбного населения, абашевской Южного Урала, «протосрубной» и позднейших квазиэнеолитических аборигенных культур. В качестве «петровских», как свидетельствуют материалы широко исследованных памятников, можно рассматривать лишь памятники с керамикой типа поселения Кулевчи III. Стратиграфическое соотношение петровских комплексов и памятников с сосудами с уступчатым плечом, трехзональной организацией орнаментации выявлено при изучении поселения Кулевчи III, где петровские слои перекрыты алакульскими.

Смена петровских (раннеалакульских) памятников комплексами с керамикой с уступчатым плечом (типа Алакульского могильника, по К.В. Сальникову), в свою очередь, происходила эволюционно в отдельных районах с разной скоростью, и этот процесс был в разной степени осложнен внешними воздействиями, придававшими ему черты локального своеобразия.

Автор далек от мысли об окончательном решении круга представленных в монографии проблем. Эта задача, если она когда-либо и будет выполнена, займет неизмеримо больший промежуток времени и по силам большому коллективу различно образованных специалистов. Начало этого процесса мы можем наблюдать уже в наше время. В данной монографии представлено лишь авторское видение проблем, связанных с памятниками синташтинского и петровского типа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии : тезисы докладов международной науч. конф. — Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 1996. — 63 с.

Аванесова Н.А. Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. — Л. : Наука, 1975. — С. 67–73.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). — Ташкент : Фан, 1991. — 200 с.

Агапов С.А., Иванов А.Ю. Металлообрабатывающий комплекс поселения Липовый Овраг // Поселения срубной общности. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1989. — С. 133–143.

Алаева И.П. Раннесрубные памятники на территории Южного Зауралья // Бронзовый век Восточной Европы : характеристика культур, хронология и периодизация : материалы международной конф. к столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы. — Самара : ООО НТЦ, 2001. — С. 198–199.

Алексащенко Н.А., Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М. и др. Работы в зоне Брединского водохранилища // АО-1972. — М. : Наука, 1973. — С. 153.

Аркаим — Синташта : древнее наследие Южного Урала : к 70-летию Г.Б. Здановича : сб. науч. тр. : в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Д.Г. Зданович ; редкол. : Н.Б. Виноградов, С.А. Григорьев, А.В. Епимахов ; Челябинский гос. ун-т ; Ист.-культурный заповедник обл. значения «Аркаим». Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2010. — 184 с.

Археологическая карта Курганской области / сост. Н.Б. Виноградов. — Курган : Производственная группа по охране и использованию памятников, 1993. — Т. 1. — 346 с.

Ашихмина Л.И., Петрин В.Т., Чебакова Т.Н. и др. Исследования в Брединском районе Челябинской области // АО-1973. — М. : Наука, 1974. — С. 132–133.

Батанина И.М. Страна городов с птичьего полета // Хроника. — 1995. — 25 мая.

Батанина И.М. Журумбай // Челябинская область : энцикл. : в 7 т. Т. 2 / гл. ред. К.Н. Бочкарев. — Челябинск : Каменный пояс, 2004. — С. 339–340.

Батанина И.М. Коноплянка // Челябинская область : энцикл. : в 7 т. Т. 3 / гл. ред. К.Н. Бочкарев. — Челябинск : Каменный пояс, 2004. — С. 344.

Батанина И.М., Епимахов А.В. Каменный Амбар // Челябинская область : энцикл. : в 7 т. Т. 3 / гл. ред. К.Н. Бочкарев. — Челябинск : Каменный пояс, 2004. — С. 54.

Батанина И.М., Зданович Д.Г. Исиней // Челябинская область : энцикл. : в 7 т. Т. 2 / гл. ред. К.Н. Бочкарев. — Челябинск : Каменный пояс, 2004. — С. 615.

Батанина И.М., Иванова Н.О. Археологическая карта заповедника Аркаим // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск : Каменный пояс, 1995. — С. 159–195.

Бачура О.П. Определение сезона и возраста забоя животных по регистрирующим структурам из поселения Устье // Этнические взаимодействия на Южном Урале : сб. науч. тр. / отв. ред. : А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. — Челябинск : Издательский центр Южно-Уральского гос. ун-та, 2009. — С. 31–33.

Берденов С.А. Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. — Вып. 2. — Алматы ; М., 1998. — С. 180–190.

Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. — Киев : Наукова Думка, 1982. — 209 с.

Березкин Ю.Е. Аркаим как церемониальный центр : взгляд американиста // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Археологические изыскания. — Вып. 25. — СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 1995. — С. 29–39.

Беседин В.И. Керамика Доно-Волжской абашевской культуры в системе древностей абашевской общности // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии : тезисы докладов международной науч. конф. — Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 1996. — С. 11–13.

Беседин В.И., Пряжин А.Д. Миниатюрные острореберные сосуды в системе оценки абашевских древностей // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы : материалы конф. – СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 1995. – С. 78–80.

Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 285 с.

Борзунов В.А., Бельтикова Г.В. Стоянка абашевских металлургов в горно-лесном Зауралье // 120 лет археологии восточного склона Урала : Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. – Ч. 2 : Новейшие открытия уральских археологов. – Екатеринбург : Уральский гос. ун-т, 1999. – С. 43–52.

Борисов Д.В. Сравнительное исследование укрепленных поселений эпохи бронзы Степное и Черноречье // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студ. конф. – Астрахань : Изд-во Астраханского гос. ун-та, 2006. – С. 39–40.

Бороффа Н. Некоторые культурные и социальные взаимосвязи в бронзовом веке Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н. э. : материалы к конф. – Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. – С. 80–83.

Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большакарганского могильника // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала : тр. музея-заповедника «Аркаим». – Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1996. – С. 64–88.

Бочкарев В.С. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте : материалы методологического семинара ИИМК АН СССР. – СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 1991. – С. 24–27.

Бочкарев В.С. Новые абсолютные даты для бронзового века Европы // Северная Евразия от древности до средневековья. Археологические изыскания. – Вып. 2. – СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 1992. – С. 21–23.

Бочкарев В.С. Концептуальные проблемы хронологии эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Археологические изыскания. – Вып. 7. – СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 1993. – С. 42–43.

Бочкарев В.С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит – средневековье). – СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 1994. – С. 66–75.

Бочкарев В.С. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Археологические изыскания. – Вып. 25. – СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 1995. – С. 18–29.

Бочкарев В.С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара : Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 1995. – С. 114–123.

Бочкарев В.С. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация. – СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. – С. 45–55.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. – СПб. : Инфо Ол, 2010. – 231 с.

Бочкарев В.С., Бужилова А.П., Епимахов А.В. и др. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии : коллективная монография. – Екатеринбург ; Самара-Донецк, 2010. – 370 с.

Бытковский О.Ф., Ткачев В.В. Погребальные комплексы среднего бронзового века из Восточного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 1. – Оренбург : Изд-во Оренбургского гос. пед. ин-та, 1996. – С. 68–84.

Варов А.И., Косинцев П.А. Животноводство населения Южного Приуралья в позднем бронзовом веке // XIII Уральское археологическое совещание : тезисы докладов. – Уфа : Восточный ун-т, 1996. – Ч. I. – С. 55–56.

Васильев И.Б. Большие ямно-полтавкинские курганы в Волго-Уралье и проблемы социальной структуры общества // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. :

региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1999. — С. 135—141.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. — № 1. — СПб. : ИИМК РАН, 1992. — С. 52—63.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. — Самара : Самарский гос. ун-т, 1994. — 208 с.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье (Краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). — Самара : Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 1995. — С. 5—37.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Проблема перехода от эпохи средней к эпохе поздней бронзы на Урале, Волге и Дону // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы III международной конф. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 32—35.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Проблема перехода от эпохи средней к эпохе поздней бронзы на Урале, Волге и Дону // Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы конф. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 32—35.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Доно-Волго-Уральская степь на рубеже среднего и позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. — Волгоград : Перемена, 1996. — С. 36—40.

Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность : межвузовский сб. науч. тр. — Куйбышев : Изд-во Куйбышевского гос. пед. ин-та, 1985. — С. 60—94.

Васюткин С.М., Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья : межвузовский сб. науч. тр. — Уфа : Изд-во Башкирского гос. пед. ун-та, 1985. — С. 67—88.

Велитченко В.В. Поселение Каменный Брод — спутник укрепленного центра Аркаим // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий : материалы XLVII региональной (III Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск : Новосибирский гос. пед. ун-т, 2007. — С. 50—51.

Виноградов Н.Б. Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. — Вып. 169. — М. : Наука, 1982. — С. 94—99.

Виноградов Н.Б. Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М. : ИА АН СССР, 1983. — 22 с.

Виноградов Н.Б. Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. — 1984. — № 3. — С. 136—153.

Виноградов Н.Б. Отчет о полевых исследованиях на территории Челябинской и Курганской областей в 1988 году // Архив ИА РАН.

Виноградов Н.Б. Отчет о полевых исследованиях на территории Челябинской и Курганской областей в 1990 году // Архив ИА РАН.

Виноградов Н.Б. Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // Вестник ЧГПИ. — № 1. — Сер. 1 : Исторические науки. — Челябинск : Челябинский гос. пед. ин-т, 1995. — С. 16—26.

Виноградов Н.Б. Новые материалы для реконструкции облика одежды алакульских женщин (по результатам изучения могильника Кулевчи VI) // Проблемы истории, филологии, культуры. — Вып. VI. — М. ; Магнитогорск, 1998. — С. 186—202.

Виноградов Н.Б. Синташтинские и петровские древности бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана в контексте культурных взаимодействий // XIV Уральское археологическое совещание : тезисы докл. — Челябинск : Рифей, 1999. — С. 64—66.

Виноградов Н.Б. Могильник эпохи бронзы Кулевчи VI в Южном Зауралье (по раскопкам 1983 года) // Проблемы истории, филологии, культуры. — М.; Магнитогорск, 2000. — С. 24–53.

Виноградов Н.Б. Парадоксы Синташты // Бронзовый век Восточной Европы : характеристика культур, хронология и периодизация : материалы международной науч. конф. — Самара : НТЦ, 2001. — С. 189–193.

Виноградов Н.Б. Проблема соотношения и интерпретации памятников синташтинского и петровского типов в Южном Зауралье // Степи Евразии в древности и средневековье : материалы международной науч. конф. — СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. — Кн. 1. — С. 121.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье : монография. — Челябинск : Южно-Уральское кн. изд-во, 2003. — 362 с.

Виноградов Н.Б. Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии : сб. ст. памяти В.В. Волкова. — М. : Ин-т археологии РАН, 2004. — С. 261–284.

Виноградов Н.Б. Памятники петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане : культурная атрибуция и внутренняя периодизация // Археология Урала и Западной Сибири: к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. — Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. ун-та, 2005. — С. 129–133.

Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Случайная находка топора древнейшей культуры в Челябинской области // РА. — 2008. — № 4. — С. 111–114.

Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В. Могильник Солнце-Талика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала : сб. науч. тр. — Челябинск : Рифей, 1996. — С. 121–150.

Виноградов Н.Б., Мухина М.А. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья: межвузовский сб. — Куйбышев, 1985. — С. 79–84.

Вохменцев М.П. Край в эпоху бронзы // История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года). — Курган : Изд-во Курганского гос. пед. ин-та, 1995. — Т. 1. — С. 53–67.

Гайдученко Л.Л. Место и значение Южного Урала в экспортно-импортных операциях по направлению восток — запад в эпоху бронзы // Россия и Восток : проблемы взаимодействия. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 2. — С. 110–115.

Гайдученко Л.Л. Особенности природопользования древнего населения «Страны городов» Южного Урала и Зауралья // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. : региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1999. — С. 309–312.

Гайдученко Л.Л. Характер эксплуатации и наполняемость укрепленных поселений эпохи средней бронзы Южного Зауралья // Экология древних и современных обществ. — Вып. 2. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. — С. 115–116.

Гей А.Н. Проблема социальной дифференциации и эволюция общества степных скотоводов бронзового века (на примере новотиторской и катакомбной культур Степного Прикубанья // Социальная дифференциация общества (поиски археологических критериев). — М. : Ин-т археологии РАН, 1993. — С. 42–77.

Гей А.Н. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге европейской России // СА. — 1999. — № 1. — С. 34–50.

Гей А.Н. Новотиторская культура. — М. : Старый сад, 2000. — 224 с.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. — 1973. — № 1. — С. 114–136.

Генинг В.Ф. Хронологические комплексы XVI в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника) // Новейшие открытия советских археологов: тезисы докладов конф. — Киев : ИА АН УССР, 1975. — Ч. 1. — С. 94–95.

Генинг В.Ф. Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. — 1977. — № 4. — С. 53–73.

Генинг В.В. Об использовании боевых колесниц степным населением Евразии в эпоху бронзы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. — Киев : Наукова думка, 1991. — С. 111–112.

Генинг В.Ф., Ашихмина Л.И. Могильник эпохи бронзы на р. Синташта // АО-1974. — М. : Наука, 1975. — С. 144–147.

Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. — Вып. 13. — Свердловск : Изд-во Уральского гос. ун-та, 1975. — С. 42–72.

Генинг В.Ф., Виноградов Н.Б. Новый могильник середины II тыс. до н.э. на р. Синташта // АО-1975. — М. : Наука, 1976. — С. 168.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. — Челябинск : Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. — Ч. 1. — 407 с.

Генинг В.Ф., Пряхин А.Д. Синташтинское поселение // АО-1974. — М. : Наука, 1975. — С. 147.

Гилева Ю.В., Худобородова В.В. Озерное I — новый погребальный памятник периода поздней бронзы в лесостепном Притоболье // XLIII международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конф. Оренбург ; 1–3 февраля 2011 г. : материалы и тезисы докладов / ред. коллегия: Н.Л. Моргунова (отв. ред.), А.А. Евгеньев, И.В. Матюшко, Л.А. Краева ; Мин-во образования и науки РФ ; Оренбургский гос. пед. ун-т. — Оренбург : Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2011. — С. 73–75.

Горбунов В.С. Классификация абашевских могильников Башкирии // Древности Южного Урала. — Уфа : БФАН СССР, 1976. — С. 18–34.

Горбунов В.С. Некоторые проблемы эпохи бронзы лесостепной полосы Приуралья // Бронзовый век Южного Приуралья : межвузовский сб. науч. тр. — Уфа : Башкирский гос. пед. ин-т, 1985. — С. 3–21.

Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья. — Уфа : Изд-во Башкирского гос. пед. ин-та, 1986. — 96 с.

Горбунов В.С. Некоторые проблемы культурогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья. — Свердловск : ИИиА УрО РАН, 1990. — 30 с.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. — Уфа : Изд-во Башкирского гос. пед. ин-та, 1992. — 223 с.

Горбунов В.С. Проблемы реконструкции основ хозяйства населения Волго-Уралья в эпоху бронзы. — Уфа : Изд-во Башкинского гос. пед. ин-та, 1992. — 40 с.

Горбунов В.С. Некоторые проблемы периодизации и хронологии культур эпохи бронзы Волго-Уральской лесостепи // Хронология памятников Южного Урала. — Уфа : УНЦ РАН, 1993. — С. 4–10.

Горбунов В.С. Некоторые суждения о концепции В.В. Отрощенко по истории племен срубной общности // Археология восточноевропейской лесостепи. — Вып. 17 : Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2003. — С. 97–101.

Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х., Акбулатов И.М. Новые материалы из погребальных памятников эпохи бронзы Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья : сб. науч. ст. — Уфа : БНЦ УрО АН СССР, 1989. — С. 17–34.

Горбунов В.С., Яминова С.А. У истоков новых гипотез по проблемам эпохи бронзы Уральского региона (70–80-е годы). — Уфа : Изд-во Башкинского гос. пед. ин-та, 1999. — 44 с.

Григорьев С.А. Новые материалы к истории металлургии Южного Урала // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1988. — С. 46–59.

Григорьев С.А. Проблема культурных трансформаций в Урало-Ишимском междуречье // Археология Волго-Уральских степей. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1990. — С. 26–41.

Григорьев С.А. К вопросу об изучении древнего металлургического производства // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. — Екатеринбург : Наука, 1992. — С. 26–37.

Григорьев С.А. Древняя металлургия Южного Урала: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М. : ИА РАН, 1994. — 20 с.

Григорьев С.А. Металлургическое производство эпохи бронзы Южного Зауралья // Россия и Восток : проблемы взаимодействия. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 2. — С. 122–126.

Григорьев С.А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. // Новое в археологии Южного Урала. — Челябинск : Рифей, 1996. — С. 78–96.

Григорьев С.А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей степи и лесостепи Евразии : тезисы докладов международной науч. конф. — Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 1996. — С. 30–35.

Григорьев С.А. Металлургические комплексы поселения Синташта // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: тр. музея-заповедника «Аркаим». — Челябинск : Каменный пояс, 1996. — С. 106–118.

Григорьев С.А. Синташтинская культура и проблема локализации арийской прародины // XIII Уральское археологическое совещание: тезисы докладов. — Уфа : Восточный ун-т, 1996. — Ч. 1. — С. 56–58.

Григорьев С.А. «Протогородская цивилизация» и реалии синташтинской культуры // Комплексные общества III–I тыс. до н. э.: материалы к конф. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. — С. 107–112.

Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. — Челябинск : ООО АНТ, 1999. — 444 с.

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. — Челябинск : Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2000. — С. 241–531.

Григорьев С.А. История изучения эпохи бронзы Южного Зауралья // Григорьев С.А., Мосин В.С., Таиров А.Д. и др. История археологии Южного Зауралья : учеб. пособие. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 2002. — С. 40–112.

Григорьев С.А. Этнические процессы в Южном Зауралье в эпоху бронзы // Этнические взаимодействия на Южном Урале : тезисы докладов региональной науч.-практ. конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 2002. — С. 26–29.

Григорьев С.А. Металлургическое производство эпохи бронзы в Башкирском Приуралье // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание : материалы международной науч. конф. — Пермь, 2003. — С. 78–79.

Григорьев С.А. Металлургия эпохи бронзы Центрального Казахстана // Степная цивилизация Восточной Евразии. — Т. 1 : Древние эпохи. — Астана : Kultegin, 2003. — С. 125–145.

Григорьев С.А. Спектральный анализ шлаков эпохи поздней бронзы Поволжья и Оренбургского Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. — Вып. VI. — Оренбург : Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2004. — С. 46–63.

Григорьев С.А., Русанов И.А. Экспериментальные реконструкции древнего металлургического производства // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск : Каменный пояс, 1995. — С. 147–158.

Гутков А.И. Исходное сырье и формовочные массы керамики Большекараганского могильника // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. — Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 1994. — С. 66–69.

Гутков А.И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим. Исследования, поиски, открытия / под ред. Г.Б. Здановича. — Челябинск, 1995. — С. 135–147.

Гутков А.И. Технология изготовления керамики памятников синташтинского типа // Россия и Восток : проблемы взаимодействия. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 2. — С. 132–135.

Гутков А.И. Была ли сельскохозяйственная округа в бронзовом веке // XIV Уральское археологическое совещание: тезисы докладов. — Челябинск : Рифей, 1999. — С. 69–70.

Гутков А.И. О традиции ремонта глиняной посуды // Археологический источник и моделирование древних технологий : тр. музея-заповедника «Аркаим» ; Специализированный природно-ландшафт и ист.-археологический центр «Аркаим»; Ин-т истории и археологии УрО РАН.— Челябинск : Каменный пояс, 2000. — С. 170—186.

Гутков А.И., Русанов И.А. Жилище поселения Аркаим (археологические источники и опыт реконструкции) // Россия и Восток : проблемы взаимодействия. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 2. — С. 127—129.

Дегтярева А.Д. Металл Кондрашкинского кургана эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Вып. 2. — Тюмень : Наука, 1999. — С. 30—38.

Дегтярева А.Д. Технологическое исследование металла ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы взаимодействия человека и природной среды : материалы итоговой науч. сессии ученого совета Ин-та проблем освоения Севера СО РАН 2002 г. — Вып. 4. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. — С. 23—27.

Дегтярева А.Д. Химико-металлургические группы металла синташтинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Вып. 11. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. — С. 29—41.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлопроизводство петровских племен : по материалам поселения Кулевчи 3 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Вып. 3. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. — С. 23—54.

Демкин В. А. Палеоэкологические кризисы и оптимумы в евразийских степях в древности и средневековье // Комплексные общества Центральной Евразии в III—I тыс. до н.э. : региональные особенности в свете универсальных моделей: материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1999. — С. 304—306.

Демкин В.А., Демкина Т.С. Палеоэкологические кризисы и оптимумы в степях Нижнего Поволжья в IV—II тыс. до н.э. // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова, в Государственном Историческом музее : тезисы конф. : в 2 ч. Ч. 1. — М. : Изд-во ГИМ, 2003. — С. 180—182.

Демкин В.А., Рысков Я.Г. Почвы и ландшафты сухих степей Приуралья во II— I тыс. до н.э. // Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 2. — С. 135—138.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. — Кишинев : Высш. Антропологическая Шк., 2002. — 348 с.

Дмитриев А.В. Исследование кургана Халвай 3 (предварительное сообщение) // XLIII международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конф. Оренбург ; 1—3 февраля 2011 г. : материалы и тезисы докладов / редкол. : Н.Л. Моргунова (отв. ред.), А.А. Евгеньев, И.В. Матюшко, Л.А. Краева ; Министерство образования и науки Рос. Федерации, Оренбургский гос. пед. ун-т. — Оренбург : Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2011. — С. 59—61.

Дремов И.И. Смена и преемственность культурных традиций на рубеже средней и поздней бронзы в степном Поволжье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. — Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1997. — Ч. 2. — С. 57—79.

Дремов И.И. Межрегиональные особенности престижных погребений начала поздней бронзы // Комплексные общества Центральной Евразии в III—I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1999. — С. 141—146.

Евдокимов В.В. Раскопки в Кустанайской области // АО-1976. — М. : Наука, 1977. — С. 510.

Евдокимов В.В. Раскопки в Верхнем Притоболье // АО-1977. — М. : Наука, 1978. — С. 229—230.

Евдокимов В.В. Работы Карагандинского отряда // АО-1980. — М. : Наука, 1981. — С. 434.

Евдокимов В.В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1983. — С. 35—47.

Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. — Алматы : Ин-т археологии, 2000. — 140 с.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана : учеб. пособие. — Караганда : Изд-во Карагандинского гос. ун-та, 2002. — 138 с.

Евдокимов В.В., Логвин В.Н. Исследования в Кустанайской области // АО-1971. — М. : Наука, 1972. — С. 287–289.

Евдокимов В.В., Логвин В.Н., Бурнаева В.Д. Исследования в Верхнем Притоболье // АО-1974. — М. : Наука, 1975. — С. 484–485.

Евдокимов В.В., Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Могильник эпохи бронзы Бозенген — памятник нуртайского типа // Вестник археологии, антропологии и этнографии // Тюмень : ИПОС СО РАН, 2002. — № 4. — С. 84–95.

Епимахов А.В. О хронологическом соотношении синташтинских и абашевских памятников // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала : тезисы докладов XII УАС. — Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 1993. — С. 57–58.

Епимахов А.В. Раскопки в Варненском районе Челябинской области // АО-1993. — М. : Наука, 1994. — С. 129–130.

Епимахов А.В. Археологические раскопки в Карталинском и Троицком районах Челябинской области // АО-1994. — М. : Наука, 1995. — С. 203–204.

Епимахов А.В. Погребальные памятники синташтинского времени (архитектурно-планировочное решение) // Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 43–47.

Епимахов А.В. Демографические аспекты социологических реконструкций (по материалам синташтинско-петровских памятников) // XIII Уральское археологическое совещание : тезисы докладов. — Уфа : Восточный ун-т, 1996. — Ч. I. — С. 58–60.

Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II — некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. — Челябинск : Каменный пояс, 1996. — С. 22–42.

Епимахов А.В. Проблемы хронологии синташтинских памятников // Проблемы истории, филологии, культуры. — Вып. 4. — Ч. 1. — М. ; Магнитогорск : Изд-во Магнитогорского гос. пед. ин-та, 1997. — С. 14–20.

Епимахов А.В. Продолжение раскопок могильника средней бронзы Каменный Амбар-5 // АО-1996. — М. : Наука, 1997. — С. 278.

Епимахов А.В. Погребальная обрядность населения Южного Зауралья эпохи средней бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск : ИАиЭ СО РАН, 1998. — 38 с.

Епимахов А.В. О границах и соотношении частей абашевской культурно-исторической общности // XV Уральское археологическое совещание. — Оренбург : Оренбургская губерния, 2001. — С. 73–74.

Епимахов А.В. Мало-Кизильское селище и его место в системе культур бронзового века Урала // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы международной науч. конф. — СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. — С. 133–138.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. — Челябинск : Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2002. — 170 с.

Епимахов А.В. Атрибуты производственной специализации в погребальных памятниках Урала эпохи бронзы // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание : материалы международной науч. конф. — Пермь : Пермский гос. ун-т, 2003. — С. 81–82.

Епимахов А.В. Верхне-Кизильский клад : варианты интерпретации // Археология, этнография и антропология Евразии. — Вып. 4 (16). — Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. — С. 96–102.

Епимахов А.В. Могильник эпохи бронзы Солончанка IА и вопрос интерпретации одиночных синташтинских курганов // Археологический альманах. — № 15 : Псалии. Элементы упря-

жи и конского снаряжения в древности : сб. ст. / отв. ред. А.Н. Усачук. — Донецк : Донецкий обл. краеведческий музей, 2004. — С. 99–102.

Епимахов А.В. О возможности формирования единой системы хронологии бронзового века Северной Евразии // Западная и Южная Сибирь в древности : сб. науч. тр. / отв. ред. А.А. Тишкин. — Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2005. — С. 169–173.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). — Челябинск : Челябинский дом печати, 2005. — Кн. 1. — 192 с.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. — 2005. — № 4. — С. 92–102.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы // Археологический альманах. — № 15 : Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности : сб. ст. / отв. ред. А.Н. Усачук. — Донецк : Донецкий обл. краеведческий музей, 2004. — С. 39–45.

Зайберт В.Ф. Динамика взаимодействия природно-экологических и социально-экономических факторов в процессе становления и развития производящего хозяйства в степях Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата : Наука, Казахская ССР, 1989. — С. 179–189.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. — Петропавловск : Наука, Республика Казахстан, 1993. — 244 с.

Зайков В.В. «Каменная летопись» Аркаима и «Страны городов» // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск, 1995. — С. 91–106.

Зайков В.В. Минерально-сырьевая база памятников эпохи бронзы на Южном Урале («Страна городов») // Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 2. — С. 147–152.

Зайков В.В. Геологическое строение и полезные ископаемые района музея-заповедника «Аркаим» // Природные системы Южного Урала : сб. науч. тр. / под ред. Л.Л. Гайдученко. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1999. — С. 5–36.

Зайков В.В., Бушмакин А.Ф., Юминов А.М. и др. Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. : материалы к конф. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. — С. 313–317.

Зайков В.В., Зданович Г.Б., Юминов А.М. Медный рудник бронзового века «Воровская яма» (Южный Урал) // Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 2. — С. 157–162.

Зайков В.В., Зданович С.Я. Каменные изделия и минерально-сырьевая база каменной индустрии Аркаима // Археологический источник и моделирование древних технологий: тр. музея-заповедника «Аркаим». — Челябинск : Книга, 2000. — С. 73–94.

Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю. Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале // Археология, этнография и антропология Евразии. — № 4. — Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. — С. 101–114.

Зайкова Е.В. Состав металлических изделий поселения Синташта // Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 2. — С. 152–157.

Зах В.А., Рябогина Н.Е. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. — № 4 (24). — Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. — С. 85–100.

Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // Вопросы археологии Урала. — Вып. 12. — Свердловск : Изд-во Уральского гос. ун-та, 1973. — С. 21–43.

Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М. : ИА АН СССР, 1975. — 26 с.

Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы

Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1983. — С. 48–68.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1984. — С. 3–23.

Зданович Г.Б. Щитковые псалии Среднего Приишимья // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1985. — С. 110–119.

Зданович Г.Б. Щитковые псалии Среднего Приишимья // КСИА. — Вып. 185. — М. : Наука, 1986. — С. 60–65.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). — Свердловск : Изд-во Уральского гос. ун-та, 1988. — 177 с.

Зданович Г.Б. Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата : Наука, 1989. — С. 179–189.

Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале. Гипотеза или установленный факт? // Фантастика и наука. — Вып. 25. — М. : Знание, 1992. — С. 256–271.

Зданович Г.Б. Архитектура поселения Аркаим // Маргулановские чтения. 1990 г. : сб. материалов конф. — М., 1992. — Ч. 1. — С. 79–84.

Зданович Г.Б. Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск : Каменный пояс, 1995. — С. 21–42.

Зданович Г.Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. — 1997. — № 2. — С. 47–62.

Зданович Г.Б. Гармонизация пространства страны городов // XIV Уральское археологическое совещание : тезисы докладов. — Челябинск : Южно-Уральский гос. ун-т, 1999. — С. 76–78.

Зданович Г.Б. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы // Комплексные общества Центральной Евразии в III—I тыс. до н. э. : материалы к конф. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. — С. 42–45.

Зданович Г.Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы : дис. ... док. ист. наук. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 2002. — 55 с.

Зданович Г.Б. Аркаим и «Страна городов» : диалог культур // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала / науч. ред. Г.Б. Зданович. — Челябинск : Крокос, 2004. — С. 49–66.

Зданович Г.Б. Могила «Учителя» или образ горы в культуре «Страны городов» // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала / науч. ред. Г.Б. Зданович. — Челябинск : Крокос, 2004. — С. 75–86.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. «Страна городов» — укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVII вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск : Каменный пояс, 1995. — С. 54–62.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Укрепленные центры «Страны городов» Южного Зауралья // Комплексные общества Центральной Евразии в III—I тыс. до н.э. : региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1999. — С. 210–213.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Укрепленные центры эпохи средней бронзы в Южном Зауралье // Степная цивилизация Восточной Евразии. — Т. 1 : Древние эпохи. — Астана : Kultegin, 2003. — С. 72–87.

Зданович Г.Б., Гаврилюк А.Г., Малютин Т.С. Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области : сб. науч. тр. / Министерство образования и науки РФ. — Оренбург : Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2006. — С. 41–47.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — «Страна городов» : Пространство и образы (Аркаим : горизонты исследований). — Челябинск : Крокос ; Южно-Уральское кн. изд-во, 2007. — 260 с. : ил.

Зданович Г.Б., Генинг В.В. Оборонительные сооружения поселения Синташта // АО-1983. — М. : Наука, 1985. — С. 147–148.

Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Протогородская цивилизация «Страны городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // *Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы III международной конф.* — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 48–62.

Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Проблема освоения евразийских степей в бронзовом веке и «Страна городов» Южного Зауралья // *Археология Урала и Западной Сибири : к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга.* — Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. ун-та, 2005. — С. 110–128.

Зданович Г.Б., Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // *СА.* — 1980. — № 3. — С. 183–193.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С. Абашевская культура и синташтинский очаг культурогенеза // *Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии : тезисы докладов международной науч. конф., 2–5 декабря 1996 г.* — Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 1996. — С. 60–61.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С. Поселение Берсуат // *XV Уральское археологическое совещание : тезисы докладов международной науч. конф.* — Оренбург : Оренбургская губерния, 2001. — С. 74–75.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С. Укрепленное поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи синташтинско-аркаимской и петровской культур) // *Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы II региональной науч.-практ. конф.* — Челябинск : Рифей, 2004. — С. 56–61.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г. Материалы к исследованию ранних этапов синташтинской культуры (укрепленное поселение Аландское) // *Проблемы археологии : Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной) : сб. ст. / отв. ред. М.П. Voxменцев.* — Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. — С. 103–108.

Зданович Д.Г. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев Урало-Казахстанских степей // *Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия.* — Челябинск : Каменный пояс, 1995. — С. 43–53.

Зданович Д.Г. Синташтинско-микенский культурно-хронологический горизонт : степи Евразии и Элладский регион в XVIII – XVI вв. до н.э. // *Россия и Восток : проблемы взаимодействия.* — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 63–65.

Зданович Д.Г. К проблеме происхождения памятников синташтинского типа (археологическое знание и имагология) // *Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э. : региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы к конф.* — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1999. — С. 113–114.

Зданович Д.Г. К этнокультурной характеристике населения степного Зауралья эпохи средней бронзы : обряды жертвоприношения животных // *Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы II региональной науч.-практ. конф.* — Челябинск : Рифей, 2004. — С. 62–65.

Зданович Д.Г. Княженские курганы : точка на археологической карте // *Аркаим – Синташта : древнее наследие Южного Урала : к 70-летию Г.Б. Здановича : сб. науч. тр. : в 2 ч. / отв. ред. Д.Г. Зданович.* Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2010. — С. 162–178.

Зданович Д.Г., Гутков А.И., Гайдученко Л.Л. и др. Аркаим : некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). — Челябинск : Южно-Уральское кн. изд-во, 2002. — Кн. 1. — 216 с. : ил.

Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. Из опыта исследования погребальных комплексов эпохи бронзы в Южном Зауралье : могильник Степное VII // *XVII Уральское археологическое совещание : материалы науч. конф.* Екатеринбург, 19–22.11.2007. — Екатеринбург ; Сургут, 2007. — С. 140–144.

Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // *Проблемы археологии Урало-казахстанских степей.* — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1988. — С. 60–79.

Иванов И.В., Плеханова Л.Н., Чичагова О.А. и др. Палеопочвы Аркаимской долины и бассейна р.Самары — индикатор экологических условий в эпоху бронзы // *Бронзовый век Вос-*

точной Европы : характеристика культур, хронология и периодизация : материалы международной науч. конф. — Самара : Науч.-технический центр, 2001. — С. 375–384.

Иванов И.В., Чернянский С.С. Вопросы археологического почвоведения и некоторые результаты палеопочвенных исследований в Заповеднике «Аркаим» // Археологический источник и моделирование древних технологий : тр. музея-заповедника «Аркаим». — Челябинск : Каменный пояс, 2000. — С. 3–16.

Иванова С.В., Цимиданов В.В. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический альманах. — № 2. — Донецк : Донеччина, 1993. — С. 23–34.

Калиева С.С. О роли «местного» компонента в формировании петровско-синташтинских древностей // Западная и Южная Сибирь в древности : сб. науч. тр. / отв. ред. А.А. Тишкин. — Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2005. — С. 173–177.

Калиева С.С. Поселение Кожай 1. — Алматы : МН АН РК Ин-т археологии им. А. Маргулана, 1998. — 255 с.

Калиева С.С., Колбин Г.В., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак // Маргулановские чтения (тезисы). — Петропавловск, 1992. — С. 57–59.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. — Кустанай : Кустанайский печатный двор, 1997. — 176 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2008. — № 9. — Тюмень : ИПСО СО РАН. — С. 32–58.

Каргалы. Т. III : Селище Горный : археологические материалы : технология горно-металлургического производства : археобиологические исследования / сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 320 с.

Каргалы. Т. IV : Некрополи на Каргалах ; население Каргалов : палеоантропологические исследования / сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. — М. : Языки славянской культуры, 2005. — 240 с.

Кол Ф.Л. Трансформация культуры от мобильных скотоводов к оседлым земледельцам (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс) // РА. — 2005. — № 1. — С. 64–71.

Корневский С.Н. Наследство катакомбного периода в металлообработке эпохи поздней бронзы Уральской горно-металлургической области // Культуры бронзового века Восточной Европы : межвузовский сб. науч. тр. — Куйбышев : Изд-во Куйбышевского гос. пед. ин-та, 1983. — С. 97–109.

Коробкова Г.Ф., Виноградов Н.Б. Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III // Вестник ЧГПУ. — Вып. 2. — Сер. 1 : Исторические науки. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. пед. ун-та, 2004. — С. 57–87.

Корякова Л.Н., Берсенева Н.А., Епимахов А.В. и др. Предварительные результаты исследований в микрорайоне Каменный Амбар (эпоха бронзы) // XVII Уральское археологическое совещание / отв. ред. А.Я. Труфанов. — Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2007. — С. 145–147.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В. и др. Новейшие исследования поселений эпохи бронзы в долине р. Карагайлы-Аят // XVIII Уральское археологическое совещание : культурные области, археологические культуры, хронология : материалы XVIII Уральского археологического совещания. — Уфа : Изд-во Башкирского гос. пед. ун-та, 2010. — С. 145–148.

Косинцев П.А. Животноводство и охота населения поселения «Устье» в синташтинское время // Пятые Берсовские чтения : сб. науч. ст. / Свердловский областной краеведческий музей. — Екатеринбург : Квадрат, 2006. — С. 203–205.

Косинцев П.А. Животные в погребальном обряде населения Урало-Поволжья в начале II тыс. до н.э. // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. : региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1999. — С. 255–258.

Косинцев П.А. Эволюция животноводства в лесостепной и степной зонах Урало-Поволжья в III–II тыс. до н.э. // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.

Региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1999. — С. 328–330.

Косинцев П.А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий : тр. музея-заповедника «Аркаим». — Челябинск : Каменный пояс, 2000. — С. 17–44.

Косинцев П.А. Лошади Ботая и Синташты : сравнительная и морфометрическая характеристика // Этнические взаимодействия на Южном Урале : тезисы докладов региональной науч.-практ. конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 2002. — С. 48–50.

Костюков В.П., Епимахов А.В. Предварительные итоги исследования могильника бронзового века Троицк-7 // 120 лет археологии восточного склона Урала : Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга : материалы науч. конф. — Ч. 2 : Новейшие открытия уральских археологов. — Екатеринбург : Уральский гос. ун-т, 1999. — С. 66–70.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). — Самара : Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 1995. — С. 156–207.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала : сб. науч. тр. — Челябинск : Рифей, 1996. — С. 151–163.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // ТГИМ. — Вып. XVII. — М. : Изд-во ГИМ, 1948. — С. 59–172.

Кузнецов П.Ф. Кавказский очаг и культуры бронзового века Волго-Уралья // Между Европой и Азией. Кавказ IV — I тыс. до н.э. — СПб. : ИИМК РАН, 1996. — С. 64–66.

Кузнецов П.Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита — бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. — Вып. 1. — СПб. : ИИМК РАН, 1996. — С. 56–59.

Кузнецов П.Ф. Проблемы миграций в развитом бронзовом веке Волго-Уралья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. — Волгоград : Перемена, 1996. — С. 40–43.

Кузнецов П.Ф. Проблемы миграций в развитом бронзовом веке Волго-Уралья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. — Волгоград : Перемена, 1996. — С. 40–43.

Кузнецов П.Ф. О роли культур Южного Урала в культурогенезе эпохи поздней бронзы // XIV Уральское археологическое совещание : тезисы докладов. — Челябинск : Рифей, 1999. — С. 87–88.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. Вопрос о культурном единстве потаповских и синташтинских керамических комплексов // Бронзовый век Восточной Европы : Характеристика культур, хронология и периодизация : материалы международной науч. конф. к столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Восточной Европы. — Самара : Изд-во ООО «НТЦ», 2001. — С. 266–273.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Семенова А.П. и др. Новые материалы к проблеме культурогенеза эпохи поздней бронзы в Волго-Уралье // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. — Саратов : Саратовский гос. ун-т, 2000. — С. 80–83.

Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара : Изд-во Самарского науч. центра РАН, 2000. — С. 122–151.

Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культя коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. — М. : Наука, 1977. — С. 28–52.

Кузьмина Е.Е. Еще раз о дисковидных псалиях евразийских степей // КСИА. — Вып. 161. — М. : Наука, 1980. — С. 8–21.

Кузьмина Е.Е. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен // Материалы по

хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. — Уфа : Изд-во БФАН СССР, 1981. — С. 23–43.

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. — Фрунзе : Илим, 1986. — 132 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. — М. : Изд-во ВИНТИ, 1994. — 464 с.

Кузьмина Е.Е. Евразийская степь : интенсивный или экстенсивный путь исторического развития ? // Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 83–88.

Кузьмина Е.Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма. II. Возникновение кочевого общества // ВДИ. — 1997. — № 2. — С. 81–93.

Кузьмина Е.Е. Методика этнической атрибуции и хронология памятников бронзового века Центральной Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н. э. : материалы к конф. — Челябинск, 1999. — С. 268–272.

Кузьмина Е.Е. Кони и колесницы Южного Урала и индоевропейские мифы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала : сб. науч. тр. — Орск : Ин-т Евразийских исслед. ; Ин-т степи УрО РАН, 2000. — С. 3–9.

Кузьмина Е.Е. Первая волна миграции индоиранцев на юг // ВДИ. — 2000. — № 4. — С. 3–20.

Кузьмина Е.Е. Место андроновской культурной общности в Евразии // XV Уральское археологическое совещание : тезисы докладов международной науч. конф. — Оренбург : Оренбургская губерния, 2001. — С. 87–90.

Кузьмина Е.Е. Современное состояние проблемы доместики лошади и происхождения колесниц // У истоков цивилизации : сб. ст. к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди / ред. М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова. — М. : Старый сад, 2004. — С. 129–141.

Кузьмина Е.Е. Арии — путь на юг / Рос. Ин-т культурологии. — М. : Летний сад, 2008. — 558 с.: ил.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье : учеб. пособие к спецкурсу. — Самара : Изд-во Самарского гос. ун-та, 1992. — 128 с.

Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). — Вып. 63 : Археологические изыскания. — СПб. : Европейский дом, 2000. — С. 65–134.

Кузьмина О.В. К вопросу о происхождении височных подвесок в 1,5 оборота абашевской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье : материалы международной науч. конф. — СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. — С. 178–181.

Кузьмина О.В. Украшения абашевской культуры // Проблемы археологии Евразии : К 80-летию Н.Я. Мерперта : сб. ст. — М. : ИА РАН, 2002. — С. 157–174.

Кузьмина О.В., Шарафутдинова Э.С. Хроника семинара «Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье» // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). — Самара : Изд-во Самарского гос. ун-та, 1995. — С. 208–230.

Кукушкин И.А. Археологические исследования могильника Ащису. Курган 1 // Историко-культурное наследие Сарыарки : сб. науч. ст. — Караганда : Карагандинский гос. ун-т им. Е.А. Букетова ; Сарыаркинский археологический ин-т, 2007. — С. 40–64.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Геологическая история евразийских степей за последние 10000 лет // Россия и Восток : проблемы взаимодействия. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 2. — С. 165–171.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала // Природные системы Южного Урала : сб. науч. тр. / под ред. Л.Л. Гайдученко. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1999. — С. 66–104.

Лебедева Е.Ю. Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы в Восточной Европе // *OPUS : Междисциплинарные исследования в археологии.* — 2005. — № 4. — С. 25–35.

Линдафф К.М. Как далеко на Восток распространялась евразийская металлургическая традиция? // *РА.* — 2005. — № 4. — С. 25–35.

Литвиненко Р.А. Некоторые замечания по поводу хронологии доно-волжской абашевской культуры // *Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии : тезисы докладов международной науч. конф.* — Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 1996. — С. 13–16.

Литвиненко Р.А. К проблеме хронологического соотношения памятников синташтинского круга и КМК // *Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. : материалы к международной конф.* — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. — С. 130–132.

Литвиненко Р.А. Южноуральский очаг культурогенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // *Абашевская культурно-историческая общность : истоки, развитие, наследие : материалы международной науч. конф.* — Чебоксары, 2003. — С. 145–152.

Логвин В.Н. К проблеме становления синташтинско-петровских древностей // *Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы конф.* — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 88–95.

Логвин В.Н. О структуре бестамакской общины // *Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. : материалы к международной конф.* — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. — С. 115–118.

Логвин В.Н. Могильник Токанай-1 и проблема соотношения «петровских» и «синташтинских» памятников // *Западная и Южная Сибирь в древности : сб. науч. тр. / отв. ред. А.А. Тишкин.* — Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2005. — С. 190–194.

Логвин В.Н. Петровка — Синташта : синонимы, этапы, варианты? // *Человек и Север : Антропология, археология, экология : материалы Всероссийской конф., г. Тюмень, 24–26 марта 2009 г.* — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. — Вып. 1. — С. 81–84.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Раскопки могильника Бестамак в 2005 году // *Отчет об археологических исследованиях по гос. программе «Культурное наследие» в 2005 г.* — Алматы : Ин-т археологии АН РК, 2005. — С. 258–260.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В. и др. Исследования могильника Бестамак в 2006 году // *Отчет об археологических исследованиях по гос. программе «Культурное наследие» в 2006 г.* — Алматы : Ин-т археологии АН РК, 2007. — С. 123–126.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В. О погребениях эпохи энеолита в положении «сидя» из могильника Бестамак // *Проблемы археологического изучения Южного Урала : сб. науч. ст. / отв. ред. и сост. Н.Б. Виноградов.* — Челябинск : Абрис, 2009. — С. 104–110.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. — Уфа : Китап, 1994. — 360 с.

Малов Н.М. Погребения покровского типа степной и лесостепной Евразии // *Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны : тезисы докладов науч. конф.* — Липецк, 1992. — С. 130–132.

Малов Н.М. Индоевропейская неурбанистическая цивилизация эпохи палеометаллов Евразийской скотоводческой историко-культурной провинции — звено мозаичной мироцелостности // *Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Археологические изыскания.* — Вып. 25. — СПб. : ИИМК РАН, 1995. — С. 7–11.

Малов Н.М., Филипченко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // *Археологические Вести.* — № 4. — СПб. : Петро-риф, 1995. — С. 52–61.

Малов Н.М. Проблема взаимодействия поволжских покровских и урало-казахстанских петровских племен степной зоны Евразии (по материалам погребений) // *Вопросы археологии Казахстана.* — Вып. 2. — Алматы ; М. : Гылым, 1998. — С. 60–63.

Малютина Т.С. «Квазигорода» эпохи бронзы Южного Урала и Древний Хорезм // Комплексные общества Центральной Евразии в III—I тыс. до н. э. : материалы к конф. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. — С. 119—121.

Малютина Т.С. Урало-Аральские этнокультурные связи в эпоху средней и поздней бронзы // Этнические взаимодействия на Южном Урале : сб. науч. тр. / отв. ред. А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. — Челябинск : Издательский центр Южно-Уральского гос. ун-та, 2009. — С. 22—26.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Куйсак — укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы к конф. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 100—106.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Опыт типологии керамики укрепленного поселения Аркаим на фоне историко-культурного развития степных культур эпохи средней бронзы // Этнические взаимодействия на Южном Урале : тезисы докладов региональной науч.-практ. конф. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2002. — С. 63—69.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима : опыт типологии // РА. — 2004. — № 4. — С. 67—82.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Гаврилюк А.Г. Некрополи укрепленного поселения Аркаим : Александровский IV. Захоронения патриархов Аркаимской долины // Аркаим — Синташта : древнее наследие Южного Урала : к 70-летию Г.Б. Здановича : сб. науч. тр. : в 2 ч. / отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2010. — С. 179—206.

Малютина Т.С., Усачук А.Н. Заготовка псаля из рога лося с укрепленного поселения Куйсак в Южном Зауралье // Археологический альманах. — № 15 : Псаля. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности : сб. ст. / отв. ред. А.Н. Усачук. — Донецк : Донецкий обл. краеведческий музей, 2004. — С. 111—114.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). — Л. : Наука, 1976. — 192 с.

Массон В.М. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте : материалы методологического семинара ИИМК АН СССР. — СПб. : ИИМК СССР, 1991. — С. 3—8.

Массон В.М. Народы евразийских степей в эпоху палеометалла и синташтинский пик культурогенеза // Россия и Восток : проблемы взаимодействия: материалы к конф. — Челябинск : Челябинского гос. ун-та, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 106—108.

Массон В.М. О продвижении носителей культур степной бронзы и процессах культурогенеза в древней Средней Азии // Комплексные общества Центральной Евразии в III—I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1999. — С. 72—74.

Массон В.М. Первые цивилизации и всемирная история : учеб. пособие. — Уфа : Изд-во ВЭГУ, 1999. — 84 с.

Массон В.М. Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). — СПб. : ИИМК РАН, 2000. — С. 135—166.

Матвеев А.В. Основные этапы развития андроновской семьи археологических культур на юго-западе Сибири // Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 109—113.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. — Новосибирск : Наука, 1998. — 416 с.

Матвеев А.В., Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г. и др. К палеогеографической характеристике андроновской эпохи в лесостепном Зауралье // Комплексные общества Центральной Евразии в III—I тыс. до н.э. Региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1999. — С. 317—321.

Матвеев А.В., Орищенко А.В., Зах В.А. и др. Радиоуглеродный возраст и проблемы хронологии археологических памятников эпохи неолита и бронзового века на юге Тюменской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятни-

ков Южной Сибири : тезисы докладов к всесоюзной науч. конф. — Барнаул, 1991. — С. 28—31.

Матвеев Ю.П. О векторе распространения «колесничных» культур эпохи бронзы // РА. — 2005. — № 3. — С. 5—15.

Матвеев Ю.П., Пряхин А.Д. Погребения воинов-колесничих на территории лесостепного Подонья и периодизация памятников эпохи бронзы доно-волжско-уральской лесостепи // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Археологические изыскания. — Вып. 25. — СПб. : ИИМК РАН, 1995. — С. 76—78.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. — М. : Наука, 1982. — 328 с.

Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология восточноевропейской лесостепи. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1979. — С. 3—24.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001. — 363 с.

Моисеев Н.Б. Курганы Окско-Донской равнины. Памятники Тамбовской области. — Тамбов : Компьютерный Центр, 1998. — 64 с.

Моргунова Н.Л. К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры (по материалам степного Приуралья) // Древняя история населения Волго-Уральских степей. — Оренбург : Изд-во Оренбургского гос. пед. ин-та, 1992. — С. 5—27.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А. и др. Шумаевские курганы. — Оренбург : Оренбургский гос. пед. ун-т, 2003. — 392 с.

Мосин В.С. К вопросу о преемственности энеолита — бронзы в Южном Зауралье // Археология Волго-Уральских степей. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1990. — С. 15—25.

Мосин В.С. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье и Северном Казахстане на рубеже энеолита и бронзового века // Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 126—129.

Мосин В.С. Стоянка Бурли II и некоторые вопросы энеолита Южного Зауралья // Новое в археологии Южного Урала : сб. науч. тр. (Сер. : Южный Урал : Природно-географические факторы и историко-культурные процессы). — Челябинск : Рифей, 1996. — С. 48—61.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск : Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2003. — 220 с.

Мосин В.С. Энеолит Южного Зауралья // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск : ИАиЭ СО РАН, 2004. — № 2. — С. 79—93.

Мосин В.С. Археологические культуры и общности в энеолите Урало-Иртышского междуречья // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: Маргулановские чтения-2008. — Караганда, 2009. — С. 97—102.

Мочалов О.Д. О происхождении некоторых особенностей керамики эпохи средней бронзы Волго-Уралья и Зауралья // Историко-археологические изыскания : науч. тр. молодых ученых. — Вып. 1. — Самара : Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 1996. — С. 74—86.

Мочалов О.Д. Юго-западные связи Волго-Уралья и Зауралья в эпоху средней бронзы по данным изучения керамики // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей степи и лесостепи Евразии : тезисы докладов международной науч. конф. — Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 1996. — С. 36—39.

Мочалов О.Д. Дискуссионные вопросы происхождения керамических традиций синташтинских памятников: современное состояние проблемы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — Т. 10. — № 1. — 2008. — С. 244—250.

Мочалов О.Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья : монография. — Самара : Самарский гос. пед. ун-т, 2008. — 252 с. : ил.

Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника / КСИА. — Вып. 101. — М. : Наука, 1964. — С. 135—141.

Нелин Д.В. Каменные наконечники стрел с памятников синташтинско-петровского круга (2-я четверть II тыс. до н.э.) в Южном Зауралье // Урало-Поволжская археологическая студ. конф. : тезисы докладов. — Самара : Изд-во Самарского гос. ун-та, 1994. — С. 40—41.

Нелин Д.В. Погребения эпохи бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Россия и Восток : проблемы взаимодействия: материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 132—136.

Нелин Д.В. Лук и стрелы населения Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи бронзы // XIII Уральское археологическое совещание : тезисы докладов. — Уфа : Восточный ун-т, 1996. — Ч. 1. — С. 60—62.

Нелин Д.В. Материалы к юго-западным связям Южного Зауралья в эпоху бронзы // Историко-археологические изыскания : сб. тр. молодых ученых. — Самара : Изд-во Самарского гос. ун-та, 1996. — С. 86—92.

Нелин Д.В. Опыт построения типологии щитковых псалий эпохи бронзы // XIV Уральское археологическое совещание. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. — С. 96—97.

Нелин Д.В. Поселение эпохи бронзы Шибаево — I: результаты исследования (предварительная публикация) // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала : сб. науч. тр. — Орск : Ин-т Евразийских исследований ; Ин-т степи УрО РАН, 2000. — С. 120—125.

Нелин Д.В. Факторы военизованности подвижных скотоводов (по материалам эпохи бронзы Волго-Уралья) // Этнические взаимодействия на Южном Урале : тез. докладов региональной науч.-практ. конф. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2002. — С. 82—84.

Нелин Д.В. Шибаево I: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. — Сер. 1: Исторические науки. — Челябинск : Челябинский гос. пед. ун-т, 2004. — С. 150—180.

Николаев В.А. Рельеф и четвертичные отложения // География производительных сил Северного Казахстана. — Т. 1 : Природные ресурсы и условия. — М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 1972. — С. 7—100.

Новоженков В.А. Колесный транспорт эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей : краткий обзор источников // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана : сб. науч. тр. (межведомственный). — Караганда : Карагандинский гос. ун-т, 1989. — С. 110—122.

Новоженков В.А. Наскальные изображения Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). — Алматы : Аргументы и Факты Казахстан, 1994. — 267 с.

Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И. и др. Тюбьяк : поселение бронзового века на Южном Урале. — Уфа : Изд-во Башкирского гос. пед. ун-та, 2001. — 159 с.

Орфинская О.В., Голиков В.П., Шишлина Н.И. Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей : ТГИМ. — Вып. 109. — М. : ГИМ, 1999. — С. 58—184.

Отрощенко В.В. Культурная принадлежность погребений Потаповского могильника в Заповжье // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. — Волгоград : Перемена, 1996. — С. 33—36.

Отрощенко В.В. О происхождении и распространении склепов колесничих // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. — Вып. 2. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. — С. 14—16.

Отрощенко В.В. К вопросу о памятниках новокумакского типа // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала : сб. науч. тр. — Орск : Ин-т Евразийских исследований; Ин-т степи УрО РАН, 2000. — С. 67—72.

Отрощенко В.В. К вопросу о периодизации покровской срубной культуры // Проблемы археологии Евразии : к 80-летию Н.Я. Мерперта : сб. ст. — М. : ИА РАН, 2002. — С. 175—180.

Отрощенко В.В. К истории племен срубной общности // Археология восточноевропейской лесостепи. — Вып. 17 : Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2003. — С. 68—96.

Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 году. — Алматы : Изд-во ин-та археологии АН РК, 2005. — С. 258—260.

Пеннер С. Щитковые псалии из Микен и их северо-восточные аналогии // Археологический альманах. — № 15 : Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности : сб. ст. / отв. ред. А.Н. Усачук. — Донецк : Донецкий обл. краеведческий музей, 2004. — С. 82—91.

Петров Ф.Н. Опыт создания типологии керамика городища Аркаим // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии : тезисы докладов международной конф. — Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 1996. — С. 57—59.

Порохова О.И. Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история Волго-Уральских степей. — Оренбург, 1992. — С. 92—108.

Потемкина Т.М. Работы в Курганской области // АО-1973. — М. : Наука, 1974. — С. 171.

Потемкина Т.М. Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // КСИА. — М. : Наука, 1976. — Вып. 147. — С. 97—106.

Потемкина Т.М. О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье // КСИА. — Вып. 169. — М. : Наука, 1982. — С. 44—53.

Потемкина Т.М. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла : межвузовский сб. науч. тр. — Куйбышев : Изд-во Куйбышевского гос. пед. ун-та, 1982. — Т. 263. — С. 159—172.

Потемкина Т.М. Алакульская культура // СА. — 1983. — № 2. — С. 13—33.

Потемкина Т.М. О происхождении алакульской культуры в Притоболье // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1983. — С. 8—21.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. — М. : Наука, 1985. — 375 с.

Потемкина Т.М. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона // СА. — 1990. — № 1. — С. 118—130.

Потемкина Т.М. Проблемы контактов и взаимодействий населения степной и лесной зоны Притоболья в эпоху бронзы // Проблемы культурогенеза и культурное наследие : материалы к конф. — Ч. 2 : Археология и изучение культурных процессов и явлений. — СПб. : ИИМК РАН, 1993. — С. 162—169.

Потемкина Т.М. О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Урало-Сибирском регионе // Россия и Восток : проблемы взаимодействия. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 144—154.

Потемкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // РА. — 1995. — № 1. — С. 14—27.

Потемкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // РА. — 1995. — № 2. — С. 11—19.

Потемкина Т.М., Дегтярева А.Д. Металл ямной культуры Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень : ИПОС СО РАН, 2007. — № 8. — С. 18—39.

Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1971. — 214 с.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1976. — 208 с.

Пряхин А.Д. Доно-волжско-уральская лесостепь на стыке средней и поздней бронзы // Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 154—156.

Пряхин А.Д. Изучение эпохи бронзы Доно-Донецкого региона и выход на новую парадигму осмысления проблематики эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи (вторая половина XX столетия) // Археология восточноевропейской лесостепи. — Вып. 17 : Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2003. — С. 36—43.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. Погребения с дисковидными псалиями эпохи средней бронзы Евразийской лесостепи // Комплексные общества Центральной Евразии в III—I тыс. до н.э.

Региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1999. — С. 152–154.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю. Доно-Волжская абашевская культура. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2001. — 169 с.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 1998. — 44 с.

Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век : учеб. пособие. — М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2002. — 226 с.

Салугина Н.П. Технологический анализ керамики из памятников раннего и среднего бронзового века Оренбуржья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала : тезисы совещания. — Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 1993. — С. 187–188.

Сальников К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья // Первое Уральское археологическое совещание : доклады науч. конф. Молотовского гос. ун-та. — Молотов, 1948. — Вып. 1–4. — С. 21–26.

Сальников К.В. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска // КСИИМК. — Вып. XXXV. — М. : ИИМК АН СССР, 1950. — С. 91–97.

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. — Вып. 21. — М. : Изд-во АН СССР, 1951. — С. 94–151.

Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА. — Т. XXI. — М. : Изд-во АН СССР, 1954. — С. 52–94.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. — № 24. — М. : Изд-во АН СССР, 1954. — С. 51–71.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Т. 1. — Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1962. — С. 16–59.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. — М. : Наука, 1967. — 407 с.

Семенов С.А. Первобытная техника // МИА. — № 54. — М. : Изд-во АН СССР, 1957. — № 54. — 240 с.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. — 351 с.

Синюк А.Т., Козимирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). — Самара : Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 1995. — С. 37–72.

Синюк А.Т., Погорелов В.И. Курган №16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии : материалы к курсу археологии России. — Уфа : Изд-во Башкирского гос. пед. ин-та, 1993. — С. 6–31.

Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. — 1961. — № 1. — С. 46–72.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Ранние погребальные комплексы под Орском и проблема хронологического соотношения культур эпохи бронзы Приуралья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). — Куйбышев : Изд-во Куйбышевского пед. ин-та, 1976. — С. 45–47.

Смирнов К.Ф., Попов С.А. Работы Оренбургской экспедиции // АО-1973. — М. : Наука, 1974. — С. 175.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. — М. : Наука, 1977. — 82 с.

Советский Союз. Географическое описание : в 22 т. Т. : Казахстан / отв. ред. Н.Н. Пальгов, М.Ш. Ярмухамедов. — М. : Мысль, 1970. — 408 с.

Советский Союз. Географическое описание : в 22 т. Т. : Урал. / отв. ред. И.В. Комар. — М. : Мысль, 1969. — 406 с.

Стефанов В. И., Епимахов А.В. Синташтинский III (малый) курган: некоторые подробности и новые сюжеты // Вопросы археологии Поволжья. — Вып. 4. — Самара : Научно-технический центр, 2006. — С. 263–272.

Стоколос В.С. Курганы эпохи бронзы у с. Степного // Краеведческие записки. — Вып. 1. — Челябинск : ЧОКМ, 1962. — С. 3—20.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. — М. : Наука, 1972. — 168 с.

Стоколос В.С. Исследования Мезенско-Уральского отряда // АО-1981. — М. : Наука, 1983. — С. 174—175.

Стоколос В.С. Существовал ли новокумакский горизонт? // СА. — 1983. — № 2. — С. 257—264.

Стоколос В.С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на р. Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. — Сер. 1 : Исторические науки. — Вып. 2. — Челябинск : Изд-во Челябинский гос. пед. ун-т, 2004. — С. 207—236.

Сунгатов Ф.А., Сафин Ф.Ф. Исследование курганных могильников в Зауралье в 1991 г. // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане : сб. ст. — Уфа : Национальный музей Республики Башкортостан, 1991. — Вып. 1. — С. 58—64.

Таифов А.Д. Изменение климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II — I тыс. до н.э. : материалы к историческим реконструкциям. — Челябинск : Рифей, 2003. — 68 с. : ил.

Телегин Д.Я., Соботович Э.В., Ковалюх Н.Н. Об абсолютном возрасте памятников Украины и некоторых смежных территорий по данным радиоуглеродных анализов // Использование методов естественных наук в археологии. — Киев : Наукова думка, 1981. — С. 78—84.

Ткачев А.А. Раскопки могильника Нуртай // АО-1980. — М. : Наука, 1981. — С. 442—443.

Ткачев А.А. Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Вып. 2. — Тюмень : ИПОС СО РАН, 1999. — С. 22—29.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. — Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. — Ч. 1. — 289 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. — Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. — Ч. 2. — 243 с.

Ткачев В.В. О соотношении синташтинских и петровских погребальных комплексов в степном Приуралье // Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 168—170.

Ткачев В.В. О курганной стратиграфии полтавкинских и синташтинских погребений в степном Приуралье // XIII Уральское археологическое совещание : тезисы докладов. — Уфа : Восточный ун-т, 1996. — Ч. 1. — С. 63—65.

Ткачев В.В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. — Вып. 2. — Оренбург : Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 1998. — С. 38—56.

Ткачев В.В. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала : сб. науч. тр. — Орск : Ин-т Евразийских исследований; Ин-т степи УрО РАН, 2000. — С. 37—65.

Ткачев В.В. О внутренней хронологии приуральской группы памятников синташтинской культуры // Бронзовый век Восточной Европы : характеристика культур, хронология и периодизация : материалы международной конф. — Самара : НТЦ, 2001. — С. 183—188.

Ткачев В.В. Сейминско-турбинский феномен и культурогенез позднего бронзового века в Урало-Казахстанских степях // Уфимский археологический вестник. — Вып. 3. — Уфа : Национальный музей РБ, 2001. — С. 3—14.

Ткачев В.В. Относительная хронология культурных образований конца эпохи средней — начала поздней бронзы в степном Приуралье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. — Вып. 1. — Уральск : Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2002. — С. 48—64.

Ткачев В.В. Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе // Степная цивилизация Восточной Евразии. — Т. 1 : Древние эпохи. — Астана : Kultegin, 2003. — С. 109—124.

Ткачев В.В. Памятники абашевской культуры в степном Приуралье // Абашевская культурно-историческая общность : истоки, развитие, наследие : материалы международной науч. конф. — Чебоксары, 2003. — С. 212—224.

Ткачев В.В. Погребение архаического лидера эпохи поздней бронзы из могильника Илекшар I в Западном Казахстане // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. — Вып. 2. — Уральск : Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2003. — С. 80–88.

Ткачев В.В. Погребальные комплексы с щитковыми псалями в Степном Приуралье // Археологический альманах. — № 15 : Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности : сб. ст. / отв. ред. А.Н. Усачук. — Донецк, 2004. — С. 7–30.

Ткачев В.В. Культурная принадлежность памятников конца среднего бронзового века в степном Приуралье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области: сб. науч. тр. / Министерство образования и науки РФ ; Оренбургский гос. пед. ун-т. — Оренбург : Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2006. — С. 88–94.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы : монография. — Актобе : Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. — 384 с. : ил.

Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю. Новые погребения энеолита — средней бронзы Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. — Вып. IV. — Оренбург : Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2000. — С. 27–54.

Ткачев В.В., Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры : монография. — Орск : Изд-во Орского гос. тех. ун-та, 2006. — 180 с. : ил.

Трифонов В.А. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. — Вып. 1 : Археологические изыскания. — СПб. : ИИМК РАН, 1996. — С. 60–64.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита — бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. — СПб: ИИМК РАН, 1996. — С. 3–49.

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. — Караганда-Лисаковск : Карагандинский гос. ун-т; Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья, 2010. — 176 с. : ил.

Хабдулина М.К., Зданович Г.Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья : межвузовский сб. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1984. — С. 136–158.

Халяпин М.В. К вопросу о культурной принадлежности памятников среднего бронзового века степного Приуралья // XIV Уральское археологическое совещание : тезисы докладов. — Челябинск : Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 1999. — С. 107–108.

Халяпин М.В. Первый бескурганый могильник синташтинской культуры // Бронзовый век Восточной Европы : характеристика культур, хронология и периодизация : материалы международного конф. — Самара : НТЦ, 2001. — С. 417–425.

Хиберт Ф., Шишлина Н.И. Древние евразийские кочевники и окружающая среда // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. : материалы к международной конф. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. — С. 307–309.

Хохлов А.А. Об абашевском антропологическом компоненте в могильниках западных районов синташтинско-потаповской культурной общности // Урало-Поволжская археологическая студ. конф. : тезисы докладов. — Уфа : Восточный ун-т, 1995. — С. 42–44.

Хохлов А.А. Краниология могильников потаповского типа в Поволжье, синташтинского и петровского — в Казахстане // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. — Волгоград : Перемена, 1996. — С. 113–118.

Цимиданов В.В. Воинские погребения эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века : материалы международного конф. — Волгоград : Перемена, 1996. — С. 78–82.

Цимиданов В.В. Еще раз о колесницах степной Евразии эпохи поздней бронзы // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). — Донецк : Донецкий обл. краеведческий музей, 1996. — Ч. 1. — С. 126–128.

Чебакова Т.Н. Жилые сооружения поселения эпохи бронзы юга Челябинской области // Новейшие открытия советских археологов : тезисы докладов конф. — Ч. 1. — Киев : Наукова думка, 1975. — С. 123–124.

Чебакова Т.Н. Новые постройки Рымникского поселения // АО-1975. — М. : Наука, 1976. — С. 204–205.

Чебакова Т.Н., Овчинников В.А. Разведка в зоне Березовского водохранилища // ВАУ. — Вып. 13. — Свердловск : Уральский гос. ун-т, 1976. — С. 139–142.

Чемякин Ю.П., Епимахов А.В. Материалы по конской упряжи периода поздней бронзы Зауралья // Археологический альманах. — № 15 : Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности : сб. ст. / отв. ред. А.Н. Усачук. — Донецк, 2004. — С. 106–110.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. — № 172. — М. : Наука, 1970. — 180 с.

Черных Е.Н. Металл — человек — время. — М. : Наука, 1972. — 208 с.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. — М. : Наука, 1976.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. — 1978. — № 4. — С. 53–83.

Черных Е.Н. Металл и древние культуры : узловые проблемы исследования // Естествен-нонаучные методы исследования в археологии. — М. : Наука, 1989. — С. 14–30.

Черных Е.Н. Каргалинский горнометаллургический комплекс на Южном Урале // XIII Уральское археологическое совещание : тезисы докладов. — Уфа : Восточный ун-т, 1996. — Ч. 1. — С. 69–72.

Черных Е.Н. Каргалы : феномен и парадоксы развития ; Каргалы в системе металлургических провинций ; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов // Каргалы : в 5 т. Т. 5 / сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. — М. : Языки славянской культуры, 2007. — 200 с.

Черных Е.Н. Каргалы : Феномен и парадоксы развития // Каргалы : в 5 т. Т. 5 / сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. — М. : Языки славянской культуры, 2007. — 200 с.

Черных Е.Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур : взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2008. — № 3. — С. 36–53.

Черных Е.Н. Степной пояс Евразии : Феномен кочевых культур. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 624 с.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Евразийская металлургическая провинция как система // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытнообщинного строя : информационные материалы. — Свердловск : УрО РАН, 1989. — С. 5–10.

Черных Е.Н., Исто К. Дж. Начало эксплуатации Каргалов : радиоуглеродные даты // РА. — 2002. — № 2. — С. 44–55.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М. : Наука, 1989. — 320 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю. и др. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах // РА. — 1999. — № 1. — С. 77–103.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю. и др. Исследование курганного могильника у с. Першин // Археологические памятники Оренбуржья. — Вып. IV. — Оренбург : Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2000. — С. 63–84.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Журбин И.В. и др. Горный — поселение эпохи поздней бронзы : топография, литология, стратиграфия : производственно-бытовые и сакральные сооружения : относительная и абсолютная хронология // Каргалы : в 5 т. Т. 2 / сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 184 с.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Кузьминых С.В. и др. Геолого-географические характеристики : история открытий, эксплуатации и исследований : археологические памятники // Каргалы : в 5 т. Т. 1 / сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 112 с.

Чупахин В.М. Природное районирование Казахстана. — Алма-Ата : Наука, 1970. — 263 с.
Шишлина Н.И., Хиберт Ф.Т. Евразийские кочевники и земледельцы эпохи бронзы : проблема взаимодействия // Между Азией и Европой. Кавказ в IV—I тыс. до н. э. — СПб. : ИИМК РАН, 1996. — С. 90–92.

Шорин А.Ф. Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла : межвузовский сб. науч. тр. — Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. пед. ин-та, 1982. — Т. 263. — С. 183–188.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий : проблемы культурогенеза. — Екатеринбург : НИСО УрО РАН, 1999. — 182 с.

Шорин А.Ф. Население эпохи развитой и поздней бронзы Урала в системе евразийских культурных связей // Уральский исторический вестник. — № 8 : Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве. — Екатеринбург : Академкнига, 2002. — С. 114–122.

Шорин А.Ф. Почему население лесной зоны Урала эпох неолита и энеолита не восприняло производящие формы хозяйства // Экология древних и современных обществ. — Вып. 2. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. — С. 194–96.

Шорин А.Ф. Культурогенетические процессы и взаимодействия в среде энеолитического населения Урала и сопредельных территорий // Археология Урала и Западной Сибири : к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. — Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. ун-та, 2005. — С. 87–92.

Щетенко А.Я. Хронологические рамки контактов степных племен с земледельцами Средней Азии // Археология Восточноевропейской степи : сб. материалов. — Пенза, 2003. — С. 253–259.

Юдин А.И. Раннесрубные типы памятников на этапе сложения культуры // Комплексные общества Центральной Евразии в III—I тыс. до н.э. : региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы к конф. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 1999. — С. 147–151.

Anthony D.W. Horse, wagon, and chariot : Indo-European languages and archaeology // *Antiquity* 69. — 1995. — P. 554–565.

Anthony D.W. The Horse, the Wheel and Language. How bronze-age riders from the Eurasian steppes shaped the modern world. Princeton University Press. Princeton and Oxford. — 2007. — 553 p.

Anthony D.W., Vinogradov N.B. Birth of the chariot // *Archaeology. An official Publication of the Archaeological Institute of America.* — Vol. 48. — № 2. — 1995. — P. 36–41.

Bortvin N.N. The Verkhny-Kizil find // *Eurasia Septentrionalis Antiqua.* III. — Helsinki, 1928. — № 3. — P. 122–131.

Grigoriev S.A. Ancient indo-europeans. — Chelyabinsk : Rifei, 2002. — 496 p.

Huttel H.-G. Bronzezeitliche Trensens in Mittel- und Osteuropa. *Praehistorische Bronzefunde.* — Munchen. — Bd. XVI. — № 2. — 1981.

Kuzmina E.E. The first Migration Wave of Indo-Iranians to the South // *The Journal of Indo-European Studies.* — Vol. 29. — Numb.1–2, Spring/Summer 2001. — P. 1–40.

Littauer M.A. & Crowell J.H. The origin of the true chariot // *Antiquity.* — Vol. — № 270. — 1996.

Zdanovich G.B., Zdanovich D.G. The “Country of Towns” of Southern Trans-Urals and Some Aspects of Steppe Assimilation in Bronze Age // *Ancient interactions : east and west in Eurasia.* Cambridge : McDonald Institute for Archaeological Research, Chapter 16. — 2002. — P. 249–263.

СПИСОК АББРЕВИАТУР

- АГУ** – Астраханский государственный университет
АН СССР – Академия наук СССР, Москва
АН УССР – Академия наук УССР, Киев
АО – Археологические открытия
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БНЦ УрО АН СССР – Башкирский научный центр Уральского отделения академии наук СССР
БФ АН СССР – Башкирский филиал академии наук СССР
ВГУ – Воронежский государственный университет, Воронеж
ВДИ – Вестник древней истории, Москва
ГИМ – Государственный исторический музей, Москва
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук, Москва
ИАиЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург
ИИМК АН СССР – Институт истории материальной культуры АН СССР, Санкт-Петербург
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Тюмень
КарГУ – Карагандинский государственный университет
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, Москва
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, Москва
ЛАИ ЧГПУ – Лаборатория археологических исследований Челябинского государственного педагогического университета
ЛАИ ЧелГУ – Лаборатория археологических исследований Челябинского государственного университета
МГУ – Московский государственный университет, Москва
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва
ОГПИ – Оренбургский государственный педагогический институт
ООО «НТЦ» – ООО «Научно-технический центр», Самара
РА – Российская археология, Москва
СА – Советская археология, Москва
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СамГУ – Самарский государственный университет
СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СГУ – Саратовский государственный университет
ТГИМ – Труды Государственного Исторического музея, Москва
УАС – Уральское археологическое совещание
УрГУ – Уральский государственный университет, Екатеринбург
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ЧГПИ – Челябинский государственный педагогический институт
ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЧОКМ – Челябинский областной краеведческий музей
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

SUMMARY

This monograph is devoted to the author's views on the monuments of the Sintashta and Petrovka types.

The Sintashta monuments include rounded fortified settlements situated in the South Trans-Urals, as well as mortuary grounds in the steppes of the Pre-Urals and the South Trans-Urals.

The author defines the Sintashta monuments as a specific type mirroring the initial stage of a culture genesis. The territory occupied by Sintashta type monuments is divided into two zones. The first one lies within the Trans-Urals peneplain and contains both the Sintashta site monuments (fortified settlements) and burial monuments. The second one includes the territory of the forest-steppes in the Trans-Urals, South Bashkiria, the Orenburg region, and North Kazakhstan. This latter zone contains only burial monuments, separate barrows, and burial grounds with Sintashta or "Sintashta-like" ceramics. In the Sintashta complexes there have been found at least three components of the proto-Srubnaya, the Abashevo culture of the South Urals, as well as the later quasi-Aeneolithic aboriginal cultures.

The cultural layers of the Sintashta type monuments contain the ceramics made predominantly on base vessels of different shapes, mostly represented by high-edged pottery with a continuous varied ornamentation on the external surface. The Sintashta ceramics are subdivided into two major groups, i.e. the "proto-Srubnaya" and the "Abashevo-like". The parameters (and mainly the ornamentation) of the Sintashta ceramics collection also reflect the traces of the later Aeneolithic cultures of the South Urals and North Kazakhstan.

The Sintashta metal collection includes objects made mainly from metal plates and are of various types. The antler cheek-pieces are mainly in the form of a disc with distinguished elevated bar and figured pins.

The Petrovka type monuments include fortified, rectangular settlements and non-fortified settlements. The Petrovka monuments display evidence of their Sintashta origin, i.e. the architecture/ layout of the settlements and the burial sites represented by the mortuary grounds of separate large families.

The material world of the Petrovka monuments is also to some extent connected to the Sintashta traditions. The ceramics are represented by pottery mostly having a roller bulge under the rim, a highly elevated edge (i.e. the terraced edge or the edged terrace), and the ornamentation distributed among two to three zones with a limited number of ornamental elements. The metal collection mostly includes metal plates and is typologically similar to the Sintashta one with some fundamental innovations, such as spearheads with cast sockets and different proportions of specific types of blade tools. The cheek-pieces from the excavations of the Petrovka monuments have rounded, segment-like or rectangular plates with a distinguished extended plank and direct pins.

Researchers have discovered that Petrovka cultural layers follow Sintashta ones in the stratigraphic sequence at the fortified settlements of Ust'ye I and Alandskoye, as well as at the Krivoye Ozero and Tanabergen II burial grounds. The author argues that the "Petrovka" monuments are only those with the ceramics of the Kulevchi III type.

The author also approaches the problems of culture genesis in the South Urals, as well as in North and Central Kazakhstan while searching for the motives that caused the large masses of the steppes population to transform in the first centuries of the second millennium B.C. This process resulted in the forging of the community of Alakul' and Srubnaya cultures.

At the turn of the third to second millennium B.C. the culture genesis processes became more active in the steppes of Eastern Europe between the Volga River basin and the Urals. According to the author, such processes were called for not only by the increased aridity of the climate that triggered the beginning of a migration era, but also by the peculiarities of the development of the cattle-breeding societies of this period inhabiting the steppes region. The destruction of the late Catacomb cultures in Eastern Europe was also connected with the disintegration of the

Circumpontic metallurgical province, and resulted in the collapse of the “life support system (i.e. subsistence economy)” of the late Catacomb cultures, especially in the remote steppes.

The later Yamnaya-Catacomb populations of the South Pre-Urals steppes had local hydrosystems that promoted the development of cattle-breeding, mining and copper working, and thus they hardly, if ever, suffered from the hardships of the dry period to the extent that could be compared with the difficulties experienced by the contemporary remote steppes cultures. It was this population that received a peculiar “carte blanche” for its development and the strengthening of its cultural influence. The South Pre-Urals seems to be the region in which the main cultural features of the population that produced Sintashta type monuments were forged. And it was here that the communities of the South Urals Abashevo culture (they were in fact mostly integrated in the Sintashta communities) were for a short time subject to the influence of the emerging Sintashta population.

According to the author a peculiar cultural community was forged on the basis of the South Urals metal working region at the turn of the third to second millennium B.C. Fundamental industries connected with this community were metal working and cattle-breeding. The main social cluster of the above-mentioned community was presumably a clan (a larger family community). The author believes that it was metal working that brought about the total sacralization of the life of the Sintashta communities along with the considerable amount of architecture/ layout innovations at the settlement monuments and the overall splendor associated with the burial rites. The appearance of a series of fortified settlements within the Trans-Urals peneplain is undoubtedly connected both with the numerous manifestations of copper-bearing minerals and with the possibility to network with neighboring aboriginal cultures that did not have access to metals.

The Sintashta fortified settlements were most likely densely populated in some seasons only, and the permanent residents of such settlements left relatively small necropolises that were situated close to the respective settlements.

The time when the Sintashta monuments appeared on the periphery of the Kazakhstan steppes and the South Urals coincided with a comprehensive crisis of the economic development of the aboriginal pre-Ugric cultures. This circumstance enhanced more active integration trends and the adoption of some Sintashta culture characteristics by these aboriginal populations. This also stimulated the rapid formation of the Petrovka period cultural complex in the context of the formation of the Alakul' cultures of the South Urals, Trans-Urals, and North Kazakhstan. The formation of the Alakul' culture complex itself was on the basis of the Petrovka one and had various tempos and trajectories of development in specific regions, this process being complicated by external influences making it quite distinctive within local and regional contexts.

Solving the range of problems connected with the Sintashta and Petrovka monuments appears to be a time-consuming task and one requiring the efforts of many specialists, therefore the author's reflections and views summed up above are a contribution to the cause.

Научное издание

Виноградов Николай Борисович

**Степи Южного Урала и Казахстана
в первые века II тыс. до н.э.
(памятники синташтинского и петровского типа)**

Монография

Оригинал-макет: *О.Э. Гурьевских*

Дизайн обложки: *М.В. Садкова*

Подписано в печать 03.05.2011. Формат 60 × 84 ¹/₈.

Бумага офсетная. Гарнитура "NewBaskervilleC".

Усл. печ. л. 20,46. Тираж 300 экз. Заказ № 1346.

ООО «Абрис».

454007, г. Челябинск, пр. Ленина, 15.

Отпечатано на ризографе в типографии ГОУ ВПО «ЧГПУ».

454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.